

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 23

Радуйся, своея земли мужественный защитителю!
Радуйся, воинства свейскаго на брегахъ Невскихъ славный победителю!
Радуйся, северныхъ столицы неоцененное украшеніе!

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Главный редактор

*Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*

Редактор И. В. Понов

Выпуск 23

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Митрополит Владимир. Возвратить святыню</i>	3
СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ	
<i>Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Солнце Земли Русской</i>	5
ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ	
<i>Монахиня Елена (Казимирчак-Полонская). Св. блгв. кн. Александр Невский, ревнитель и защитник Православной веры</i>	8
СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ	
<i>Повесть о жизни и о храбрости св. блгв. вел. кн. Александра Невского</i>	21
<i>Судьба мощей и раки св. блгв. кн. Александра Невского. Как было совершено перенесение мощей в 1724 г. К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского</i>	27
<i>И.В. Попов. Почитание св. блгв. кн. Александра Невского в Западном крае</i>	36
<i>Чудеса св. князя</i>	41
<i>Ю.К. Бегунов. Иконография св. блгв. кн. Александра Невского</i>	45
ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ	
<i>Свято-Троицкая Александро-Невская лавра</i>	49
<i>Ю.М. Пирютко. Лаврские кладбища и усыпальницы</i>	61
<i>В.В. Антонов. Серафимо-Антониевский скит Александро-Невской лавры</i>	71
ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ	
<i>А. Нерсессиан, Н.Н. Скакун, О.Н. Шумихина. Блаженный Матвей Татомир, затворник Петербургский</i>	76
<i>Старец Патермуфий. Иеросхимонах Алексей (Шестаков)</i>	83
<i>А.В. Медведев. Священник Александр Рождественский и созданное им Александро-Невское общество трезвости</i>	85
ПРОПОВЕДЬ	
<i>Архиеп. Иоанн (Максимович). Щит Руси на реке Неве</i>	94
<i>Свящ. Владислав Кумыш. Сияет имя его в веках</i>	96
ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ	
<i>В.А. Локтющенков. Орден и кавалеры ордена св. блгв. кн. Александра Невского</i>	98
БЫЛОЕ	
<i>В.В. Антонов. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде</i>	103
НАШИ ХРАМЫ	
<i>П.Е. Сорокин. Церковь св. блгв. кн. Александра Невского в Усть-Ижоре</i>	113
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	
<i>Л.И. Соколова. Монахини Кашинского подворья — новомученицы и исповедницы</i>	118
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ	
<i>В.М. Лялин. Рассказы</i>	129

<http://www.mitropolia-spb.ru/Vedomosty>

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса

Редактор И.В. Попов. Техн. редактор И.А. Шумакова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин

Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, М.Ю. Мещанинова. Корректор Г.В. Шкатова

Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д. 1; тел. (812)-274-04-54; E-mail: vedy@mail.rcom.ru

Подписано в печать 21.11.2000. Формат 60х90^{1/8}. Печ. л. 17. Тираж 999. Заказ №1168

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Моби Дик». 188097, С.-Петербург, ул. Трефолева, 2

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский Владимир

ВОЗВРАТИТЬ СВАТЫНЮ

Святой Александр Невский, великий Князь Российский, был необыкновенно талантливым человеком и прославился прежде всего как полководец. Среди государственных деятелей и правителей России он одним из первых начал создавать великое государство, стал расширять его границы. Воюя здесь, на западе и севере страны, он не стремился к захвату чужих земель, лишь защищая границы своего Отечества. Обороняя Русь, он защищал ее не только политически, но утверждал и защищал Святое Православие, понимая, что Россия без Православной Церкви, без единой религии, единой идеи церковной, — особенно в те времена, не смогла бы объединить огромные пространства и территории и сплотить народ.

Сейчас от западных до восточных границ Россия простирается на девять тысяч километров, и нет в мире другого такого обширного государства.

Когда св. Александр Невский начал расширять его, ему пришлось объединять разрозненные княжества. Несколько раз он ездил в Орду к хану с тем, чтобы получить ярлык на княжение — документ на правление в своей земле. И каждый раз он ставил вопрос о религиозной свободе своих подданных и настолько талантливо проводил эти переговоры, что подружился с сыном хана и побратался с ним, что позволило позже посеять в Орде семена христианства. Спустя века после начинаний св. Александра Невского на востоке, в Сибири, вплоть до Бурятии и Монголии, достигнув даже пределов Аляски и Америки, утвердилась святая Православная вера и были выстроены многочисленные православные храмы и монастыри.

На западе Руси св. Александр Невский укрепил границы Псковской и Новгородской земель, к которым принадлежала территория и нынешней Петербургской области, воевал с северными соседями, защищая русские границы. Благодаря ему в тяжелое для Руси время здесь была сохранена Православная вера, земли эти остались в составе России, а позднее именно

Образ св. блгв. кн. Александра Невского перед мощами в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры

в них основана столица обширной империи.

Может быть, политически он тогда не все сумел и успел сделать для централизации Руси, но он положил начало созданию единого великого княжества, превратившегося потом в могущественное государство, и, можно сказать, создал его духовно. Он помог русским православным епископам, духовенству и народу объединиться, что позволило создать единое государство.

Народ его чтит как великого патриота, созидателя и основателя нашей России и великого защитника Православия. Возвращаясь из Орды домой, чувствуя приближающуюся кончину, он принял монашество и схиму. Большим торжеством и радостью духовной запечатлелся в памяти народа тот день, когда св. князя отпевали во Владимире, и когда святитель, прочитав разрешительную молитву, хотел вложить ему в руки свиток, и св. Александр, будучи уже мертв, сам протянул руку и взял

этот свиток. Все увидели в этом событии знамение того, что душа кн. Александра уже принята Богом и он отныне торжествует на небе с сонмом святых. Через 90 лет после кончины великого князя, последовавшей в 1263 г. в царствование вел. кн. Московского Иоанна Иоанновича, когда в 1380 г. преподобный Сергий благословил св. Димитрия Донского на Куликовскую битву, он дал ему образ св. Александра Невского с частицей его святых мощей. Так началось почитание св. князя, распространившись сначала на Среднюю Россию, а затем и на север, и на северо-запад России — Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Псковскую, Новгородскую земли. Псков и поныне почитает его своим покровителем. И это заслуженно, справедливо, потому что он защищал все эти земли и обеспечил их единство и независимость от иноземных завоевателей.

С великой радостью я наблюдаю, как люди приходят к св. Александру Невскому, к его мощам, молятся и, по-моему, никогда не уходят, не получив ответ на свою молитву.

Исторически церковные святыни: св. мощи, чудотворные и чтимые иконы, раки, облачения, священные сосуды, утварь, — явились в недрах Церкви. Рака для мощей св. Александра Невского появилась и была поставлена именно в Александро-Невской Лавре. Естественно, что все святыни по всем международным юридическим и нравственным нормам и законам (касаясь, например, стороны соблюдения прав человека, общества и религиозных объединений) должны находиться и покоиться в Церкви, в храмах.

Некоторые представители культуры говорят, что в Церкви нет достаточных условий для хранения святынь. Почему же нет условий, — возразим мы. Для нас, представителей Русской Православной Церкви, в плане сохранения святынь нет вопросов. У нас хранятся иконы в храмах по триста, четыреста, пятьсот лет! Если мы их сумели сохранить в течение такого времени, неужели кто-то сомневается, что мы теперь потеряли такую способность и не сможем сохранить их и дальше?

Сейчас, когда был принят закон о религиозной свободе и о свободе совести, президент разослал во все организации письмо с предложением вернуть Церкви ее собственность: помещения, церковную утварь, богослужебные предметы, к которым даже воспрещается прикасаться мирянам. Естественно, в этот список входят и все раки для мощей. Рака прп. Сергия стоит на своем историческом месте — ее вернули в 1940-х гг., когда вновь была открыта Троице-Сергиева Лавра.

В 1990-х гг. в некоторые другие обители и храмы также возвращены были раки святых.

Мы обращались много раз в Государственный Эрмитаж, и не так давно я беседовал с его директором г. Пиотровским о том, что место раки — в Александро-Невской Лавре, где почивают его святые мощи. Сохранность раки мы гарантируем. Сейчас есть разные виды охраны, и мы никому не позволим надругаться над святыней. Однако упорство музея и затягивание решения вопроса о передаче раки, ее возвращении на свое историческое место, нам просто непонятно. Думаю, это рецидивы старого атеистического налета в сознании некоторых музейных работников. Один директор не пускает молиться в храм Спаса-на-Крови, потому что боится, что дамы каблуками испортят полы, во другой храм нас не пускают потому, что это мол, музей и должен оставаться музеем. Но это не музей, это — храм прежде всего, а храм должен быть храмом.

Вспомним, что и Зимний дворец строился не как музей, а как царский дворец. Думается, что представителям науки и искусства, многие из которых являются замечательными людьми, действительными подвижниками своего дела, в вопросе о церковных святынях пора поставить все на свои места. То, что предназначалось св. блгв. князю Александру Невскому, нужно и отдать св. Александру Невскому — не музею, не дворцу, никому другому. Св. благоверному князю Александру Невскому принадлежит эта рака, и он должен в ней покоиться. Аминь.

*Рака с мощами
св. блгв. кн. Александра Невского
в Троицком соборе Александро-Невской
лавры. Фото начала XX века*

До 1922 г. было в Свято-Троицком соборе все несколько иначе, чем сейчас. Здесь стояла ныне помещенная в Эрмитаже рака с мощами св. блгв. кн. Александра Невского. Существует проблема возвращения раки на ее родное, историческое и законное место — ведь именно для мощей она делалась, и именно мощи св. Александра Невского и должны в ней почивать.

Имя св. блгв. кн. Ал. Невского, его св. мощи заслуживают лучшего обрамления, чем есть на сегодняшний день. Если драгоценный камень обрамляют в драгоценный металл, он от этого становится только весомее. Так же и мощи. Естественно, они сами по себе, в любом месте, в любом ларце, будут нести ту благодать, которая через них подается людям от Господа. Но они должны иметь ту оправу, которая была для них предназначена.

Архимандрит Назарий,
наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

*Слово, произнесенное в 1901 г. по освящении
Александро-Невского придела в селе Пенино
Гдовского уезда С.-Петербургской губернии*

*Восхвалятся преподобнии во славе,
и возрадуются на ложах своихъ.
(Псал. 149, 5).*

Сегодня совершилось благодатию Божиею освящение придельного храма в честь и память Св. Благоверного Князя Александра Невского. Этот святой и славный князь Владимирский и Новгородский, называемый и Невским, по знаменитой его победе над шведами на берегах Невы, был истинный отец своего народа, попечитель вдов и сирот и питатель нищих, мужественный и неустрашимый вождь Русского воинства, выходивши всегда из сражения победителем, потому что он всегда был с Богом и Бог был с ним, научаяй руце его на брань и персты его на ополчение (Псал. 17, 35; 145, 1). Он горячо любил Бога и Веру Св. Православную и защищал ее от врагов православия и обличал их неправославие; любил строить храмы Божии и устраивать в них согласное пение; собирал народ, разогнанный татарскими полчищами; ибо тогда было печальное время — татары безбожные владели Россией и теснили ее за грехи народа и князей, имевших между собой споры и раздоры из-за владения землями; ездил он и в орду татарскую являться к хану, и там сохранил его Бог и дал ему видеть милость и привет от безбожного повелителя России; он возвратился оттуда здоров и невредим — к радости верных Россиян. Всю жизнь свою он воевал с иноверными и побеждал врагов, и страх наводил на них одним славным именем своим, — а когда он окончил волею Божиею славную свою святую жизнь, — вся земля Русская обливалась слезами и в слезах тогдашние братья наши говорили: закатилось солнце земли Русской. Именно Св. Александр был солнце земли нашей. Бог прославил его и при жизни и по смерти: при отпевании у его гроба зажглась сама собою свеча; а когда архипастырь хотел вложить разрешительную от грехов грамоту в руки усопшего Князя, он как живой, протянул руку и принял при всех этот свиток.

Св. нетленные мощи его почивают доселе в соборном храме Александро-Невской лавры в Петербурге; от них было множество чудес. Мощи его перенесены были из города Владимира в С.-Петербург Петром Великим, первым Императором Русским. Вот каков был Благоверный Князь Александр Невский! И наши Императоры любили сами носить это имя, именно Александры I, II и III, недавно почивший. Теперь он восхваляется вечно в своей нетленной, небесной славе, и радуется на ложе своем небесном после великих и изнурительных трудов и подвигов в земном своем отечестве. Он сияет лучезарным примером своим всем царям и князьям великой земли Русской — и они крепко чтут славную память его, прибегая и поклоняясь нетленным мощам его и призывая имя его, славное на небе и на земле.

Будем же прибегать и мы, с верою и любовью, в своих молитвах к Святому Благоверному Князю Александру Невскому. Аминь.

КРЕСТНЫЙ ХОД В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СВ. БЛГВ.

День перенесения мощей св. блгв. кн. Александра Невского в С.-Петербург (1724) 30 августа/12 сентября был внесен в церковный календарь и на протяжении двух веков торжественно отмечался (со времен Императрицы Елизаветы Петровны, 1743) грандиозным крестным ходом из Исаакиевского (бывшего кафедрального) собора по Невскому проспекту в Александро-Невскую лавру. Многотысячные крестные ходы из всех храмов города стекались в этот день на Александро-Невскую площадь, к Святым вратам Лавры, где их встречали правящий архиерей, викарии, духовенство и братия обители.

Этот день был в С.-Петербурге выходным (неприсутственным) и почитался общегородским праздником.

Крестный ход в праздник св. Александра Невского движется по Невскому проспекту

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Крестный ход вступает на Александро-Невскую площадь

Архиереи и братия Лавры встречают святыни. 1914 г.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Монахиня Елена (Казимирчак-Полонская)

Монахиня Елена, в миру Елена Ивановна Казимирчак-Полонская родилась 21 ноября 1902 г. в местечке Селец Владимирского уезда Волынской губернии в дворянской семье. Воспитанная в вере и благочестии, с юности Елена глубоко задумывалась над смыслом жизни, во всей глубине и серьезности перед ней вставали философские вопросы бытия. Тогда по ее просьбе и молитве Господь открыл ей неизреченную Свою милость, преобразив окружающую природу и землю, свидетельствуя о Своем присутствии и могуществе. Это чудо, явленное свыше, предопределило весь дальнейший путь мон. Елены, путь служения Богу. Тогда же она задумывается над вопросами мироздания, устройства вселенной и вскоре она начинает заниматься астрономией.

Постоянным центром всех духовных устремлений матери Елены была Россия, Святая Русь. Начиная с юности, когда она на протяжении нескольких лет постоянно читала молитву о спасении России перед неугасимой трояной лампадой у мощей прп. Варлаама Печерского и Арсения Трудюбивого в подземной церковке Зиминского монастыря (и устройство, и поддержание лампады, и все цветы в монастыре на праздники были ее), расположенного на полпути от имения ее родителей до Владимира-Волынского на территории Западной Украины, отошедшей после окончания I Мировой войны к Польше. С конца 1920-х гг. она становится представителем Русского Студенческого Христианского Движения на всю Польшу и Бело-

руссию. В те же годы Елена Ивановна издает журнал «На рубеже», отстаивавший русскую идею среди эмиграции и борющийся против националистических тенденций в Православной Церкви на Украине.

После окончания Львовского университета Елена Ивановна остается ассистентом кафедры астрономии физико-математического факультета, а после переезда в столицу Варшаву, с 1932 г. — сверхштатным ассистентом в астрономической обсерватории Варшавского университета. Здесь за научные труды в 1934 г. ей была присвоена ученая степень доктора философии названного университета.

С середины 1930-х гг. мон. Елена неоднократно посещает Париж, пожалуй, главный в то время центр русской эмиграции в Европе. Проживавший тогда здесь прот. Сергей Булгаков († 13.07.1944), профессор догматики Православного Богословского института прп. Сергия Радонежского, становится ее духовным наставником, руководившим ее духовной жизнью на протяжении почти двадцати лет в письмах вплоть до начала войны. Тогда же, в 1930-х гг., она, исполняя его благословение, принимает решение при первой возможности переселиться из Польши в Россию для самоотверженного служения Богу, Родине, науке, молодежи. 29 августа (11 сентября) 1927 г., на память Усекновения главы Иоанна Предтечи, о. Сергей благословляет Елену Полонскую на монашество «в миру».

В 1936 г. Елена Ивановна выходит замуж за Льва Казимирчака, недолгий, пришедшийся на годы войны брак был благословлен в день венчания на служение Богу и России. В 1937 г. 14 мая у них рождается сын Сережа.

В первые дни войны (1939) проявилось незаурядное мужество и чувство человеческого долга Елены Ивановны, когда она спасает жизнь коллегам — астрономам М. Белицкому и Л. Зайдлеру, призванным в ряды Войска Польского. Позже в условиях оккупации и постоянных облав она скрывает у себя дома проф. Ю. Витковского и его коллег.

После начала Второй Мировой войны и оккупации Польши Елена Ивановна возвращается во Львов, где в 1940–1941 гг. трудится старшим научным сотрудником Астрономического института при Львовском университете.

Ранней весной 1944 г. по настойчивой просьбе мужа семья переезжает в Варшаву, где оказывается в эпицентре событий последовавшего осенью 1944 г. Варшавского восстания. Потеряв кров, Елена Ивановна дважды пробирается в разрушенную войной Варшаву, обходит лагеря пленных и беженцев в поисках семьи. Ей удается спасти мать и отыскать место пребывания мужа. Во всех испытаниях воистину удивительная ее пламенная молитва и любовь и несомненное Божие заступление хранит ее семью.

В мае 1945 г. Е.И. Полонская с семьей (матерью и сыном) в составе группы репатриантов возвращается в Россию, где местом жительства избирает Херсон. Здесь она трудится старшим научным преподавателем местного педагогического института. Проживая в крайне стесненных условиях послевоенной разрухи, все силы Елена Ивановна отдает работе с молодежью, науке. С 1948 г. она — научный сотрудник, позже — старший научный сотрудник института теоретической астрономии Академии Наук СССР. Любимое дело, ради которого она предприняла нелегкий путь на Родину, она сочетает с постоянным посещением храма, келейной молитвой, что в условиях усиливающегося гонения на веру в советских условиях вызывает многочисленные нападки на нее в педагогической среде и давление со стороны руководства института и администрации города. После внезапной болезни и смерти сына в 1952 г. Елена Ивановна была арестована, будучи обвиненной в антисоветских настроениях за переписку с

мужем. Некоторое время (с января по август 1952 г.) она находится в Московской тюрьме. В это время в Херсоне умирает ее мать. После снятия обвинений и освобождения Елена Ивановна трудится доцентом кафедры высшей математики Одесского педагогического института, позднее переезжает в город на Неве.

Здесь протекает вся последующая жизнь монахини Елены. Оставшись одна, претерпев много страданий, и духовно-душевных, и физических, она жертвенно посвящает себя науке и служению Богу, Церкви. Работая без выходных, по 12–15 часов в сутки, что называется «на износ», она, став членом международного Астрономического союза (1964), защищает докторскую диссертацию (1968), проводит исследования комет, за что удостоивается премии АН СССР им. Ф.А. Бредихина. В 1960–1980-х гг. она организует ряд всесоюзных и международных симпозиумов по астрономии. С 1972 г. — почетный член Всесоюзного общества слепых, она участвует в издании трудов по высшей математике и программированию для слепых на языке Брайля. В 1978 г. малая планета 2006 получила название «Полонская».

В последние годы жизни Елена Ивановна исполняет завет прот. Сергея Булгакова и принимает сан «монахини в миру». Зрение ее постоянно ухудшалось, и она окончательно ослепла. Тем не менее, в 1980–1992 гг. ею были подготовлены к печати сборники трудов по богословию, переведены для Петербургской Духовной академии труды зарубежных богословов, организована община во имя прп. Сергея Радонежского, закончен труд об о. Сергии Булгакове, написаны статьи на темы христианской морали. Монахиня Елена совместно с С.-Петербургскими Духовными школами, куда ее уже не имевшую возможность самостоятельно перемещаться привозили в коляске для чтения лекций, принимает участие в организации больницы блж. Ксении Петербургской для покинутых старых и больных людей.

30 августа 1992 г. монахиня Елена отошла ко Господу, тело ее погребено на Пулковском мемориальном кладбище астрономов.

Вниманию читателей предлагается труд мон. Елены (Казимирчак-Полонской) о св. блгв. князе Александре Невском, подготовленный в 1980-е гг. (печатается по тексту лекции, прочитанной ею в Петербургских Духовных школах в 1988 г.).

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – РЕВНИТЕЛЬ И ЗАЩИТНИК ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ

Святой апостол Павел в 13 главе своего Первого Послания к коринфянам дал гениальное определение первохристианской любви, без которой немислимо христианство (13, 1–8):

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякие познания и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не помнит зла. Не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнут и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше.»

Между тем в последнее время эта любовь все стремительнее исчезает. Христианство ставит своей высшей целью «стяжание благодати Святого Духа», которое должно давать вдохновение и силы в любом творчестве и труде, особенно в пастырском служении. Подлинное христианство есть жизнь в молитвенном и трудовом предстоянии перед Богом. Наконец, христианство есть высшая непревзойденная нравственная система, в которой существенную роль играет глубочайшее смирение перед Богом, как внутренняя сила человека, и скромность в сочетании с христианским достоинством перед людьми.

Все это и осуществлял в своей жизни и деятельности св. Александр Невский. Естественно, что многое,

типичное для его времени, потеряло свою актуальность в нашу эпоху. Однако его мировоззрение и основные достижения в жизни и деятельности представляют неисчерпаемое богатство красоты и глубины духа, которые останутся идеалом до скончания века.

Святой Александр был призван Господом к великокняжескому служению в исключительно трудную историческую эпоху тяжелейшего лихолетья Руси. С севера угрожали шведы с их регулярной королевской армией; с запада тревожили непрерывные набеги Литвы, и главную опасность представляли два объединившихся при св. Александре католических ордена — Ливонский и, особенно, мощный и дисциплинированный Тевтонский, — претендовавших не только на русские земли, но и на подчинение Православия Римскому Престолу. А с востока надвигалось на Русь все возраставшее в силе могучее Монгольское царство, стремительно достигавшее в ту эпоху своего высочайшего расцвета, простиравшееся от Туркестана до границ северного Китая и азиатской пустыни Гоби.

В то же время внутри страны раскрывалась трагичная картина. Охарактеризуем кратко положение в ту эпоху трех основных центров на Руси: Киева, Суздаля и Новгорода.

Киев был некогда величественный, культурный, богатый, в нем была широта, глубина и размах; в ту пору уже начинало слагаться глубокое христианское мировоззрение и зарождалось сознание национального единства всей Русской земли. Появились величественные храмы, передовые библиотеки и школы. Киево-Печерская Лавра с ее великими святыми подвижниками и духовными направлениями творчески перерабатывала византийское православие применительно к русским условиям.

*Сей благоверный и благородный,
Богом преукрашенный и похвал
достойный великий
князь Александр Ярославич,
восьмое колено самодержавного
и равноапостольного великого
князя Владимира Святославича,
просветившего Русскую землю
Святым Крещением, от Рюрика же
одиннадцатое колено,
за добродетели многие и преславные
снискала похвалу не только
от людей, но и
от самого
Бога.*

В лучших южнорусских князьях ощущалась красота христианского духа, умение охватывать широкие горизонты и свободные дали, а вместе с тем в них отражалась былинная поэзия удали и лихого полета. В других же таилась еще буйная стихия язычества, приводившая к неизбежным столкновениям и княжеским междоусобицам, которые стремительно вели Киевскую Русь к трагической розни и гибели. В то же время непрерывные нападения кочевников разоряли хозяйство и подрывали торговлю. В результате всех этих бедствий южное население стало массами переселяться на север. И так, к концу XII в., за два десятилетия до рождения св. Александра, Киевская Русь обеднела, запустела, и

мощному врагу нетрудно было разорить ее окончательно.

Постепенное переселение южнорусского населения на север, миссионерская деятельность монашества и русских князей, наконец, благоприятные природные условия, защищавшие северные земли от южных кочевников, — все это содействовало возвышению Северной Руси. Приходившие с юга князья воздвигали здесь, на урочищах древнеязыческой Чуди, новые русские города: Ярославль, Суздаль на реке Нерли, Владимир на Клязьме, Ростов, Переяславль и другие.

Князь Юрий Долгорукий был первым, кто понял будущее государственное значение Суздальской земли. Он энергично принялся за ее хозяйственное устройство, за построение храмов, укреплений, городов и всемерно поощрял ее колонизацию. Дело Юрия Долгорукого усердно продолжали его сыновья и преемники — Андрей Боголюбский и дед св. Александра — Всеволод Большое Гнездо, при котором — в результате упадка Киева — возвысился Суздаль и окончательно сложилась Суздальская земля, куда вместе с князьями переселялись и их дружины и бояре. Хозяйственный строй жизни и государственное управление в Суздале развивались совершенно самобытными путями: они были неразрывно связаны с княжеским хозяйством. Там постепенно сложился новый великорусский тип.

Внутренние облики Киева и Суздаля существенно различны: Киев в период своего расцвета — это величие, культура и размах; Суздаль — это малокультурная, так называемая «сермяжная» Русь, сильная своей связью с князем и землей, защищенная массивами лесов и разливами рек от южных врагов. От Суздаля берет свое начало

цельная, смиренная, убогая Русь, но и через святого Александра и его сына святого Даниила — великодержавность Москвы. Суздальский князь крепко держит в своих руках власть, ответственно сознавая, что в единстве князя и народа — сила на Руси. Но это властолюбие стало камнем преткновения между Суздалем и вольным, сильным, но строптивым Новгородом. «Господин Великий Новгород» существенно отличался и от Киева, и от Суздаля. Целый ряд причин повлиял на создание в нем особого государственного строя. Непогодотворная почва заставляла новгородцев заниматься охотой, рыболовством и торговлей. Будучи средоточием великого края, населенного энергичным и предприимчивым народом, Новгород богател трудами самого населения, без особого участия княжеской власти. Эта власть сосредотачивалась в руках крупных торговцев-бояр. Однако верховной властью было вече — собрание всех свободных новгородцев, которое направлялось «большими людьми» — боярами. Но иногда против них восставали «меньшие люди» — мелкие земледельцы и беднота, — которые ограничивали власть бояр. Это противоречие было источником частых распрей и междоусобиц. В одном только все новгородцы были едины — в отстаивании своих вольностей.

Князь был для них лишь предводителем войска во время нападения внешних врагов и судьей со строго ограниченными правами, что подтверждалось особыми договорами. Всякая попытка князя перешагнуть через эти ограничения вызывала немедленный отпор новгородцев. В мирное время новгородцы предпочитали более отдаленных киевских князей, не претендовавших на ущемление их вольностей. А во время нападения внешних врагов они обычно призывали властных, но более мужественных и ответственных суздальских князей. Отличительной чертой жизни Новгорода было усиление земского строя за счет ограничения княжеской власти в управлении Новгородской землей. Возвышение Суздаля столкнуло его с Новгородом. В Северной Руси оказалось два центра: крепкий своей княжеской властью Суздаль и богатый свободолюбивый Новгород. В обликах Суздаля и Новгорода — глубокое различие. Новгород стал на пути Суздаля; началась постоянная борьба суздальских князей с новгородцами. Это были не междоусобицы южнорусского типа, а подлинная борьба двух сильных волей, двух упрямых стремлений. Такова была исключительно трудная историческая обстановка на Руси во времена рождения св. Александра: кругом могучие внешние враги, на юге — разрушающийся Киев, на севере — два соперничающих центра — растущий Суздаль и своенравный Новгород. В таких условиях ни один гениальный государственный или политический деятель не смог бы спасти Русь. Для этого нужны были не только выдающиеся дарования св. Александра, но и его героическая вера в Бога, святость и самоотверженная любовь.

Величие св. Александра заключалось в том, что он с ранней юности осознал в предстоянии перед Богом весь глубокий трагизм своей исторической эпохи, добровольно принял, по примеру подвига Спасителя, свой крестный великокняжеский путь и остался непоколебимо верен ему — во имя Божие — до самой безвременной кончины своей.

Таким образом, святой Александр явил в своем житии и управлении Русью совершенно новый тип православной русской героической святости, подвижничества и мученичества на самом высшем государственном посту.

Глубоко постигнуть и достойно оценить его подвиги можно только через правильный анализ его эпохи и через глубокое проникновение в поставленные и самоотверженно осуществленные им религиозно-церковные, патриотические и исторические задачи.

Святой Александр — сын великого князя Ярослава Всеволодовича и блаженной Феодосии — родился 30 мая 1219 г. в Переяславле Суздальской земли. В трехлетнем возрасте он был взят из терема от любимой матери и посвящен Богу, как будущий князь Руси, посажен на коня и поручен воспитанию дядьки-боярина, который обучал его грамоте по Библии и Псалтири и развивал его физические силы, ловкость и храбрость на очень опасной охоте.

Житие св. Александра указывает на его выдающиеся способности с раннего детства. Он быстро научился читать и писать и целые часы проводил над книгами; особенно прилепился он к чтению и изучению Священного Писания. Он был силен, ловок, мужествен и красив. Везде он был первым — и в чтении Псалтири, и на охоте, и впоследствии на войне. Но в то же время у него была постоянная обращенность в глубину души. Он любил Бога всем пламенем своего горячего сердца, любил людей и удивительно сочетал со своим исключительным мужеством трогательное милосердие и участие к обездоленным.

Миросозерцание княжича развивалось с раннего детства в двух направлениях, типичных для суздальских князей. С одной стороны, это была Церковь и церковная жизнь с ежедневным посещением ранней литургии, что воспитывало любовь к Церкви, к Слову Божию, к глубине и красоте богослужения, культивировало ответственность перед Богом и родиной. С другой стороны, княжич приучался понимать связь княжеского двора со всем княжеством, готовился к ответственной власти и государственной самоотверженной деятельности.

Он вырастал замечательным суздальским князем. Основными чертами этих князей были: глубокое благочестие, любовь к красоте богослужения и церковной обстановке, возвышенная страсть к храмостроительству. Каждый из них оставил по себе храм, который он любил крепкой любовью, как свое творение и как свой дар Богу.

Суздальские князья любили приходить в храм с расцветом, сами зажигали лампы и свечи, любовались в одиночестве красотой храма и икон, проливали слезы умиления с размягченными сердцами, а выходили из храма в суровый мир властными князьями-самодержцами. Они держали землю крепкой и для многих тяжелой рукой. В войнах они умели выжидать, медлить и утомлять противника, пользуясь распутицей, разливами рек, холодами. Но, уверившись в возможности победы, они шли решительно и были беспощадны к врагам. Под их сдержанностью скрывалась большая страстность и властолюбие.

Ярослав Всеволодович был глубоко верующим, исконно благочестивым, но суровым и замкнутым, с приступами то гнева, то милосердия.

В облике св. Александра есть наследственные черты отца и предков, но он значительно перерастает во всех отношениях свой род: вместо неподвижности, медленной тяжести отца и дедов, в нем поражает легкость сердца, быстрота мысли и движений. Но от своих предков он унаследовал глубокое благочестие, серьезность взглядов и сдержанность, умение самостоятельно переживать, решать и таить в себе свои думы и намерения. Во всей

своей деятельности св. Александр воплощает лучшие традиции суздальских князей, но преобразует их благоуханием своей святости. Св. Александр с раннего отрочества чувствовал исключительную ответственность за Православную Церковь и Русь перед Богом.

Ему очень рано пришлось войти в жизнь из-за переезда в детском возрасте вместе с семьей из Переяславля в буйный Новгород. Ярослав приучал сына с малолетства присутствовать на судах и бурных собраниях вече. Это была суровая школа жизни.

В 1228 г., после ряда победоносных войн с нападавшими на Новгород врагами, но крупных, бурных расхождений с новгородцами в управлении, Ярослав окончательно ушел из Новгорода и оставил двух сыновей — старшего Федора и девятилетнего Александра с их боярами для управления городом.

Вскоре начались великие бедствия: разрушительные землетрясения во время литургии в разных городах Руси, затем продолжительная засуха и страшный голод в Новгороде. Среди небывалого ожесточения сердца проявилось трогательное милосердие юного княжича Александра. Он стал заступником сирот и вдовиц, активным помощником голодающим и страждущим. По словам летописца, никто не уходил из его дома неутешенным. Это милосердие впервые привлекло многих новгородцев к молодому князю.

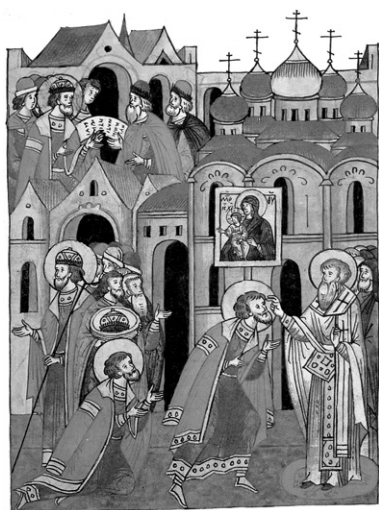
В 1233 г. Федор, перед своей свадьбой, скоропостижно скончался, и Александр в 14 лет остался один управлять Новгородом вместе с боярами. В течение трех лет Ярослав приходил многократно отражать нападения Литвы и меченосцев на Новгород. Сохранились сведения, что Александр уже в 15-летнем возрасте принимал участие в военных походах своего отца.

Три года спустя Ярослав сделался великим князем киевским, и с этого времени св. Александр, в возрасте 17 лет, стал совершенно самостоятельным князем новгородским.

Через год начались страшные события — нашествие хана Батыя на Русь. Вступая на чужую землю, монголы обычно шли облавой, как на ханской охоте на тигра. Они

*И еще тогда прошел слух повсюду
о том, что безбожный царь Батый
по Божьему попущению много зла
сотворил великой Русской земле, а где
тогда сей блаженный Александр с
отцом своим правили, в великом
Новгороде, туда дойти поганым
помешала некая сила Божественная
и не допустила их даже приблизиться
не только к землям Великого
Новгорода, но и к другим землям,
где приходилось им тогда бывать
и сражаться с ненавистниками
и врагами — литовцами и немцами,
и везде
по Божьему попущению
не воевали с ними
жестокие эти
татары.*

Еще прежде их пришествия пришла весть, что шведы идут к Ладоге. И послали они послов своих к Александру Ярославичу, говоря так: „Если можешь, защитишься, ибо я уже пришел к тебе и хочу взять тебя в плен, и будешь моим рабом и ты и сыновья твои“. Князь же Александр Ярославич услышал такие слова, и разгорелся сердцем, и вошел в церковь Святой Софии, и преклонил колени пред святым алтарем, моля со слезами Господа Бога и Пречистую Богородицу о помощи, говоря: „Ты, Господи Боже, повелевший никому не преступать чужих границ, будь Судьей, Господи, и этому и возбрани ему преступать чужие границы“. Встав, он пошел на поклон к архиепископу Спиридону, и благословился у него, и вышел из церкви.

всей суздальской земле. В ожесточенной сече они убили великого князя Юрия, замучили его племянника — ростовского князя Василько, стойко отстаивавшего свою православную веру; беспощадно сожгли и разрушили ряд суздальских городов, взяли Переяславль и, наконец, двинулись на Новгород. Св. Александр начал укреплять город, готовясь к его обороне, но он непоколебимо верил и горячо молился со всем духовенством и народом в соборе св. Софии о спасении Новгорода.

Вдруг в марте началась бурная весна с разливами рек, и Батый внезапно, в 100 верстах от Новгорода, повернул на юг, и город был спасен. Затем, разбив печенегов, он вернулся в Азию.

В 1239 г. св. Александр женился на княжне Александре, дочери полоцкого князя Брячислава.

Зимой 1240 г. Батый снова вернулся на Русь, обрушился на Киев, разгромил его, затем подверг той же участи Владимир Волынский, всю Волынь и Галицкую Русь и, наконец, двинулся на Западную Европу. Но ввиду разногласий, возникших в Монгольском царстве после смерти хана Огодая, Батый принужден был вернуться из Европы через южную Русь в Азию. Вскоре вся Русь сделалась монгольским улусом, как и другие завоеванные страны, и была обложена тяжелой данью. Во всех городах

двигались широкой лавиной, разрушая города и селения, а потом сходились в заранее назначенном месте для совместного сокрушительного удара. Их конница не могла идти облавами среди русских лесов, озер и рек, особенно во время разливов. Поэтому для похода на Русь Батый избрал зиму, когда болота и реки скованы льдом.

В начале 1237 г. орды Батыя двинулись сначала на Рязань, убили князя и княгиню, бояр, духовенство, чернецов и много народа, затем разрушили весь город с его святынями и направились на Владимир. Взяв город приступом, они убили сыновей великого князя Юрия — брата Ярослава, сожгли церковь, в которой погибли на хорах епископ Митрофан, вся остальная великокняжеская семья, масса бояр и народа, после чего разгромили весь город до основания и пошли облавой по

были поставлены ханские наместники, а русские князья должны были получать ярлыки на княжение от ханов и ездили за ними на поклон в Орду.

Во время ожесточенной борьбы с монголами все северо-западные враги стали надвигаться на Русь.

Святой Александр обладал исключительным государственным умом и замечательным историческим предвидением в сочетании с глубочайшей верой в Бога и трезвым жизненным реализмом. Поэтому после первых наступлений Батыя он сразу — впервые в истории — правильно оценил угрозу и мощь Монгольского царства, и для него было ясно, что борьба с монголами только начинается... В то же время он понимал, что Северной Руси, и особенно Новгороду, угрожают и другие сильные враги: шведы, Литва и католическая Европа, натиски которых всегда отражались только суздальскими князьями. Святой Александр отдавал себе ясный отчет в существенном различии опасностей, угрожавших с Востока и Запада. Монгольское царство сокрушало Русь грандиозным размахом своих военных завоеваний, но оно не утверждало насильственно своей веры и своего быта; монголы в то время отличались сравнительной веротерпимостью, и война с ними не носила религиозного характера.

Между тем, западный мир меченосцев хотя и осуществлял свои завоевания в более медленном темпе и в меньших масштабах, но он явно претендовал на духовное порабощение русского народа, на сокрушение Православия, на существенное изменение мирозерцания и внутренней жизни Руси. Борьба с меченосцами носила ярко выраженный религиозный характер.

Св. Александр, как русский православный князь, преемственно воспринял историческую миссию защиты Православия и Руси. Все это определило существенно различный характер его западной и восточной политики и его решение сначала отразить натиск Запада. Поэтому весь первый период военной деятельности святого Александра был обращен к нему.

Исторические события на Руси не замедлили развиться в соответствии с этими взглядами и решением великого князя.

В страдную летнюю пору 1240 г. пришла неожиданная весть, что шведы вторглись в новгородские пределы, в устье реки Ижоры на Неве. Не имея никакой возможности собрать ополчение со всех разбросанных новгородских земель, св. Александр «разгорелся сердцем» (согласно летописи) и выступил только со своей дружиной, владычным полком и малым новгородским ополчением. Прежде всего он пришел в Софийский собор и пламенно молился Богу о даровании ему божественной помощи в сражении. Получив благословение от епископа Спиридона, он вышел из храма с духовным подъемом, обратился к своей рати с вдохновляющими словами: «Не в силе Бог, а в правде!» — и, полный веры, надежды и мужества, повел свое ополчение на север. Ночью, вблизи Ладожского озера, он узнал от благочестивого христианина Пелгусия, устремленного на помощь св. Александру, что — согласно его видению на озере — святые Борис и Глеб плывут на ладье, чтобы оказать поддержку великому князю. Вдохновленный этим сообщением, св. Александр присоединил ладожское ополчение к своей рати и поехал через леса на шведов.

15 июля днем, в праздник св. равноапостольного князя Владимира, произошла ожесточенная сеча. Св. Александр,

как меткий охотник, сразу тяжело ранил предводителя шведского войска. Его дружина отважно и самоотверженно сражалась по примеру своего любимого князя. Сеча закончилась к вечеру того же дня полной победой св. Александра. Остатки вражеской рати сели в ладьи и ночью умчались в море. Натиск шведов был отражен. Слух о неожиданной победе облетел всю страну. При звоне колоколов св. Софии великий князь Александр, прозванный после этой победы «Невским», въехал в Новгород. Его торжественно встречали все духовенство и народ. Но слава и почести не затмили в душе великого князя его благодарности Богу: он направился прямо в Софийский собор, хваля и славя Святую Троицу за одержанную победу.

В 1240 году исполнилось совершеннолетие св. Александра (21 год). С этого времени он входит уже сложившимся победоносным князем в историю Руси. Отныне мы слышим в летописи его голос, знаем про его действия, видим его святость и мужество.

Во время похода на шведов меченосцы совершили набег на Псков. Дальновидный св. Александр, понимая, что война только началась, решил усилить свою рать. Но политически близорукие новгородцы усмотрели в этом усиление княжеской власти и недопустимое нарушение их волюнции. Тогда возмущенный князь Александр через полгода после победы над шведами покинул Новгород со своей семьей и двором и переехал в Переяславль.

Немедленно после этого начались страшные беды: меченосцы и Литва напали на новгородские земли и стали разорять их. Тогда новгородцы опомнились и умоляли св. Александра вернуться в Новгород после его годичного отсутствия. Св. Александр великодушно прощал легкомысленных новгородцев, немедленно собрал из них и жителей прилегающих земель ополчение, напал на город меченосцев, воздвигнутый на русской земле, разрушил его до основания, перебил многих врагов и множество увел в плен; однако вскоре некоторых отпустил — «бе бо милостив паче меры» — свидетельствует летописец. В ответ на эти действия орден меченосцев захватил Псков и поставил там своих наместников. Св. Александр вместе со своим младшим братом Андреем взял Псков приступом и двинулся во владения ордена. Тогда Ливонский орден объединился с более сильным, деятельным и организованным Тевтонским орденом, чтобы нанести сокрушительный удар Руси и Православию. Они представляли собой целый могучий мир агрессивного латинства и мощную военную силу. Св. Александр, узнав, что меченосцы мобилизовали огромную рать, отступил с их земель, поставил свои полки на русском берегу Чудского озера. Хотя была уже весна, Чудское озеро было еще покрыто крепким льдом. Неравная борьба стала неизбежной. Новгородская рать осознала на этот раз всю серьезность положения и сплотилась с любовью вокруг своего князя. Св. Александр горячо молился Святой Троице, дерзновенно умоляя о благодатной помощи.

5 апреля 1242 г., когда св. Александру не было еще и 23 лет, наступил день решительного боя. На восходе солнца меченосцы в накинутых поверх доспехов белых плащах с нашитыми на них красным крестом и мечом двинулись по льду озера и, построившись клином и сомкнув щиты, врезались в русскую рать и пробились через нее, вызвав смятение у новгородцев. Тогда св. Александр с запасным полком ударил в тыл врага. Началась великая сеча. Новгородцы опомнились, погнали дрогнувшую Чудь и меченос-

цев по льду этого озера на протяжении 7 верст, где врагам некуда было скрыться. Несмотря на преобладающую по числу воинов и хорошо организованную мощь врага, св. Александр одержал решительную победу в течение одного дня благодаря своей несокрушимой вере, чудесной помощи Божией и ангельского мира, мужеству, мудрым стратегическим приемам и крепкой сплоченности новгородской рати вокруг него. Погибло множество меченосцев; часть раненых скрылась в лесах, остальные рыцари были взяты в плен.

Св. Александр со славой въехал в Псков и сразу прошел в собор Св. Троицы, где был отслужен благодарственный молебен. Магистр ордена прислал в Новгород послов с просьбой о мире. Он отказался от всех захваченных русских земель и предложил обмен пленными, на что св. Александр согласился.

Таким образом, на Неве и на Чудском озере св. Александр отстоял самобытность Руси на западе в самое тяжелое время монгольского нашествия на Русь. Эти победы не принесли окончательного мира, но они направили историческую судьбу русского народа в спасительное русло.

После этих побед св. Александра два главных врага Северной Руси долгое время не отваживались нападать на нее. Однако, множество отдельных литовских княжеств все еще представляли для нее опасность. С ними велась многолетняя изнурительная война. Нападения Литвы на Русь особенно усилились в 1242 г. во время борьбы с меченосцами; св. Александр с новгородской ратью разбил подряд семь литовских отрядов, проникнувших на новгородские земли. Несколько лет после этого в Новгороде был внешний и внутренний мир. Создалась крепкая связь между Александром и Новгородом и некоторое понимание ими его исторического пути.

5 мая 1244 г., когда св. Александру было 25 лет, скончалась в Новгороде его любимая мать — княгиня Феодосия Ярославна, принявшая перед смертью постриг в монашество с именем Евфросинии. Она была похоронена в монастыре св. Георгия рядом с сыном Федором.

В 1245 г. Литва снова сделала набег на новгород-

Этот Пелгусий увидел войско вражеское и пошел навстречу Александру Ярославичу, чтобы сказать ему о mnogой силе варяжской. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. И когда начался восход солнца, то услышал он шум страшный на море и увидел один насад плывущий, посреди же насада стояли святые мученики Борис и Глеб в красных одеждах, держа руки на плечах своих, гребцы же в насаде сидели словно мглою одетые.

*И сказал Борис Глебу:
„Брат Глеб, вели гребсти
быстрее, чтобы помочь
сроднику своему,
великому князю
Александру
Ярославичу“.*

Князь же сказал ему: „Об этом не рассказывай никому, брат, пока Бог не сделает так, как он того хочет”. И после того Александр поспешил начать бой в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и избил он бесчисленное множество римлян, и на лице самого короля оставил след острого своего меча.

ские земли и дошла до Торжка, захватив много пленных. Св. Александр с новгородцами взял приступом город и отбил всех пленных, но он считал эту войну незаконченной — вопреки мнению новгородцев, которые отказались воевать дальше и вернулись в Новгород. Св. Александр видел грехи своего народа, никогда не потворствовал им, но обычно великодушно прощал, как и в данном случае. Один, только со своей преданной дружиной, он вошел в литовские пределы, разбил еще несколько литовских отрядов, добился окончательной победы над Литвой и на долгое время обеспечил Руси мир.

В 1246 г. папа Иннокентий IV отправил

на Русь два посольства: к князю Даниилу в Галич и к св. Александру в Новгород. Властолюбивый Рим хотел использовать разорение Руси монголами и надеялся добиться согласия русских князей на унию и признание власти папы, обещая крестовый поход с западным рыцарством на монголов. Князь Даниил дал согласие, за что впоследствии трагично и унижительно расплатился; св. Александр дал с достоинством решительный отказ.

Так закончился первый период деятельности св. Александра, направленный на победоносную борьбу с Западом ради защиты Православия и Руси от всех западных врагов: шведов, меченосцев, Литвы и Рима.

Но деятельность св. Александра в Новгороде не ограничивалась этой защитой. В годы относительного мира он посвящал свой труд управлению и правосудию, что было связано также с огромными трудностями и огорчениями из-за безрассудной преданности новгородцев своей вольнице. Но св. Александр всегда помнил, что он призван Господом к этому крестному служению, и за своей княжеской властью он непрестанно видел волю Божию и Божию Правду. Над сплетением и борьбой новгородских партий мы видим его ясный и прямой взгляд, ведущий Русь по правильному историческому пути. Гибкий и уступчивый в мелочах, не имеющих принципиального значения, чуждый всяческих политических дразг, он становился твердым и непреклонным в достижении главной цели, в которой он видел осуществление Правды Божией: поэтому вся его деятельность становится олицетворением предельной государственной ответственности, смиренного служения Богу и дерзновенной угрозы по отношению к врагам, олицетворением мужества и веры, мудрости и благородства, любви и самоотвержения. Всегда и везде он трудился не для себя, без гордости,

тщеславия и честолюбия, но с христианским достоинством и полным самоотречением — во имя Божие, на благо Церкви, Руси и народа.

Второй период деятельности св. Александра Невского характеризуется обращением всех сил к Востоку — на борьбу с Монгольским царством.

Согласно закону, установленному Батыем, все русские великие князья должны были получать ярлыки на княжение в Орде от Хагана — центральной монгольской власти. Такой участи подвергся и отец св. Александра Ярослав Всеволодович, ездивший в Орду для получения ярлыка на великое княжение киевское. На обратном пути он скончался в степи 30 сентября 1246 г. Глубокой скорбью отозвалась в душе св. Александра кончина любимого и высокочтимого отца.

После смерти Ярослава освободился киевский престол. Св. Александр и его брат Андрей были вызваны в Орду для получения ярлыков на княжение. Приказ Батыя поставил св. Александра перед необходимостью ответа. Согласие или отказ приехать в Орду означали мир или войну с монголами.

Святой Александр хорошо понимал, что весь русский народ и особенно гордый Новгород ждут от своего непобедимого князя отказа. Но сам св. Александр в глубине своего сердца сознавал, что не народу надо угождать, а необходимо услышать и выполнить волю Божию и учесть реальные возможности русского народа.

Как гениальный государственный деятель, обладающий разумением грядущих исторических перспектив, он понимает всю несоизмеримость внешних сил Монгольского царства и ослабленной непрерывными войнами и разоренной Руси.

Св. Александр предвидит неминуемую гибель своей родины в случае сопротивления монголам в данную историческую эпоху. Поэтому великий князь приходит к единственному выводу: временно подчиниться монгольскому царству, рассматривая это видимое повиновение как скрытый творческий путь борьбы с ним, — во имя подготовки Руси к будущей открытой победе над этим царством, что фактически и наступило в эпоху св. Сергия Радонежского и великого князя Дмитрия Донского. Для осуществления этой подготовки св. Александр считает необходимым восстановление всех разрушенных войнами укреплений, храмов, городов, и, главное, поддержку и развитие упавшего духа народа. Дальнейшие исторические судьбы Руси подтвердили правильность избранного св. Александром духовного и национального пути его родины.

После пламенной молитвы в полном одиночестве и глубокого внутреннего борения, св. Александр — непобедимый богатырь, но верный своему высокому княжескому призванию — решает смириться до конца, отречься от себя, взять добровольно предназначенный ему Богом крест и ответственно выполнить во имя Божие свое служение. Он бесповоротно решает ехать в Орду. И в этом преклонении перед волей Божией, в этом склонении перед реальной силой жизни — гораздо больший подвиг, чем в славной смерти.

Отныне на св. Александра ложится печать мученичества и начинается путь его восхождения к святости. Именно это мученичество, это безысходное страдание за Землю Русскую впоследствии почувствовал, понял и оценил в нем русский народ, несмотря на временный

ропот и возмущение, которыми был богат тернистый путь св. Александра после его видимого подчинения монголам во имя непонятого современниками спасения Руси.

Приказ Батыя застал св. Александра во Владимире, куда он приехал после смерти своего отца.

Всех ехавших в Орду смущало требование монголов пройти через огонь для очищения и поклониться идолам. Эта тревога жила и в сердце св. Александра, и с ней он пошел к митрополиту киевскому Кириллу, жившему в то время во Владимире. Он был единственным человеком на Руси, который до конца понимал и разделял взгляды св. Александра. Митрополит Кирилл дал ему запасные Святые Дары и благословил его на страдание за Христа со словами: «Господь да укрепит тебя».

Св. Александр с Андреем и небольшой свитой двинулся в Орду к Батыю, где накануне их приезда были замучены за отказ поклониться идолам святой князь Михаил Черниговский и святой боярин Федор. Св. Александр, узнав об этом, решил последовать их примеру. Монголы подвели св. Александра к двум кострам, между которыми он должен был пройти для очищения, чтобы затем поклониться идолам. Великий князь отказался, заявив, что христианину не подобает кланяться твари, а только Богу во Святой Троице. Монгольские чиновники послали сообщить Батыю о неповиновении князя, а св. Александр стал готовиться к мученической кончине. Но посол хана привез его приказ привести князя к Батыю, освободив его от исполнения обряда. Св. Александра впустили в роскошный шатер Батыя. Великий князь мужественно подошел к Батыю, поклонился ему четырехкратно по монгольскому обычаю и сказал: «Царь, тебе поклоняюсь, поскольку Бог почтил тебя царством, а твари не поклоняюсь, только Единому Богу, Ему же служу и чту Его». Батый выслушал эти слова и помиловал св. Александра. Трудно установить истинную причину этой милости. Сохранившиеся свидетельства говорят, что Батый, отпуская св. Александра, воскликнул: «Истину мне сказали, что нет подобного ему князя».

Согласно некоторым источникам, Батый послал св. Александра и Андрея к великому хану в Каракорум, к которому лежал долгий путь через Урал, киргизские степи, через плоскогорья Монголии и преддверья Китая. Эта поездка убедила св. Александра в великой мощи Монгольского царства и в правильности избранного им исторического пути для Руси. Св. Александр получил ярлык на великое княжение Киевское, а Андрей — на великое княжение Владимирское.

В 1250 г., после трехлетнего тяжелого странствования по азиатским степям, св. Александр вернулся на Русь. Киев он застал в развалинах, поэтому он вернулся в Новгород и сразу смертельно заболел. Это потрясло новгородцев; во всех церквах служились многочисленные молебны о здравии великого князя. Как в годы трагичных нашествий врагов, вольный Новгород объединился со своим князем в великой любви. В 1251 г. св. Александр окончательно выздоровел. Однако вскоре ему пришлось расстаться навсегда с Новгородом по вине своего брата Андрея. Сделавшись великим князем Владимирским, Андрей почувствовал свою силу; но, не обладая высокими качествами св. Александра, он не устоял перед искушением стать великим освободителем Руси. Во время следующей поездки св. Александра в Орду, Андрей — вместе с князем Даниилом Галицким — начал подго-

тавливать восстание против монголов, о котором немедленно поступил донос хану, который стремительно двинул на Андрея карательную орду во главе с Неврюем. В Переяславле произошла жестокая сеча, и город был разрушен. Андрей, сначала мужественно сражавшийся, не устоял и бежал в Новгород, где его не приняли, а затем бежал с семьей в Швецию.

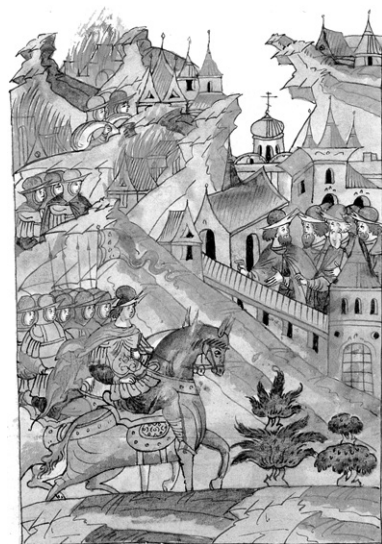
В связи с этим св. Александр стал — по приказу хана — с 1252 года, в возрасте 33 лет, великим князем Владимирским. В душе св. Александра сразу возникло глубокое сочувствие Владимиру с его многочисленными храмами, воздвигнутыми с горячей любовью его предками — суздальскими князьями Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, Всеволодом Большое Гнездо. Привлекал и княжеский двор, соединявшийся крытыми переходами с хорами церкви св. Дмитрия Солунского.

Во Владимире св. Александр жил размеренным княжеским бытом своих отцов и дедов: на рассвете ходил в храм на раннюю литургию, затем вершил княжеский суд, общался с близким по духу митрополитом Кириллом, беседовал со странниками, монахами и мирянами, ездил осенними утрами на охоту в окрестные рощи...

Но главным его делом был напряженный великокняжеский труд для спасения Руси.

В тишине Владимира, среди величия его храмов и красоты поэтической природы, начался новый духовный и творческий этап в жизни и деятельности св. Александра. Он развивался в двух направлениях: с одной стороны, великий князь восстанавливал разрушенные города и храмы, строил новые укрепления на территории Руси, возрождал своими беседами и деяниями упавший дух народа. С другой стороны, он разрабатывал и осуществлял новый план восточной политики.

В первом направлении своей деятельности во Владимирский период св. Александр проявляет себя как выдающийся мирный строитель и мудрый управитель всей Русской земли. Только здесь он впервые смог осуществлять подлинное «княжеское служение», понимание которого сложилось под влиянием Церкви еще в Киевской Руси, затем усовершенствовалось в Суздальской земле и, наконец, перешло в Москву. В этом древнерусском понимании княжеского служения знаменательна

*И пришла весть в Псков, что взяли
немцы Изборск, и пошел к Изборску
весь город, и бились с немцами крепко,
и была сеча меж ними великая, тут
убили Гаврилу Гориславича воеводу,
и победили псковичей, и многих в
погоне убили, а иных в плен взяли, и
преследовали их до города, и посад
подожгли весь, и много зла было, и
сгорели церкви, и честные иконы, и вся
утварь церковная, и села многие
около Пскова опустошили,
стояли же под городом
неделю, но города
не взяли.*

*В тот же год после возвращения с
победой великого князя Александра,
в ту же зиму, снова пришли из
Западной страны немцы и чудь
на вошь, и все разорили, и данью их
обложили, и срубили город Копорье во
владениях великого князя Александра
Ярославича. И вскоре пошел он с
новгородцами, ладожанами, карелами
и ижорой на град немецкий Копорье, и
разрушил город до основания, а самих
немцев избил, а иных с собою привел
в Новгород, а некоторых
отпустил в землю немецкую,
ибо был милостив
безмерно.*

святости. С этой точки зрения главной задачей князя — наравне с защитой государства от внешних врагов — является внутреннее устройство княжества на основе заветов Церкви.

Все это и осуществлял св. Александр во Владимире: основные его усилия были направлены на сохранение и дальнейшее развитие внутренних духовных сил народа, на возрождение культуры и церковного духа Руси. Поэтому Владимирский период придает особую полноту всей внутренней деятельности св. Александра, которая сводилась, по существу, к улучшению и укреплению церковной жизни на Руси в государственном масштабе. Вся восточная политика св. Александра и его неумная энергия были направлены на предотвращение всегда угрожавших мятежей измученного и постоянно разоряемого народа, ненавидевшего монголов. Св. Александр сознавал, что любой вспыхнувший мятеж в каком-либо уголке Руси мог мгновенно уничтожить все плоды многолетнего строительства великого князя и погубить всю Русь, погашая и ту внутреннюю силу, которая еще теплилась и начинала возрождаться в народе. После глубоких дум св. Александр приходит к единственному выводу: необходимо немедленно оградить народ от непосредственного соприкосновения с монголами и неизбежных столкновений с ними. Поэтому великий князь берет на себя мученический крест:

его направленность на «оцерковление» мира. Сущность этого заключается в понимании, что мир и его дела не оторваны от общего бытия, заключенного в Церкви, а сопричастны ему. Поэтому долг каждого человека и, особенно князя, сводится к тому, чтобы сделать жизнь в мире «оцерковленной». Так, например, преподобный Кирилл Белозерский писал в свое время князьям, что праведное исполнение мирского княжеского делания выше в очах Божиих молитвы и поста. Церковь благословляет государство и его цель: ограждение от зла на земле и хранение правосудия, то есть, устройство государства на основе Божественной Правды, что ведет вверенных Богом князю людей к спасению. Вне этого церковного разума княжеского служения нельзя до конца понять св. Александра, ни его деяний, ни его

быть ответственным за всю Русь — посредником между монгольскими ханами и русским народом, то есть, стать единым «Наместником Монгольского Царства на Руси». Но это влечет за собой необходимость исполнять все приказы монгольских ханов, независимо от того, каких бы внутренних мук это ни стоило для св. Александра. Таким полным внешним повиновением монголам и исполнением их безусловных приказов, требующими от св. Александра громадного смирения и предельного самоотвержения, он добывается доверия со стороны ханов, отделяет от них русский народ, предотвращает мятежи и монгольские нашествия, угрожающие погубить не только русскую землю, но и ту внутреннюю силу Руси, которую великий князь с таким трудом восстанавливает. Эту политику, столь трагичную для св. Александра, народ, особенно новгородский, не понимает.

Глубокий взгляд на исторические события, отражающий их подлинный смысл и дальнейшие перспективы, недоступен народным массам. Они видят перед собой лишь внешние факты и непосредственно на них реагируют. Св. Александр, напротив, отчетливо понимает, что мятежи на Руси — это проявление подлинного национального чувства и обнаружение внутренней народной силы, но в данный исторический момент они фактически преждевременны и потому являются противонациональным делом. Великий князь сознает также, что не понимающий его народ может в известный момент выйти из-под его власти и навлечь на всю Русь ханский сокрушительный гнев. Поэтому в результате своей деятельной любви к народу св. Александр уступает ему во всем второстепенном, не имеющем принципиального значения, остается непоколебимым в главном, в чем он видит осуществление Божией Правды. Когда народ, особенно в своевольном Новгороде, идет в своем ослеплении против собственного блага и губит Русь, св. Александр не считает с ним и, несмотря на ропот и явное сопротивление, пользуется — с глубокой скорбью в душе — своей великокняжеской властью карать и даже казнить и принудительно ведет народ к его спасению. Но в то же время св. Александр сознает, что по существу народ, поднимающий восстание, исходит из одних побуждений с ним и стремится к той же цели, но, не умея учесть исторические перспективы, заблуждается лишь во внешних путях осуществления этой цели. Эти неустранимые расхождения великого князя с народом ложатся глубочайшим трагизмом на его душу и создают из него мученика.

С мученическим венцом он и входит в Православную Церковь и в русскую историю и в сознание народа. Он выбирает этот путь служения среди внешнего смятения жизни. Он идет по нему неуклонно, с исключительной твердостью и гибкостью, не отступая. Во всей его деятельности проявляется особая уверенность, сознание того, куда он идет и куда он ведет русский народ. Поэтому в св. Александре могучая духовная сила сочетается с пророческим видением, проникающим в скрытую от его современников сущность грядущих исторических путей Руси. Если теперь, на расстоянии веков, оценивать этот путь, по которому св. Александр повел Русь, то можно только признать его совершенную правильность.

Борьба с монголами, которые рассматривали Русь как единый улус, требовала усиления единодержавия княжеской власти, которая не допускала бы на территории всей Руси проявления своеволия и мятежа и содей-

ствовала бы восстановлению и укреплению внутренних сил страны. Поэтому св. Александр боролся в последний период своей жизни за свое единодержавие, за единство Руси под своей властью и государственной ответственностью. Исходя из этих побуждений, переезжая во Владимир, он оставил на новгородском княжении своего сына Василия с тем, чтобы вместе с ним вести единую линию в государственном управлении и в политике по отношению к Монгольскому царству.

Вскоре в своевольном Новгороде разгорелись внутренние смуты. «Большие люди» понимали, что отрыв Новгорода от Владимирского князя грозит ему гибелью. «Меньшие люди», безрассудно отстаивая свою волюницу, изгнали князя Василия и избрали посадником Новгорода своего любимца Ананию. В нем не было безудержного новгородского буйства и личного честолюбия, а лишь бескорыстное служение новгородской волюнице.

Узнав о таком своеволии новгородцев, св. Александр, объединившись с Василием, пошел на Новгород и, желая избежать кровопролития, потребовал, чтобы Анания добровольно сдал посадничество ради спасения Новгорода от заслуженного наказания. Благоразумный и честный Анания, искренне преданный своему городу, выполнил требование великого князя. Мир был восстановлен, и Василий остался управлять Новгородом.

Но в это время надвигалась новая гроза от монголов. Упорядочивая свое управление, хан Менгу издал приказ произвести перепись населения на Руси. Св. Александр поехал в орду с целью отмены приказа, но монголы оказались неумолимы. В 1258 г. он принужден был вернуться на Русь с монгольскими «численниками», чтобы произвести перепись. Снова взбунтовался Новгород, его жители изгнали численников и отказались от переписи. Тогда св. Александр принужден был сам впервые ввести монголов в свободный Новгород. Князь Василий воспринял это деяние как позор своего отца и бежал в Псков в знак протеста. Св. Александр не пощадил и сына и с болью в сердце сослал его, а виноватых новгородцев соответственно наказал. Спасая монгольских численников от растерзания негодующими новгородцами, великий князь велел своей верной дружине взять их под свое покровительство и провел лично, вместе с монголами, перепись населения в Новгороде. Но, никогда не помня, по великодушию своего сердца, зла по отношению к новгородцам, он приложил огромные усилия, чтобы добиться для них особых льгот и не допустить оставления численников в Новгороде. После переписи, еле живой, он возвращается из Новгорода во Владимир и первым делом приходит к своему единственному другу митрополиту Кириллу и благодарит его, утверждая, что только его молитвами он остался жив. Митрополит Кирилл, как всегда, глубоко понимает всю духовную муку своего друга.

Св. Александр был исключительно одинок на своем пути. Он был несоизмеримо выше, духовно и государственно одареннее всех даже самых выдающихся своих современников. Он постоянно восходил по пути мученичества и святости, оставаясь в то же время всегда связанным с миром через свою великокняжескую деятельность. Никто не мог сравниться с ним по силе духа и государственной ответственности, по широте и глубине исторических горизонтов, правильной оценке событий и мудрому предвидению грядущих путей Руси, по силе любви к Богу, Православной Церкви и русскому народу, по

глубине смирения, самоотверженной любви и полноте самоотречения. Все исторические сведения сообщают о непонимании св. Александра всеми его современниками, за исключением митрополита Кирилла. Против него часто проявлялся скрытый ропот и даже открытое противодействие; против него выступали даже его братья и сын. Св. Александр безгранично страдал от этого непонимания и сопротивления, но он мужественно продолжал идти по пути Божией Правды, никогда не снижая уровня своего высочайшего и сурового служения. Св. Александр был любим народом, боярами, дружиной, но эта любовь не была пониманием; это была любовь интуитивная, оценивавшая его высокую деятельность по практическим положительным плодам. Но в минуты ответственных решений он был, за редчайшим исключением, всегда одинок. Существовал только один-единственный человек на Руси — митрополит Кирилл, который понимал великого князя и поддерживал его в государственном служении. Их политика в отношении к Монгольскому царству полностью совпадала; вместе они самоотверженно и дружно трудились во Владимире. Митрополит Кирилл воссоздавал церковное управление, восстанавливал разрушенные храмы, поднимал духовный и культурный уровень духовенства и народа, вводил благолепие церковного чина. Он добился громадными усилиями от монгольского хана особого ярлыка, освобождавшего все православные церкви, монастыри и духовенство от наложения дани и предоставлявшего им особые права и льготы.

Но главным делом преподобного Кирилла было учреждение в 1261 г. отдельной епархии на территории Монгольского царства (в Сарае) для русских пленных в орде. Вся церковная политика митрополита Кирилла по отношению к монголам была впоследствии воспринята всеми его преемниками на Владимирской и Московской митрополиях.

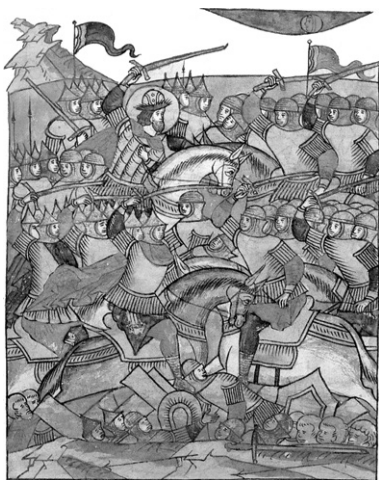
Все эти деяния митрополита Кирилла выделяют его среди других представителей Церкви, соединяют со святым Александром, ставят их имена рядом и несоизмеримо возвышают их над всеми современниками.

После возвращения св. Александра из Новгорода во Владимир он продолжал свои многолетние труды по управлению и укреплению Руси.

В 1261 г. родился его четвертый сын Даниил — будущий родоначальник московских великих князей и

*И повинились во всем мужи
новгородские, говоря: „Напрасно
стуту великую затеяли и рассорились
с сыном твоим, великим князем
Александром, и простил бы ты эту
вражду великому Новгороду, а сына
своего князя Александра опять
дал бы на княжение».
Он же дал им сына
своего князя
Александра.*

*Была тогда суббота, и когда взошло
солнце, сошлись полки, немцы и
чудь прошли клином через полки
Александра. И была тут сеча
жестокая и сильная с немцами и
чудью, и стоял треск от ломающихся
копий и звон от ударов мечей, и
казалось, что озеро замерзшее
двинулось, и не было видно
льда, ибо все было
залито кровью.*

других суздальских городов. Русь вышла из подчинения св. Александру и подняла восстание. Весть о нем немедленно долетела до хана, и над всей страной нависла угроза его гнева. Все долголетние труды великого князя по воссозданию Руси могли рассыпаться в прах. Вскоре пришла весть о готовящемся нашествии хана, за ней и другой страшный приказ: выставить русские войска на стороне монголов в их борьбе с персами. Такое требование превосходило все возможности долготерпения русского народа.

Св. Александр, смирив себя до последнего предела, с тяжелейшим сердцем немедленно поехал в орду, захватив с собой богатые подарки. Из всех поездок эта была самой безнадежно трудной и трагичной: св. Александр должен был добиться величайших льгот — прощения мятежа и освобождения от требуемой военной повинности всего русского народа — народа опального, поднявшего восстание против монголов, вышедшего из повиновения великому князю, за который св. Александр не мог уже лично нести ответственность.

Мученичество великого князя достигло своего апогея и превзошло его богатырские духовные и телесные силы.

Св. Александр провел в орде почти целый год, умиляя хана, его воевод и чиновников.

Нет сведений, как ему удалось смягчить грозный гнев хана и выхлопотать не только прощение за мятеж, но и освобождение от воинской повинности. Его мудрость, духовные усилия и жертвы, душевные и телесные муки остались неизреченными и ведомыми лишь одному Богу. Известно только, что за эту победу над ханом и освобождение Руси он заплатил в 44 года своей безвременной кончиной, своей героической и великой молодой жизнью.

Осенью 1263 г. святой Александр, будучи тяжело больным, прибыл на Русь. Он направлялся во Влади-

основатель московского Свято-Данилова монастыря.

Между тем, над святым Александром нависали все более тяжелые грозные тучи. Монголы существенно изменили способ взывания дани на Руси, отдав ее на откуп беспощадным восточным купцам, которые в случае невозможности или несвоевременности уплаты назначенной дани продавали русских людей с их семьями в рабство и увозили в орду. В народе стало нарастать отчаяние, испепелявшее даже страх перед ханским гневом и разрушением страны.

В начале 1263 г. народ не выдержал и изгнал жестоких купцов из Владимира и

мир, к своему любимому другу Кириллу, чтобы, быть может, молча преклонить свою измученную главу к его груди и услышать от него последние слова сочувствия и утешения. Но и это не было ему дано... Почувствовав приближение своей кончины, св. Александр остановился в монастыре в Городце. Призвав игумена, он стал просить о пострижении его в монашество. Эта просьба вызвала отчаяние сопровождавших его бояр и слуг. Услышав их вопли, св. Александр приказал оставить его одного и не сокрушать жалостью его душу, уже отрешающуюся от мира.

Св. Александр был посвящен в схиму с именем Алексия. Тогда он призвал своих бояр и слуг и стал прощаться с ними, прося у каждого прощения. Затем он причастился Святых Тайн и мирно преставился 14 ноября 1263 г. в возрасте 44 лет.

23 ноября 1263 г. митрополит Кирилл служил литургию в Успенском соборе во Владимире. Когда гонец сообщил ему о кончине св. Александра, он вышел, потрясенный, к народу и сказал:

— Уже зашло Солнце Суздальской земли.

Весь собор ответил рыданием.

Тело св. Александра везли из Городца во Владимир. Был сильный мороз. Митрополит Кирилл со всем духовенством и народом, с горящими свечами и кадильницами, вышли встречать тело. Стоял плач и стон. Погребение было совершено 23 ноября 1263 г. в церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

Житие св. Александра повествует, что, когда митрополит Кирилл подошел к гробу, чтобы вложить в руку усопшего разрешительную грамоту, рука св. князя, разжав пальцы, взяла сама грамоту и снова сжалась.

Так скончался мучеником и был погребен св. благоверный великий князь Александр Невский, являя собой совершенно новый тип русской православной святости — подвига и мученичества в мире, на самом высшем государственном посту.

Канонизация св. Александра оформлялась в течение продолжительного времени. Земная Церковь прославляет обычно тех святых, относительно которых имеются явные указания воли Божией, проявляющиеся или в чудесах у гроба, или в нетлении мощей. Чудеса у гроба, записи о которых тщательно проверяются, — это как бы печать и свидетельство святости, уже достигнутой всею жизнью подвижника.

Через 117 лет после кончины святого Александра — 8 сентября 1380 г., в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в ту самую ночь, когда Дмитрий Донской со всей ратью стоял станом на Куликовом поле перед решительной сечей с Мамаевой ордой, — пономарю Владимирской церкви Рождества Пресвятой Богородицы было видение: свечи возгорелись сами собой; два старца, выйдя из алтаря, подошли ко гробу св. Александра и сказали: «О, господине Александре, восстани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Димитрию, одолеваему сущу от иноплемеников». Св. Александр встал из гроба и стал невидим.

Узнав об этом видении, митрополит Московский приехал во Владимир и велел открыть гробницу. Тело св. Александра осталось нетленным после 117 лет пребывания в земле. Мощи с честью положили в открытой раке в том же храме Рождества Пресвятой Богородицы, установили местное почитание св. Александра во Влади-

мирской епархии и составили церковную службу.

В 1491 г. во время пожара во Владимире сгорел храм Пресвятой Богородицы, но мощи св. Александра оказались невредимыми, и даже пелена внутри раки, перед которой совершались многие чудеса, оказалась нетронутой.

После ослабления Византии Русская Церковь получила первенствующее значение. Всегда считалось, что славу Церкви составляют ее святые. На Руси было уже много святых, прославленных местно, память которых не почиталась еще всей Русской Церковью. Для составления общецерковных святцев, свидетельств о чудесах и для установления общецерковного почитания святых по всей Руси митрополит Московский Макарий созвал церковный Собор 26 февраля 1547 г. Этот собор и установил, наконец, общецерковное почитание св. Александра Невского всей Русской Церковью. Он поручил также составить его житие, службу и похвальное слово. Днем празднования св. Александра было установлено не 14 ноября — день его кончины, а 23 ноября — день его погребения во Владимире.

В 1552 г. Иоанн Грозный, шедший со своей ратью на завоевание Казани, остановился во Владимире. Во время молебна перед ракой св. Александра приближенный царя Аркадий, имевший больную руку, исцелился и впоследствии написал житие св. Александра. Иоанн усмотрел в этом исцелении предзнаменование своей победы.

В 1571 г. имело место вторичное видение у гроба св. Александра, аналогичное предшествовавшему, во время нашествия на Москву крымского хана Гирея. В ночь этого видения татары сняли осаду Москвы и ушли в Крым.

Житие св. Александра передает за период с 1380 г. по 1706 г. множество чудес у раки св. Александра: исцеления слепых, больных, расслабленных, одержимых и т. п.

Через четыре с половиной века после кончины св. Александра Невского, по окончании шведской войны, Петр Великий в ознаменование Невской победы св. Александра в 1240 г., происходившей на месте основанной Петром I столицы, построил Александро-Невскую Лавру и велел перенести в нее мощи св. Александра.

В 1723 г. крестный ход, несший мощи, вышел из Владимира в Новгород по дороге, много раз пройденной св. Александром при его жизни. В Новгороде рака была поставлена на ладю и двинулась вниз по течению Волхова к Ладоге. На Неве ладю встретил Петр Великий. Мощи были перенесены на галеру. На руле сидел сам император, а на веслах его сановники и сенаторы. Члены Священного Синода во главе с архиепископом новгородским Феодосием встретили крестный ход у ворот Лавры.

30 августа 1724 г., в годовщину заключения мира со шведами, мощи св. Александра были торжественно внесены в новый храм Александро-Невской Лавры и переложены в серебряную раку. День 30 августа был установлен как праздник памяти св. Александра Невского. В этот день отмечается престольный праздник церквей, воздвигнутых во имя св. Александра. Однако в силе остается и день его погребения во Владимире — 23 ноября.

Итак, русская православная Церковь, движимая в своей жизни Духом Святым, высоко оценила самоотверженные подвиги великого князя Александра Невского, оставшиеся невыразимыми даже для человеческого слова, до конца постигла и прославила его духовный облик и причислила великого князя к лику святых:

«Боготечною звездою пришел еси в мире, блаженно Александре, блистающу славою и добродетелию; тем же ныне сияеши на небесех славою вечною с лики праведник, с ними же выну воспевавши Христу: Аллилуиа».

В каждом прославлении святого Церковью есть глубочайшая поучительность. В нем заключается явное указание, что не только внутренняя жизнь угодника, но и тот путь, на котором он стяжал святость, и его служение благословлены Господом. Каждый святой своим прославлением дает живущим свои благодатные заветы. Св. Александр оставил свой завет, что защита родины и труд для нее, если они совершаются во имя Бога, являются исполнением воли Божией.

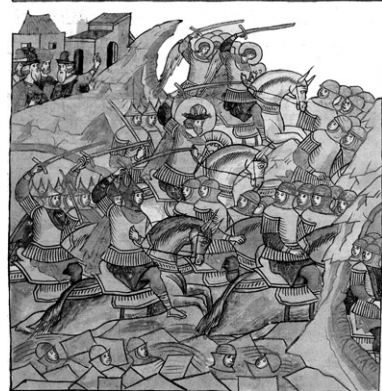
Прославляя св. Александра, Церковь признает, что — наряду с монашескими и отшельническими путями святости — есть и самоотверженное государственное служение: внешнее охранение веры, Церкви со всеми ее священнослужителями, всех ее святых, ограждение мира от зла, устройство государства на основе Божественной Правды и осуществление в жизни заветов Церкви. Это и есть путь св. Александра Невского. Рождением в княжеской семье Господь призвал его к княжению в годы величайшего лихолетья Руси. И св. Александр безропотно, с любовью, смирением и ответственностью принял и нес это служение до самой безвременной кончины своей. И потому ублажает его Церковь.

Вся жизнь св. Александра — это одно устремление, как бы прямо летящая стрела, ибо вся она всецело отдана одному служению.

В жизни св. Александра постоянный мучительный шум и вихрь сражений, зарева пожаров, набат вечного колокола, протесты своевольных бунтарей, происки бояр, борьба партий, вторжения врагов через все русские рубежи.

В его внешней жизни нет никогда покоя. Он то на коне и на поле сражения, то на суде во владычных палатах, то в монгольских степях. Он победоносно отражает всех надвигающихся на Русь врагов, умиливает разгневанных ханов, подавляет мятежи, строит укрепления, церкви и города. Его жизнеописание столько же есть его трагическое житие, сколько и печальные страницы русской истории.

Величие св. Александра заключается не только в его победах и делах, не только во влиянии этих деяний на гря-

*И побежали враги, и рубили их, гоня, как по воздуху, и некуда им было скрыться, и били их на льду на протяжении семи верст до Суболичского берега, и было убито 500 немцев, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 знатных немецких мужей, храбрых воевод, и привели их в Новгород. А другие в воде утонули, иные же жестоко изранены были и убежали.
Был же этот бой 5 апреля, на Похвалу Святой Богородицы и память святого мученика Клавдиана.*

Возвратился великий князь Александр с великою победою, и было много пленных в войске его, вели подле коней тех, кто называет себя рыцарями.

И когда приблизился великий князь Александр к граду Пскову, то встретили его пред городом с крестами игумены и попы в ризах и множество народа, вознося славу Господу и великому князю Александру Ярославичу

его пути свобода и широта. У св. Александра особый дар различения между важным и мало важным, подлинным и неподлинным, правильным и неправильным. Поэтому он постоянно жертвовал своей личной честью, но никогда не принес в жертву правды Руси. Его жизнь — постоянный подвиг смирения и самоотречения для служения Богу и людям. Св. Александр чувствовал особую ответственность за судьбы Церкви, духовенства и русского народа. Поэтому мирные труды управления и правосудия совершались им, особенно во Владимире, в непрестанном молитвенном предстоянии перед Богом.

И Церковь воспевае его подвиги: «Радуйся, яко все житие свое освещал еси непрестанным имене Божия призыванием».

Святые отцы (например, преподобный Кирилл Белозерский) учат, что для человека, верно исполняющего данное Богом служение, дела заменяют продолжительную молитву. Его жизнь претворяется в непрестанную молитву делами. Так, особенно, жизнь св. Александра, протекавшая не в тишине пустыни, а на пути, орошенном кровью и омраченном смутами, была жизнью подвижника. «Радуйся, подвижнике веры, угождение Богу паче всего предизбранный».

Но наряду с суровой ответственностью, героизмом, решимостью и даже умением карать — в случае противления народа Божией Правде — в св. Александре проявляется и чисто русская черта — милосердие и жалостливость: «Радуйся, нищих и алчущих питателю...»; «Радуйся, беспомощных праведный защитителю».

Св. Александр поистине подвижник и мученик, но в то же время в нем и просветленное приятие мира. В нем не только сила духа и отрешенность подвижничества, но и красота, и ясность, и преображенность жизни.

душие судьбы России. Это величие — в нем самом, в его образе, в его личной святости. За внешними его делами всегда стоит он сам; его духовный облик ощущается во всех его поступках. И погружаясь в его житие, все больше и больше начинаешь чувствовать и понимать глубочайшую живую силу его личной святости. И теперь, обращаясь в глубину веков, мы ощущаем и сознаем обаяние его облика, исполненного героического мужества, духовной силы и премудрости, самоотверженной любви.

У него ясный и трезвый взгляд и смирение не только перед Богом, но и перед силой жизни с ее подчас непреодолимыми препятствиями. Поэтому в

Летопись ярко характеризует его земной образ: «бе же лицом красен, очима светел и грозен взором, и паче меры храбор, сердцем же легок».

Вникая в жизнь и образ св. Александра, словно погружаешься в небо и дышишь его легкостью и широтой. И весь св. Александр предстает в синеве неба — легкий, прекрасный и ясный, твердо и неуклонно устремленный к Богу, но в то же время любящий мир и людей. Это — ясность, горение и любовь святости! Этот лучезарный духовный образ св. Александра пронизывает все его житие, от рождения до самой кончины, и предстает в умиротворенности и преображенности над всем бушующим морем его внешней жизни.

В личности св. Александра, его жизни и деятельности содержится благословение мирского и государственного пути и приятия жизни. Его служение не является отвержением аскетических монашеских путей, но лишь свидетельством многообразия путей спасения, в зависимости от личного дара и призвания, как и свидетельством того, что среди этих различных видов христианского делания есть и путь служения государству.

Св. Александр черпал силы идти праведным путем среди всех искушений и грехов мира в своем живом, молитвенном общении с Богом, в своей любви к Православной Церкви и Руси. Его великий святой пример вдохновляет и достоин подражания в наше время. Но он ярко свидетельствует, что только самоотвержение и жертвенный подвиг отдачи себя своему служению могут принести подлинные плоды, что и мирское делание требует подвижничества, единения в духе с теми, кто достигает святости подвижничеством в пустыне. Его пример учит, что стремление созидать свою страну на вечных истинах церковного учения находится в полном согласии с призывами Евангелия. Его пример зовет к бодрости, к ясности и простоте духа, к целомудрию и подлинному реализму в жизни духовной и земной, к непреложной принципиальной твердости, к бескорыстной честности, к несокрушимой добросовестности в любом труде, к непоколебимой вере в Бога и Божию Правду. Своею духовно-героической жизнью, своей самоотверженной деятельной любовью св. Александр вдохновляет и благословляет на путь жертвенного и праведного служения Богу, православной Церкви и России. Поэтому Церковь слагает св. Александру свое вечное величание:

«Царя Небесного возлюбив от всего сердца твоего и от всея души твоя и всею мыслию твоею, принесл еси Ему, блаженне Александре, по многообразных приношениях веры и усердия, себе самого в жертву живу, святу, благоудну».

Ты в житии своем ревнитель и защитник Православия веры был еси».

И нас твоими усердными молитвами, Блаженне Александре, в пламенной вере и самоотверженном служении Богу, Церкви, Родине, духовной культуре непоколебимо утверди!

Библиография

1. Акафист Святому Благоверному великому князю Александру Невскому, в иночестве Алексию. С.-Петербург. Синодальная типография. Изд. 3-е, 1891.
2. Бердяев Н. А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. Париж, 1930.
3. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской Церкви. Сергиев Посад, 1894.
4. Гумилев Л. Н. Апокрифический диалог. Журнал «Нева», №№ 3–4, Л., 1988.
5. Клепинин Н. А. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Париж, 1928.
6. Кузьмин В. (иеродьякон). Свято-Троицкий собор бывшей Александровской лавры. Исторический очерк. Лен. Дух. Академия. Рукопись дипл. работы. Л. 1985.

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

О Господе нашем Иисусе Христе, сыне Божьем, я, ничтожный и многогрешный, мало смысля, пытаюсь описать житие святого князя Александра,¹ сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был домо-чадцем и очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни. Но как Приточник² говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость: становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится». Хотя и прост я умом, но молитвою святой Богородицы и помощью святого князя Александра начало положу.

Князь этот Александр по Божьей воле родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, и более того, кроткого князя великого Ярослава и от матери Феодосии.³ Как говорит Исаия⁴ пророк: «Так говорит Господь: я ставлю князей, ибо они священны, и я руковожу ими». Но и ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его — как лицо Иосифа,⁵ которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте. Сила же его была частью силы Самсона.⁶ И дал ему Бог премудрость Соломона,⁷ а храбрость его — как у царя римского Веспасиана,⁸ который пленил всю землю Иудейскую. Некогда, во время осады города Иоатапаты,⁹ вышли горожане и победили войско его, и остался Веспасиан один и прогнал к городу, к городским воротам, войско их и посмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили меня одного». Также и этот князь Александр, побеждая, сам был непобедим.

Ради князя Александра и пришел некто знатный от Западной страны,¹⁰ от тех, что зовут себя «слуги Божии», желая повидать его в расцвете сил, так же,

как в древности царица Ужская¹¹ приходила к Соломону, желая послушаться мудрых речей его. Так и этот, по имени Андре-яш,¹² увидел князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и видел многие народы, но не встретил ни такого царя среди царей, ни князя среди князей».

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры¹³ из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипия духом ратным. И пришел к Неве, влекомый безумием, и послов своих, возгордившись,

в Новгород, к князю Александру послал, говоря: «Если можешь, то сопротивляйся мне, — я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь святой Софии¹⁴ и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!». И вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне». И окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон¹⁵ благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, а в правде». Помянем Песнотворца,¹⁶ который сказал: «Иные — с оружием, а иные — на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо». И сказав это, пошел на них

с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, благородный Ярослав Великий, не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И пошел на них в день воскресенья, июля 15, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора и святых мучеников Кирика и Улиты,¹⁷ имея же веру великую во святых мучеников Бориса и Глеба.

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгусий.¹⁸ Поручен же был ему морской дозор. Восприял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Поэтому удостоил его Бог увидеть необыкновенное видение в тот день. Расскажем об этом вкратце.

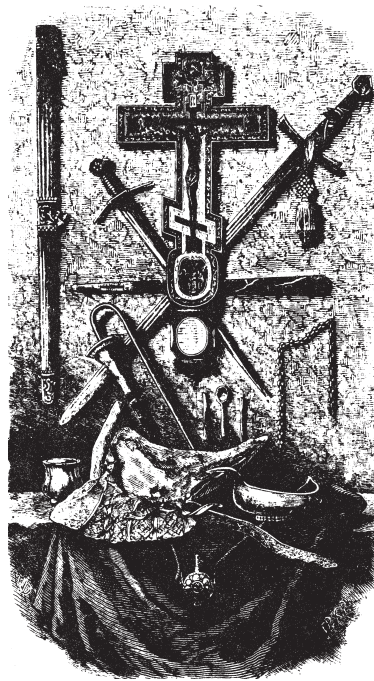
Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях. Когда стоял Пелгусий на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посередине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгусий потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгусий же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому».

После того решился напасть на них в шестом часу дня.¹⁹ И была сеча великая с латинянами,²⁰ и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.²¹

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Один — по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под

Псковские древности

руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с Божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами.

Другой — новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости.

Третий — Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый — из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались.

Шестой — из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе,²² когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел Господень и перебил 185 000 воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли их трупы. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли множество врагов, перебитых ангелом Божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их — одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похва-

лялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ».

Ведь уже взяли город Псков и тиунов своих посадили.²³ Тиунов князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожег, и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. У князя Александра было так же много храбрых мужей, как в древние времена у Давида царя было сильных и крепких воинов. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были, как у львов, и сказали они: «О княже наш славный! Ныне настало нам время положить свои головы за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, воскликнул: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым и помоги мне, Боже, как ты помог в древние времена Моисею²⁴ победить Амалика,²⁵ и прадеду моему Ярославу²⁶ победить окаянного Святополка».

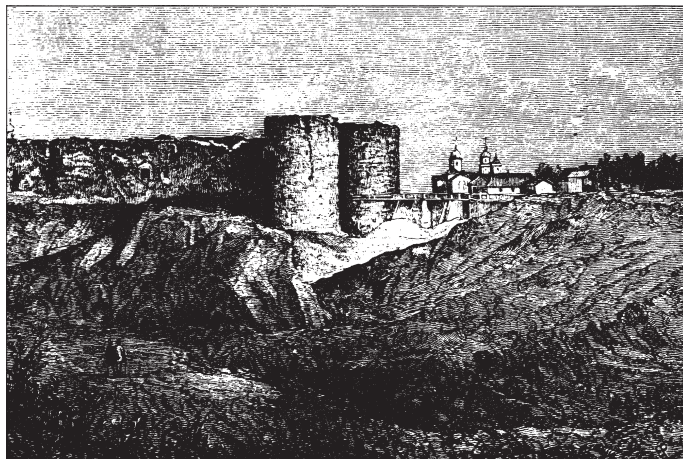
Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча,²⁷ и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

И слышал я это от очевидца, который мне рассказывал, что видел воинство Божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их с помощью Божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать. Здесь же прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина²⁸ у Иерихона. А того, кто говорил: «Поймаем Александра руками», — предал Бог в руки. И не нашлось никого, кто мог бы воспротивиться ему в битве.

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «Божии рыцари».

И когда подошел князь к городу Пскову, игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу Богу и славу господину князю Александру, воспевая песнь: «Помог ты, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему силою креста освободить город Псков от иноязычных рукою Александровою».

О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем

Копорье. Крепость

иудеям, которых накормил Господь в пустыне манною и жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забыли и Бога, освободившего их из египетской неволи.

И прославилось имя его по всем странам и до моря Египетского,²⁹ и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского,³⁰ и до великого Рима.

В то же время умножился народ литовский, и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его.

В то же время был некий сильный царь в Восточной стране,³¹ которому Бог покорил многие народы от востока и до запада. Тот царь, прослышав, что Александр столь славен и храбр, послал к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве ты не знаешь, что Бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей! Но если хочешь уберечь землю свою, то немедленно приходи ко мне, чтобы увидеть славу царства моего».

Князь же Александр пришел во Владимир после смерти отца своего с большим войском. И был грозен приезд его, и промчалась весть об этом до самого устья Волги. И стали жены моавитские³² пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!».

Задумал же князь Александр поехать к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, что нет князя, подобного ему». Воздав же достойные почести ему, отпустил его.

Потом разгневался царь Батый на брата его младшего, на Андрея, и послал воеводу своего Невруя³³ разорить землю Суздальскую. После Невруева нашествия князь великий Александр церкви восстановил, города отстроил, людей разбежавшихся

собрал в дома их. О таких говорит Исаия пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смирен и тем Богу подобен», не ищет богатства и не чуждается праведной жизни, сирот и вдовиц судит по правде, любит милость, а не золото, добр к домочадцам своим и гостеприимен к приходящим из других стран. Таковых Бог наделяет при жизни своими милостями, ибо Бог хочет благополучия не для ангелов, но для людей, которых так щедро награждает, учит и являет в мире милость свою.

Наделил же Бог землю его богатством и славою, и продлил Бог лета его. Некогда же пришли к нему послы от папы ³⁴ из великого Рима, говоря: «Папа наш так сказал: „Слышал я, что ты князь достойный и славный и что земля твоя велика. Того ради прислал я к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших — Галда и Гемонта, чтобы ты послушал учение их о законе Божьем”».

Князь же Александр, посоветовавшись со своими мудрецами, написал ему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама,³⁵ от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона до Августа ³⁶ царя, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царствования Константинова,³⁷ от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого ³⁸ — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». Они же возвратились восвояси.

И приумножились дни жизни его в великой славе, так как князь Александр любил и иереев, и монахов, и нищих, митрополита же и епископов чтит и слушался их, как самого Христа.

Было же тогда большое насилие от иноплемеников: сгоняли христиан, приказывая им ходить в походы. Князь же великий Александр поехал к царю, чтобы отмолить людей от той беды.

А сына своего Дмитрия ³⁹ послал на Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, говоря им:

«Служите сыну моему, как мне самому, всей жизнью своей!».

Пошел князь Дмитрий с большим войском и пленил землю немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со множеством пленников и с большой добычей.

Отец же его, великий князь Александр, возвращаясь от иноплемеников, остановился в Нижнем Новгороде и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца — разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как сможешь описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не разорвется сердце твое от плача! Отца человек может покинуть, а доброго господина невозможно покинуть, если бы мог, и в гроб бы лег с ним!

Великий же князь Александр, ревнуя Господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму. И так Господу дух свой предав, с миром скончался месяца ноября в 14-й день, в день памяти святого апостола Филиппа.⁴⁰

Ледовое побоище. 1242 г.

Митрополит же Кирилл ⁴¹ говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальской!». Иереи и дьяконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди говорили: «Уже погибаем!».

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным, вместе с князьями и боярами, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ же толпился, желая прикоснуться к честному одру, на котором лежало его святое тело. Был же крик и плач, и стон такой, какого еще никогда не бывало — так, что земля содрогнулась.

Положено же было тело его в церкви Рождества ⁴² святой Богородицы, в Архимандритье великой, месяца ноября в 23 день, в день памяти святого отца Амфилохия.⁴³

Было же тогда чудо дивное, достойное памяти. Когда положено было святое тело в гроб, Севастьян эконоом и Кирилл митрополит хотели разжать ему руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита. И обьял их ужас, и едва отступили от гробницы его.

Об этом все услышали от господина митрополита и от эконома его Севастьяна.⁴⁴

Примечания

¹ Князь Александр. Александр Невский (род. 30 V 1220 г. — дата условная, установлена по работам историков XVIII в. Г. Миллера и Екатерины II) был сыном князя Новгородского, Киевского и Владимиро-Суздальского Ярослава Всеволодовича и внуком великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо. Прославился как выдающийся полководец. Одержанные им победы — на Неве 15 июля 1240 г. (после этой битвы Александра стали называть «Невским») и на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. — имел и большое историческое значение для всей Руси. Александр стал, вероятно, почитаться как святой впервые в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где он был похоронен в 1263 г. Затем монахи этого монастыря записали легенды о чудесах, происшедших посмертно, с целью добиться его местной канонизации.

² Приточник. Предполагаемый автор ветхозаветной «Книги притчей Соломоновых», может быть, сам Соломон, иудейский царь.

³ Феодосия. Мать Александра Невского была дочерью рязанского князя Игоря Глебовича. Умерла в 1244 г. и была похоронена в Новгородском Юрьевом монастыре.

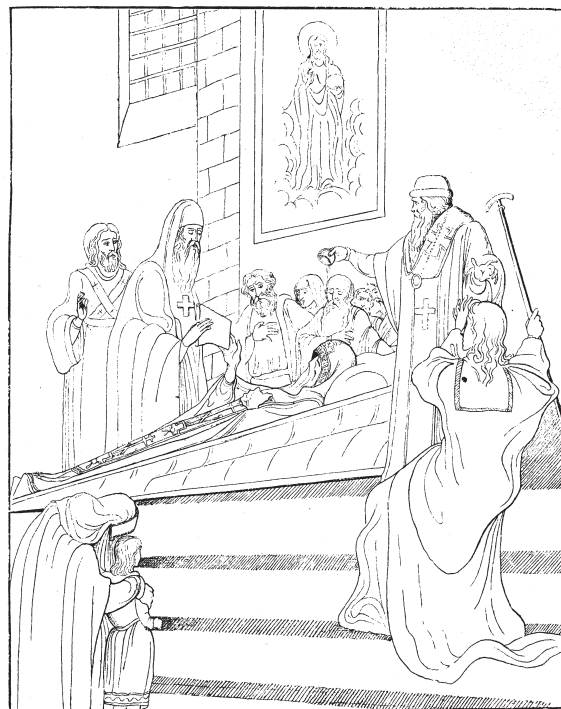
⁴ Исаия. Сын Амоса, библейский пророк VIII в. до н. э., которому приписывается составление ветхозаветной «Книги пророчеств» из 66 глав.

⁵ Иосиф. Согласно Библии, Иосиф Прекрасный разгадал сны фараона, после чего тот женил его на дочери жреца и сделал своим соправителем.

⁶ Самсон. Один из героев Ветхого завета — богатырь и судья израильского народа.

⁷ Соломон. Согласно Библии, сын Давида обладал великой мудростью, составил «Книгу притчей» и «Премудрости Соломона».

⁸ Веспасиан. Римский император (69 — 79), прославившийся как энергичный полководец, завоеватель Палестины.

Чудо при погребении св. блгв. кн. Александра Невского

Кто ли не удивится тому, если был он мертв и тело было привезено издалека в зимнее время! И так прославил Бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

⁹ Иоатапата. Крепость в Палестине.

¹⁰ Западная страна. Ливония.

¹¹ Царица Ужская. Царица Савская из южной Аравии, XI–X вв. до н. э.

¹² Андреяш. Андреас фон Фельвен, вице-магистр Ливонского Ордена.

¹³ Король римской веры. Здесь имеется в виду шведский король Эрик Эрикссон, по прозвищу Леспе («Картавый»), католической веры. В 1240 г. шведское войско отправилось в поход под начальством ярла Ульфа Фаси.

¹⁴ Церковь Софьи. Собор святой Софии Премудрости Божий в Новгородском кремле, основан в 1050 г.

¹⁵ Архиепископ Спиридон. Новгородский архиепископ с 1229 по 1249 г.

¹⁶ Песнотворец. Имеется в виду Давид, иудейский царь.

¹⁷ Кирик и Улита. IV Вселенский собор в Халкидоне происходил 16 июля 451 года. Кирик и Улита — сын и мать, святые, христианские мученики (III — начало IV в.), их память 15 июля. Князья Борис и Глеб — сыновья князя Владимира, убитые 24 июля и 5 сентября 1015 г. по приказу своего старшего брата Святополка, получившего прозвище Окаянного. Канонизированные в 1072 г., Борис и Глеб считались святыми военными покровителями Русской земли, стражами феодального княжеского миропорядка.

¹⁸ Пелгусий. Ижорская земля находилась к югу от Невы, ижоряне давно были в подчинении у Новгорода, а их верхушка приняла христианство. Пелгусий-Филипп — родоначальник рода Пелконен.

¹⁹ В шестом часу дня. Невская битва произошла недалеко от впадения реки Ижоры в Неву 15 июля 1240 г. в 6 часов дня по древнерусскому счету времени, т. е. в 6 часов, считая от восхода солнца, — в 11 часов утра по современному счету.

²⁰ Латиняне (римляне). В данном случае шведы, финны, норвежцы, находившиеся в войске шведского ледунга.

²¹ Возложил печать на лицо. Князь Александр ранил шведского ярла копьём в щеку. Автор Жития, рассказав об этом, одновременно намекает на обычай древних римлян ставить знак собственности — клеймо на лицо своего раба, и тем самым дает читателю понять, что предводитель «римлян» попал в положение раба.

²² Езекия царь. По Библии, 13-й иудейский царь; это событие произошло в 740 г. до н. э.

²³ Вот уже взяли. Ливонские немцы захватили Псков в 1241 г. из-за измены некоторых псковских бояр во главе с посадником Твердилой Иванковичем. Тиуны — здесь немецкие фогты (судьи).

²⁴ Моисей. Ветхозаветный пророк иудейского народа.

²⁵ Амалик. Вожь амаликитян, занимавших страну между Палестиной и Египтом, оказавший сильное сопротивление иудеям.

²⁶ Ярослав. Ярослав Владимирович Мудрый (1019 — 1054), великий князь Киевский, одержавший в 1019 г. победу на реке Альте над Святополком Окаянным.

²⁷ И была злая сеча. Ледовое побоище 5 апреля 1242 г. Немецкий натиск на Восток был остановлен.

²⁸ Иисус Навин. Ветхозаветный иудейский пророк, преемник Моисея. Иерихон-город и крепость в Палестине. По преданию, стены пали от звука труб Иисуса Навина.

²⁹ Море Египетское. Часть Средиземного моря, омывающая Египет.

³⁰ Море Варяжское. Балтийское море.

³¹ Царь в Восточной стране. Хан Большой орды Батый (1242 — 1255), у которого Александр был в 1249 г.

³² Жены моавитские. Моавитяне — племя, происходившее от Моава, сына Лота, и жившее на восток от Иордана и Мертвого моря. Этим библейским именем автор называет татар.

³³ Невруй. Невруево нашествие на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. До Невруева нашествия князь Александр поехал в Сарай к ордынскому хану Сартаку и получил от него ярлык на великое княжение Владимирское.

³⁴ Послы от папы. Вероятно, имеется в виду посольство от папы

римского Иннокентия IV (1243 — 1254), посылавшего в 1248 г. к князю Александру Ярославичу в Новгород двух легатов — Галда и Гемонта с предложением перейти в католичество. Папским легатам пришлось ни с чем вернуться в Рим.

³⁵ Авраам. Согласно Библии, праотец еврейского народа, живший в III тысячелетии до н. э. и переселившийся в Ханаан из месопотамского города Ура ок. 2215 г. до н. э.

³⁶ Август. Римский император Октавиан Август (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.).

³⁷ Константин. Константин Великий, властитель Западной и Восточной Римской империи (306 — 337), признавший христианство государственной религией.

³⁸ Первый собор. Первый вселенский собор был в Никее в 325 г., седьмой — там же в 787 г.

³⁹ Сына своего Димитрия. В 1262 г. князю Димитрию Александровичу было всего 9 лет, войском же командовали его дядя — князь Ярослав Ярославич Тверской, полоцкий князь Товтивил и смоленский князь Константин Ростиславич. Весь рассказ Жития о походе на Юрьев осенью 1262 г. составлен с явной тенденцией изобразить Димитрия достойным преемником великокняжеского стола своего отца в период его борьбы за власть с братом Андреем (1280-е годы).

⁴⁰ Апостол Филипп. По преданию, это ученик Христа, проповедовавший в Скифии в I в. н. э.

⁴¹ Митрополит Кирилл. Митрополит Киевский и Владимирский (1243 — 1280).

⁴² В церкви Рождества. Рождественский Богородицкий монастырь во Владимире, основанный в 1191–1192 гг., считался (до 1561 г.) первым монастырем Руси, «архимандритией великой».

⁴³ Амфилохий. Святой епископ Иконийский (IV в.), жил в Малой Азии.

⁴⁴ Севастьян. Весь рассказ о посмертном чуде с духовной грамотой — запись устного предания, бытовавшего во Владимирском Рождественском монастыре. Митрополит Кирилл и его эконо́м Севастьян сопричастны созданию Жития Александра Невского (Первая редакция).

Вид Александрово-Невской лавры. Литография К. Бегрова. XIX в.

СУДЬБА МОЩЕЙ И РАКИ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

«Державная воля Петра, — говорит православный проповедник, — преодолев все затруднения, какие противопоставляла намерениям его северная природа, основала, на удивление всем, столицу в пустынном краю, в местах, едва проходимых, где только царственный ум Петра мог прозревать возможность существования одного из обширнейших и великолепнейших городов в мире... Эта столица, быстро возраставшая под рукою Великого, была предметом постоянных его забот... Но мало для него было тех трудов, какие сам он подъял для блага своей столицы; не довольно, казалось ему, он сделал ей добра, давши ей жизнь; ему хотелось, чтобы созданный им град, долженствовавший стать во главе градов русских, был ничем не меньше других градов, — чтобы судьба его любимой столицы была ограждена — навсегда... И вот юная столица, которой еще долго надлежало бы ждать, пока на ее нивах произрастет цвет нетления и она украсится, подобно другим градам, святынею нетленных останков какого-либо угодника Божия, — юная столица получила от своего основателя и благодетеля последнее благодеяние, приав, по воле его, в свои объятия нетленные мощи св. благоверного великого князя Александра... И можно ли было лучше избрать покровителя граду, заселившему берега Невы? Герой Невский, несомненно, всегда и был, и есть, и будет лучшим стражем и покровителем тех мест, где некогда так славно подвизался он для блага своей родины и православной церкви» (Христианское чтение. Чт. II. С. 180–181. 1852. Сказание о мощах).

Вознамерившись перенести нетленные мощи св. Александра, Петр заблаговременно озаботился приготовлением для них нового покоища, и сам указал место для постройки монастыря. В журнале Петра Великого за июль 1710 года читаем следующее: «Государь, будучи в Петербурге, осматривал места, где быть каким строениям и над Невою рекою, при С.-Петербурге, на устье речки Черной усмотрел изрядное место, которое называлось Викгори, где указал строить монастырь во имя Св. Троицы и св. Александра Невского, и на том месте, в присутствии Его Государя и при нем обретающихся министров и генералитета, архимандрит, назначенный в тот монастырь, Феодосий водрузил крест с таковым надписанием: «во имя Отца и Сына и Св. Духа, повелением Царского Пресветлого Величества, на сем месте имеет

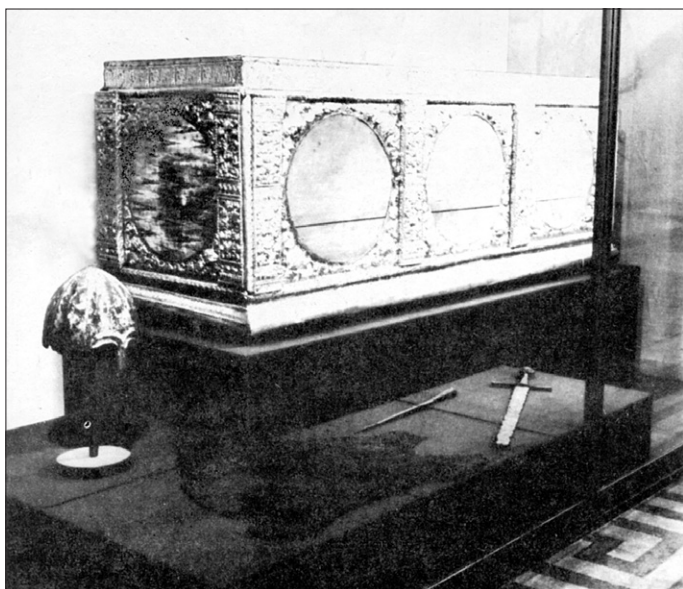

*Рака с мощами
св. блгв. кн.
Александра
Невского
в Свято-Троицком
соборе Александро-
Невской лавры.
Современный вид*

создаться монастырь» — и поставлена на том месте часовня». Несмотря на трудные войны со шведами и турками, на неустанную, всепроникающую деятельность, разнообразнейшие труды, на вечные разъезды от Балтийского моря до Волги, от Архангельска до Азова, Петр не оставлял своих забот об устройении обители. Уже в 1712 году, на левой стороне речки, была заложена, а в следующем году 25 марта была освящена деревянная церковь Благовещения. Как только отделаны были келии, устроилось и иноческое общежитие.

Собственно постройка монастыря началась не ранее 1717 года, по плану архитектора Андрея Трезина. На плане государь изволил начертать: «во имя

Рака XVII в., в которой почивали мощи св. блгв. кн. Александра Невского во Владимире, ныне находится в Государственном Эрмитаже

Господне делать по сему». Работы продолжались непрерывно. Основанный в том же 1717 году храм во имя св. Александра Невского был освящен 30 августа 1724 года в день перенесения мощей в столицу. 1723 года 29 мая, во время посещения государем вновь устроенной обители, состоялось Высочайшее повеление: «обретающиеся во Владимирском Рождествене монастыре мощи св. Благоверного Великого Князя Александра Невского перенести в Александровский монастырь».

Во Владимире св. мощи покоились в новой деревянной, украшенной разною работою и покрытой драгоценным покровом, раке, устроенной в 1695 году в Москве при царях Иоанне и Петре Алексеевичах. На верху, по краям раки со всех сторон сделана надпись, подробно изображавшая подвиги св. князя. Митрополит Иларион с торжеством переложил в новую раку св. мощи в 1697 году. Для перенесения св. мощей из Владимира в Петербург устроен был ковчег, покрытый малиновым бархатом. Над ковчегом возвышался балдахин. На крышке ковчега лежала подушка лазоревого цвета, обложенная золотым позументом с золотыми кистями. На нее возложены были крест и княжеские регалии. Из Владимира до Петербурга св. мощи должен был сопровождать настоятель Рождественского монастыря архимандрит Сергей, «яко в первостепенных архимандритах Российских третий градус имеющий», а для наблюдения за порядком и благопристойностью на пути сенатом назначен был окольничий Михаил Васильевич Сабакин. При шествии со св. мощами должно было наблюдать, чтобы не было ни замедления, ни излишней поспешности. Духовные и светские лица должны были во время процессии присутствовать неотлучно. Строго было наказано, чтобы вблизи святыни не происходило

«сквернословия и непотребных действий». Надлежало останавливаться «в удобных полевых местах и содержать ковчег со св. мощами в шатре, под надлежащим присмотром и охранением».

Во Владимире с 10 на 11 августа совершены были во всех храмах всенощное бдение и утром литургия. Духовенство города и окрестных монастырей, при многочисленном стечении народа, с крестным ходом направилось из соборного храма в Рождественскую обитель. Здесь пред ракою св. князя отслужено было молебствие. Затем архимандриты и игумены, приступив к раке, подняли св. мощи и поставили в приготовленный ковчег. Монастырская стена, выходящая на большую улицу, была разобрана, так как вследствие высоты ковчега, осеняемого балдахином (ковчег с балдахином был вышиною 5 арш. 10 вершк., длиною с носилками 11 арш. 4 вершка, шириною 7 арш.), пронести прямо из монастырских ворот было невозможно. Духовенство на раменах несло ковчег до так называемой Студеной горы. Волны народа сопровождали священное шествие. Колокольный звон со всех церквей раздавался в воздухе. Так проводили граждане Владимира свою достопамятную святыню, более трех с половиною столетий покоившуюся в их городе.

Умилительное зрелище представляло шествие святыни чрез землю русскую! Во всех селах и городах, лежавших на пути, встречали и провожали святыню с крестами и иконами, с молебным пением и колокольным звоном. Народ из ближних и дальних местностей стекался во множестве на поклонение св. мощам. Многие, не исключая женщин и детей, горели желанием сподобиться участия в несении святыни. Так было 13 августа в селениях Дмитриевском и Ундоле. Столь же трогательные встречи повторились потом 14 августа в деревне Липках, 15 — в селе Покрове, 16 — в селе Рогожах и Купавне, 17 — в селении Пахре и в селе Ивановском.

Глубокое впечатление ложилось на душу при виде этих народных волн, окружавших непрестанно святыню, при этом всеобщем священном одушевлении! Как прекрасно выражалось это настроение православного народа в непрерывно раздававшихся вокруг гроба святого церковных песнопениях!

«Яко звезду ты пресветлую почитаем, от востока возсиявшую и на запад пришедшую: всю бо страну сию чудесы и добротою обогащаеши...

Яко утро, яко день светлый, твой праздник явился, просвещая наша сердца, и всех с верою восхваляющих тя, Александре преславне!

День спасения и праздник веселия наста, стецемся вернии, очистивше вкупе души и телеса...

Придите, все языцы, восплещите руками ликующе! Приидите, вси Российстии князи и священники и вельможи, монаси же и прости, духовне свеселимся в нарочитом празднике блаженного Александра, и многоцелебную его раку обстоюще, любезно

облобызаем и того яко цветы песньми и хвалами увязем, рекуще: радуйся, земли Российстей похвале! Радуйся, Императору православному помощниче! Радуйся, отечеству твоему заступление!..»

17 августа вечером, в 8 часе пополудни шествие приблизилось уже к Москве и остановилось до утра у пруда, что под Красным селом, близ дома ближнего стольника Ив. Фед. Ромодановского. Уже с вечера волны народа устремились из Москвы и окружили ковчег. Утром, 18 августа, при звоне всех московских колоколов, крестный ход, в сопровождении множества народа, двинулся на сретение св. мощей, которое и совершилось на том самом месте, где в 1652 году встречены были мощи святителя Филиппа, привезенные, по воле царя Алексея Михайловича, из Соловецкого монастыря. У церкви св. Василия Кесарийского было совершено всенародное молебствие. Затем процессия двинулась по Москве к Кремлю. Мощи св. князя сопровождали три святителя: преосвященный Леонид, архиепископ Сарский и Подонский, пр. Варлаам, епископ Суздальский и Юрьевский и пр. Арсений Фиваидский с архимандритами и многочисленным духовенством. Внести св. мощи в Кремль оказалось невозможным вследствие высоты балдахина. Обратнo св. мощи сопровождаемы были протоиереем Спасской дворцовой церкви с духовенством Вознесенского монастыря и Никитского сорока до села Всесвятского. В поле раскинут был царский шатер, под сению которого на ночь и была поставлена святыня. В течение всей ночи множество народа, как бы на страже, неотлучно окружало шатер. Молебное пение не прекращалось до самого утра. По выходе из Москвы 19 августа первая встреча произошла на другой день в селе Никольском. 22 шествие было уже в Клину. Жители города всенародно с крестным ходом сопровождали святыню за 7 верст. 24 — прошли село Давидово, и 25 — в селе Городце святыню торжественно встречал архимандрит Желтикова монастыря Мелетий с братиею. 26 — были уже в Твери, где святыню ожидали архимандриты с городским духовенством. 27 — была встреча в Малкском монастырь, 28 — в г. Торжок, некогда освобожденном Александром от литовского нашествия. Пройдя 29 село Выдоропское (Выдропуск), шествие 30 направилось от монастыря Николы Столпенского в Вышний Волочок, куда и прибыли 31 августа. Из Волочка через Хотилковский ям (1 сентября) и село Березы шествие 3 сентября двинулось к Валдаю. 4 сентября прошли Крестцы; 6 — Политавье. В городе Боровичах святыня была перенесена на яхту и 9 сентября вывезена на озеро Ильмень, в водах которого, без сомнения, во время земной жизни не раз отражался светлый образ Невского. На лодках приблизилось для встречи духовенство Юрьева монастыря. Наконец, святыня в Новгороде! На пристани у Словенской улицы ковчег был изнесен на берег. Астраханский епископ Иоаким с многочисленным духовенством, генерал Волков и

*Перенесение мощей св. блгв. кн. Александра Невского
Императором Петром Великим
из Владимира-на-Клязьме в С.-Петербург*

воевода Хилков и множество народа встретили святыню, и шествие направилось к соборной церкви св. Софии, где святыня и была поставлена против северных врат под шатром. Так Невский герой снова был среди своих новгородцев, предков которых некогда водил он к победам, среди которых голос его гремел на вече, как труба, снова у св. Софии, где никогда он так горячо молился, прося небесной защиты! Сколько чувств, сколько славных и трогательных воспоминаний теснилось в душу новгородцам при виде дорогой и родной святыни!.. 10 сентября епископ Иоаким торжественно совершал литургию, во время которой иеромонах Стефан Прибылович произнес приличное слово. По совершении литургии и молебного пения, ковчег со св. мощами был пронесен на Волховский мост, откуда духовенство с народом сопровождало святыню до Антониева монастыря. От Хутынского подворья святыню везли водою до Ладоги. Ежедневно из разных мест были встречи: 11 сентября от села Высокого, погоста Грузинского и Черницкого, 12 — от села Солецкого и Помялова, 13 — от погоста Михаило-Архангельского и Ильинского, от старой и новой Ладоги. Из Ладоги шествие снова направилось дальше сухим путем. 17 сентября архимандритом Сергием получен был Высочайший указ. По предварительному соображению, святыня должна была быть уже 25 августа в Петербурге. Предполагалось 30 августа, в память заключенного в этот день славного Ништадтского мира со шведами, торжественно внести св. мощи в Александро-Невский монастырь. Но так как к означенному сроку святыня, по дальности пройденного расстояния, не могла прибыть в Петербург, то новым указом поведывалось уже не спешить шествием и по прибытии в Шлиссельбург поставить святыню в тамошней соборной Благовещенской церкви, что и было исполнено 1 октября. Там св. мощи почивали до августа следующего 1724 года.

Встреча святыни в Петербурге была весьма торжественна. Император со свитой прибыл на галере к устью Ижоры. Благоговейно сняв святыню с яхты и

поставив на галеру, государь повелел своим вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры со знатными лицами, а во главе их — «ботик Петра Великого», также отдававший салют своими небольшими медными пушками. Шествие приближалось к Петербургу. Мысли всех невольно неслись к той отдаленной эпохе, когда на берегах Невы и Ижоры Александр торжествовал свою победу над врагами. Шествие остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Там святыню сняли с галеры, и знатнейшие вельможи понесли ее в монастырь.

«Веселися, Ижорская земля и вся Российская страна! Варяжское море, восплеши руками! Нево реко, распростири своя струи! Се бо Князь твой и Владыка, от Свейскаго ига ты свободивый, торжествует во граде Божии, его же веселят речная устремления!

Веселитесь днесь, Российстии народи! Ликуйте начала и власти! Се бо плоть от плоти ваша и власть от власти ваша Благоверный Князь Александр Невский ликует со ангелы на небеси и всех своих сродников и властей и под властью сущих на духовное созывает торжество, о всех молится Господу!

Возведи окрест очи твои, Россие, и виждь, се бо распространишася пределы твоя и приусугубишася от востока и севера и юга чада твоя, и Промыслу Вышняго, по бранях, в мир воспой песни твоя!

Созидай грады твоя новые, Россие, утверждай миром пределы твоя! Господь с тобою, Господь помощник! Дажь убо славу имени Его, преславно ныне прославившему тя!» (Служба 30 августа.)

Близ архиерейского двора навстречу святыни прибыла императрица, с высшими чинами двора. Св. мощи внесены были в церковь, посвященную имени св. Александра Невского и в тот же день освященную. Лишь только святыня была поставлена на приготовленное место, дан был знак к возобновлению пушечной пальбы. Вечером город был иллюминирован. На другой день в Александро-Невской обители

было светлое торжество, на котором присутствовал государь со знатнейшими вельможами и раздавал гостям план предположенных в монастыре построек, гравированный на меди. Тогда же установлено было праздновать торжество перенесения св. мощей ежегодно 30 августа. Так, исполнилось заветное желание Петра Великого. Чрез полгода его не стало...

Перенесение святыни было последним великим благодеянием Петра своему дорогому детищу — Петербургу. Основав свою столицу на окраине государства, при море, для удобнейших сношений с другими, более России образованными народами, перенесением мощей великого подвижника древней России Петр оставил для новой столицы как бы завет — воспринимая все доброе у других народов, не пренебрегать тем, что есть священного и достохвального в своем отечестве, как бы внушал жителям столицы, что святая Русь имеет также свои доблести, «лучше которых, по словам духовного оратора, ничего не найдешь нигде, — что, если в чужих странах привлекательно и достойно подражания многое, касающееся внешней жизни, то в своей родной стране у нас есть привлекательнейшие и достойнейшие подражания примеры благоустройства жизни внутренней, образцы искреннего благочестия, святости, которые, конечно, и должно изучать прежде всего и больше всего».

Преемники Петра Великого с особенным благоговением чтит память великого поборника отечества и веры православной. В 1725 году, согласно с волей Великого, супруга его императрица Екатерина I учредила орден в честь св. благоверного великого князя Александра Невского. В 1726 году издан был особый церемониал празднования дня 30 августа.

Святой храбрый Князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призывает,
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо Петру споспешествовал,
Являя дщерь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого серебра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

Рака украшена разнообразными изваяниями. На верхней доске находится изображение св. князя по атласу. Гробницу осеняет серебряный балдахин, на верху которого — подушка с царскими регалиями. Позади раки в углублении стоит пирамида, по сторонам которой — трофеи св. князя и старинное оружие. На двух щитах, находящихся по сторонам пирамиды, вырезана надпись, составленная Ломоносовым.

«Богу Всемогущему и его угоднику Благоверному и Великому Князю Александру Невскому, Россов усердному защитнику, презревшему прещение мучителя, тварь боготворит повелевшего, укротившему варварство на востоке, низложившему зависть на западе, по земном княжении в вечное царство переселенному в лето 1263, Усердием Петра Великого, на место древ-

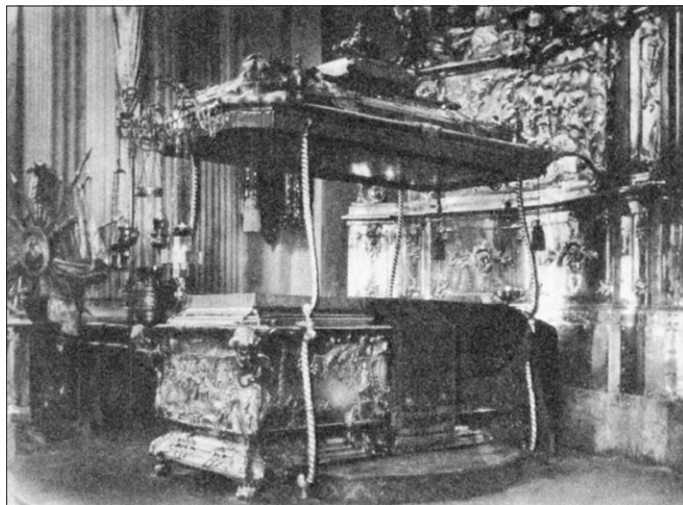

Шлиссельбург. Благовещенский собор. Здесь мощи св. Александра Невского пребывали в 1723–1724 гг.

них и новых побед перенесенному 1724 года, Державнейшая Елисавета, отеческого ко святым почитания подражательница, К нему благочестием усердствуя, Сию мужества и святости его делами украшенную раку из первообретенного при Ея благословенной державе серебра соорудить благоволила в лето 1752».

По особому предложению благочестивой государыни, в 1748 году установлен крестный ход, совершающийся и поныне (Совершался до 1918 г. — Ред.).

Императрица Екатерина II, верная исполнительница предначертаний Петра Великого, пожелала воздвигнуть в Александро-Невской лавре храм, достойный хранящейся там святыни. Соборный храм во имя св. Троицы заложен был еще в 1716 году по плану, утвержденному Петром, и окончен в 1753 году, но потом опять был разобран. План нового собора, составленный по повелению Екатерины II архитектором Старовым, удостоился высочайшего утверждения. Наблюдение за постройкой храма императрица возложила на архиепископа Гавриила. Торжество закладки происходило 30 августа 1774 года, в присутствии государыни, при чем по обычаю под алтарем заложена была серебряная доска, украшенная именем Екатерины с обозначением времени основания храма. Вместе с доской положена была часть мощей св. Андрея Первозванного. В 1790 году построение собора было уже окончено, и 30 августа происходило с торжеством истинно царским освящение храма и перенесение мощей св. Александра Невского. Государыня с наследником престола вел. кн. Павлом Петровичем, с великими князьями Александром и Константином, изволила прибыть в монастырь к 10 часам. Митрополит Гавриил и высочайшие особы немедленно отправились в церковь Благовещения, где покоились мощи св. князя. Шествие с мощами в новый храм совершилось в следующем порядке: впереди крестный ход, в котором с хоругвями, св. иконами, крестами и Евангелием шло духовенство; далее — духовник государыни нес великокняжеский венец св. князя и архимандрит Юрьева монастыря — жезл Невского. Св. мощи несены были кавалерами ордена св. Александра, а балдахин над мощами поддерживали кавалеры ордена св. Владимира. Государыня шествовала, окруженная кавалергардами в парадной форме, великие князья и знатнейшие особы обоего пола заключали шествие. Все время непрерывно продолжался колокольный звон. Войска, при пушечной пальбе, отдавали честь. По внесении св. мощей в новый храм, началась божественная литургия, которую совершал митрополит Гавриил в сослужении архиепископов Псковского Иннокентия и Херсонского Евгения Булгара. Во время литургии архимандрит Юрьева монастыря Ириней произнес приличное торжеству слово. После литургии в покоях митрополита про-

Рака с мощами св. блгв. кн. Александра Невского в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры до 1917 г.

исходили обычные поздравления и обед. Особенное значение торжеству придавало празднование в тот же день мира, только что заключенного со шведами в Верельской долине. «Гораздо веселее становлюсь», писала по этому поводу государыня, и без сомнения на торжестве освящения нового храма не раз вспоминалась первая славная победа над шведами.

Благочестивая ревность русских Самодержцев не ослабевала и потом, выражаясь в частых посещениях св. обители и драгоценных приношениях. Император Александр I принес в дар хранящиеся в церкви св. Александра Невского драгоценные перламутровые святцы на весь год, устроенные в виде звезды архангельским унтер-цолнером Верещагиным и поднесенные Петру I, и драгоценный серебрянный ковчег с частицами св. мощей.

Император Николай Павлович, после славной войны за освобождение единой Гречии от турецкого ига, принес в дар обители ключ Адрианополя (1829 г. 29 августа), помещенный на столбе в металлической раме.

Александр Николаевич, незабвенный благодетель русского парохода, принес в дар обители помещенную пред ракою св. князя, серебряную позолоченную лампаду. Сам он имел трогательное обыкновение приходить в обитель для уединенной смиренной молитвы у гробницы св. Александра Невского в субботу первой недели Великого поста, после принятия св. таин.

Три благороднейших монарха русской земли украсились именем св. Александра Невского на радость и счастье всего русского народа, молитвами заступника земли русской св. Александра Невского!

Из книги М. Хитрова «Святый благоверный князь Александр Невский. Подробное жизнеописание». Москва, 1893 г.

К ИСТОРИИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ МОЩЕЙ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Начавшееся недавно возвращение Церкви мощей некоторых особо чтимых в России святых подвижников вызывает множество вопросов у всех, кто хоть немного интересуется историей русской Церкви за последние сто лет. В частности, с особенной остротой встает вопрос о подлинности некоторых реликвий. Массовое вскрытие гробниц святых угодников Божиих в 20-е годы, приведшее к исчезновению мощей величайших святых (прп. Серафима Саровского, Александра Свирского и многих иных) или к передаче святынь, после варварских «освидетельствований», в атеистические и краеведческие музеи, имело целью не только уничтожение самих мощей, но и, в первую очередь, даже самой памяти о местночтимом святом — небесном покровителе села, города — или о подвижнике, почитаемом всей Церковью.

Несмотря на многолетнюю бесполезную пропаганду, вера в представительство угодников Божиих на Руси устояла, более того, спустя много десятилетий, люди верят в неизбежное чудесное спасение мощей, принципиально не допуская самой возможности их гибели. Разоблачительные газетные публикации об обмане верующих Церковью, о восковых и тряпичных куклах, истлевших костях и прочих посторонних предметах, обнаруженных в гробницах, послужили к возникновению в среде верующих двух мнений о судьбе свв. мощей. Одни твердо уверены в том, что подмена мощей производилась самими монашествующими в монастырях и клириками в приходских храмах с единственной целью — уберечь святыни от осквернения и возможной гибели; другие считают, что подлинные мощи похищались представителями властей, и, в целях пропаганды безбожия и учинения гонений на Церковь, на место реликвий помещались посторонние предметы.

Когда 3 июня 1989 г., одиннадцать лет назад, в Троицкий Собор Александро-Невской лавры, почти семь десятилетий спустя, были возвращены мощи святого Александра Невского, небесного покровителя города Санкт-Петербурга, многие были удивлены тем, что возвращенные св. мощи находились в весьма маленького размера деревянной раке — ведь прежде, до конфискации и передачи во владение Эрмитажа роскошной серебряной гробницы князя, его тело почивало в серебряном гробе внушительных размеров. Учитывая бесконтрольное хранение святыни в Музее истории религии и атеизма в течение многих лет, можно было предположить самые невероятные вещи.

Объяснение вышеуказанного странного несоответствия удалось недавно обнаружить в дневниковых записях одного из активных деятелей интеллектуальной среды петербургской интеллигенции начала XX в., секретаря Петербургского религиозно-философского общества Сергея Платоновича Каблукова.

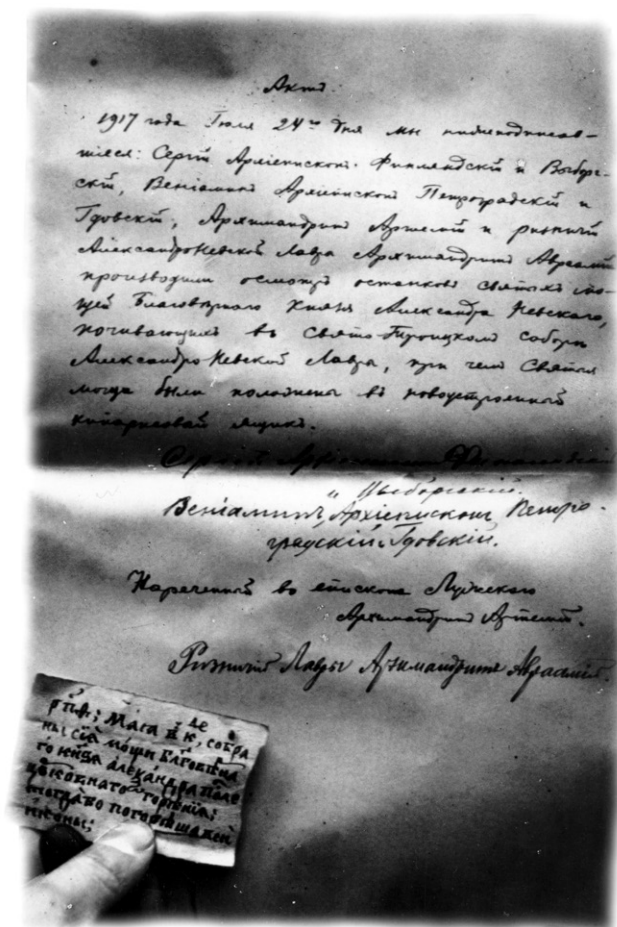
В середине апреля 1917 г. Каблуков принимал участие в двух собраниях иноков Лавры, где обсуждалось положение Лавры и программа съезда образованных монахов в мае того же года в Москве. Было решено ходатайствовать перед Синодом об обращении Лавры в ставропигию и о назначении наместника, который и был избран Синодом из числа трех предложенных собранием иноков кандидатов. Временным наместником стал епископ Елисаветградский Прокопий. Также собрание просило о назначении ревизии Лавры, которая, по решению Синода, была возложена на еп. Серафима Сердобольского и начальника синодского контроля Дьякова, пригласивших в помощь себе еще двенадцать человек, в числе коих находился и С.П. Каблуков, ответственный за ревизию лаврской ризницы, библиотеки и древлехранилища.

В связи с возникновением летом 1917 г. угрозы Петрограду из-за немецкого наступления, в Синоде был поднят вопрос о возможности вывоза мощей св. князя из города. Тогда же еп. Серафим, ревизовавший Лавру, внес предложение о предварительном вскрытии раки и освидетельствовании мощей святого. Об этом и повествует С. Каблуков в публикуемых ниже записях.

Вторник 13 июня.

Ревизующий Лавру еп. Серафим Сердобольский в связи с возможностью вывоза мощей Алекс[андра] Невского поставил вопрос об освидетельствовании их и об открытии раки, находящейся в Троицком Соборе Лавры. Предварительный осмотр раки «на этот предмет» и проба ключа от раки, хранящегося в лаврской ризнице, были произведены вчера около 7 ч. вечера епископами Серафимом, Прокопием

Елисаветградским и мною в присутствии лаврско-го ризничего архим. Авраамия. Мы возились [?] в пустом, конечно, соборе около часа и довольно бесплодно. Ключ вертелся и щелкал в замочной скважине, ничего не открывая. Отвинтили одну полосу позолоченной бахромы на верхней части крышки, и одну серебряную пластинку там же. Ничего похожего на гроб это не обнаружило. Заглядывали и снизу, прилегши на пол, узнали только, что Елисаветинск¹

Акт освидетельствования мощей в 1917 г.

не имеет дна и что выступают из нее деревянные «ножки», не касающиеся пола. Получилось впечатление, что гроб закован в раку, а крышка пожалуй и припаяна, несомненно при том, что совершенно не ясно, как бы снять крышку и очевидно, что без опытного слесаря и многочасовой его работы дело открытия раки не обойдется.

В «Истории Лавры» С. Рункевича² я тщетно искал надлежащего описания раки и ее устройства. Сказано у него только, что «крышка раки приподнималась на блоках». Вообще история эта страдает многими недостатками. О наших поисках еп. Серафим сообщит синодальному члену Сергию архиеп. Финляндскому, тот доложит Синоду и от Синода зависит, пойдем ли мы до конца или ограничимся сделанным.

Среда 28 июня.

Вчера в 7 ч. в., во исполнение секретного словесно через архиеп. Финляндского Сергия объявленного определения Св. Синода было произведено вскрытие раки, в коей хранятся мощи св. кн. Александра Невского, и осмотр самых мощей. Это совершенно секретное дело Синод поручил трем епископам:

архиеп. Вениамину Петрогр[адскому], еп. Серафиму — ревизору Лавры и врем[енному] нам[естнику] еп. Прокопию. Они пригласили себе в помощь ризничего Лавры архим. Авраамия и, по его указанию, слесаря из мирян. Последний был, конечно, необходим. По совершении краткого молитвословия святому Ал[ександру] Н[евскому], в 7 ч. 15 м. приступлено было к открытию раки: сперва отвинтили позолоченную бахрому, обрамляющую живописное изображение князя, находящееся на крышке раки, затем отвинтили же серебряные пластины, окружающие эту крышку. По удалении бахромы и пластин обнаружилось, что крышка раки прикреплена к последней на двух шарнирах на левой от входа в собор стороне ее. Имеющийся с другой стороны замок с петель затем был легко открыт одним поворотом ключа, хранящегося в ризнице Лавры, и крышка с изображением и стеклом была приподнята и укреплена так, что образовала почти прямой двугран[ый] угол с горизонтальной плоскостью.

Боязнь повредить живописное изображение заставила отказаться от мысли снять стекло, которое удерживалось металлическим венцом в головах изображения. По поднятии крышки раки оказалось, что в раке заключается открытый кипарисовый гроб очень большого размера и большой глубины. За крышкой были сняты один за другим три покрова, из коих два верхних оказались довольно простыми шелковыми, третий же, нижний, облекавший самые мощи, оказался дорогим, с шитым изображением князя. По удалении этого последнего покрова, увидели человеческую фигуру — целую в монашеском одеянии схимника со странно выпяченной грудью. Казалось т[аким] о[бразом], что тело оказалось сохранным.

Удаление схимы и ближайший осмотр, подробно проведенный одним еп. Серафимом при явном смущении двух других преосвященных, обнаружил следующее: вся передняя часть головы и лоб оказались сделанными искусственно и вылепленными из воска,³ только небольшая верхняя часть — часть черепа подлинно серого цвета. Грудь и живот оказались тоже искусственными из ваты, зашитой в шелковые мешки. С прибавлением ваты оказались ноги и руки, т. к. подлинных костей было мало. «Чучело» князя, в которое т. о. были помещены подлинные мощи, именно часть черепа и части костей, рук и ног [и два ребра?]⁴ лежало на деревянной настилке, покрытой в несколько рядов тканями, так что ножки гроба оказались очень длинными (это — для удобства несения? — С. К.). На «чучеле» у боков оказался мешочек шелковый: с костями — мелкими

в бумажке, с ароматическими веществами в виде порошка в другой.⁵ На бумаге с этими мелкими ко-
стями есть надпись, указывающая, что мощи были
в церкви, подвергшейся пожару, при коем в этой
церкви сгорели все дерев[янные] образа.

Таков результат осмотра. Он длился около 2
часов, а работы по открытию крышки — около 1
ч., т[ак] что на самый осмотр ушло собственно не
более часа же. Во время работ по вскрытию раки и
осмотра, участники делали подробные записи, что-
бы иметь материал для составления акта осмотра.
Затем приступили к приведению раки в обычный
прежний вид. Эта работа не была окончена и в
1 ч. пополудни, когда ушел из собора пр[еосв.]
Серафим, со слов коего я и записываю все выше
изложенное. Т[аким] о[бразом] оказалось, что под-
линные части мощей: черепа и кост[ей] рук и ног
уместились бы в небольшой сравнительно ящик,
много меньший гроба и раки. Это важно в случае
эвакуации. О результатах осмотра еп. Серафим
сделал 28 июня словесный пока доклад архиеп.
Финляндскому, который все сообщит Синоду.
Дальнейшие намерения Синода по этому делу
сейчас, конечно, предвидеть трудно.

Я совершенно определенно считаю, что Синод
должен распорядиться о немедленном удалении
«чучелы» от подлинных мощей для уничтожения
ненужного и даже кощунственного обмана. Сделать
это можно так же секретно, как был сделан осмотр.
Впоследствии же, когда будет «время благоприят-
ное», можно и объявить об этом, выставив части
мощей для открытого поклонения.

Еще два вопроса: 1 — была ли вполне обеспе-
ченной тайна осмотра 27 июня? 2 — кому пришла
мысль сделать «чучелу» из ваты и кости?

Вскрытие раки св. блгв. кн. Александра Невского. 1923 г.

На первый вопрос ответ ясен:

а) При Свято-Троицком соборе Лавры живут
сторожа в помещении, пристроенном к собору; они
были удалены ризничим на время осмотра и лица,
производившие осмотр, прошли в собор через по-
мещение этих сторожей. б) Мирянин слесарь может
не сохранить тайны. в) Приход трех епископов в
собор во внебогослужебное время, когда он закрыт,
весьма показателен для любопытных. г) Во время
работы по открытию раки собор был по необхо-
димости освещен внутри настолько, что свет этот
был виден извне всякому, и преосв. Серафим видел
нескольких монахов, прильнувших к стеклу правых
дверей собора и наблюдавших происходившее там.

Т[ак] ч[то] в Лавре если не все, то весьма мно-
гие знали о предстоящем осмотре, а теперь знают,
что он состоялся. Узнают об этом, конечно, и лавр-
ские богомольцы из города. Факт осмотра тайным
след[овательно] не останется. Другое дело результат
осмотра. Он известен гораздо меньшему числу лиц.
Но за Авраамия ручаться трудно.

На второй вопрос, я думаю, что «чучелу» мощей
делали с ведома и разрешения Петра I, знавшего и
скрывавшего правду, хотя возможно, что поврежде-
ние мощей от пожара заставило других лиц при-
бегнуть к обману и Петр I также был обманут ими.

*Я забыл упомянуть, что в гробу, кроме мешка
с костями и ароматами, оказалась свинцовая на
[1 неразб.] печать «Св. прав. Синода» неизвестно
какого времени.*

Вот все, что я знаю об этом деле пока. Постара-
юсь, конечно, узнать и больше. И достать подлин-
ный акт осмотра.

Вывоз раки св. блгв. кн. Александра Невского
из Свято-Троицкого собора по приказу большевиков. 1923 г.

*Возвращение мощей
св. блгв. кн. Александра Невского. 1989 г.*

Пятница 30 июня.

Еп. Серафим докладывал преосв. Сергию о результатах осмотра мощей Ал[ександра] Н[евско-го] 27 июня. Синод, коему все пересказал архиеп. Сергей, постановил произвести переоблачение мощей, т. е. отделить подлинные мощи от инородных предметов, поручив это синодальным членам Сергию и Платону.

Среда 2 августа.

Забыто записать своевременно: 24 июля в 7 ч. вечера архиеп. Финляндским Сергием, архиеп. Петрогр[адским] Вениамином и нареченным во еп. Лужского архим. Артемием при участии Лаврского ризничего архим. Авраамия и двух мастеров слесарей из мирян было совершено в соборе Ал[ександра] Н[евской] Лавры «переоблачение» мощей св. Алекс[андра] Невского, т. е. все посторонние предметы (см. лл. 392–400 настоящего «Дневника») из раки были вынуты, а части мощей собраны вместе и оставлены в раке в кипарисовом ящике, сделанном на средства арх. Авраамия. В тот же кип[арисовый] ящ[ик] положили и ватные подушки: одну под мощи, другую сбоку у стенок, чтобы при переносе мощи не ударялись о стенки.⁶ Преосв. Сергей, руководивший переоблачением, оставил Собор около 11 ч. в[ечера]. Приведение раки в обычный вид было окончено часа два спустя после этого.

Оказывается, что устройство чучел из останков святых дело обычное в практике русского Синода. По крайней мере еще во время последней канонизации св. Иоанна Максимовича Тобольского, мощи

коего не вполне сохранились, архиеп. Тверской Серафим Чичагов в Синоде настаивал, чтобы и из этих мощей было сделано «чучело». Синод на это однако не согласился. Этот нелепый и кощунственный обычай дает право желать, чтобы теперь же совершенно секретно и повсеместно были произведены «переоблачения» и всех прочих мощей. Даже мощи св. Гермогена не постеснялись «дополнить», чтобы придать им вид полной человеческой фигуры.

В дополнение к записанному на лл. 392–400 этого «Дневника», запишу здесь, что в раке вместе с другими вещами найдена свинцовая печать св. Прав. Синода и что по словам Д. Вл. Знаменского в архиве бывшей Собств. Е. И. В. Канцелярии имеются документы, устанавливающие, что мощи Алекс[андра] Невск[ого] подвергались осмотру во второй половине XIX в.

Восковую голову растопил архим. Авраамий; оказалось, что к воску был примешан [1 неразб.] ладан, который отделился от жидкого воска в виде комка. Архим. Авраамий намерен использовать эти воск и ладан для «воскомастика», служащего для освящения престолов. Что искусственная голова именно восковая, обнаружил пр. Сергей, еп. Серафим ошибочно признал ее костяной.

Примечания

Публикуемый материал извлечен из двух тетрадей дневниковых записей С. П. Каблукова — № 45 и № 47, хранящихся в его архивном фонде (ГПБ, ф. 322, №№ 45, 47),

Из части пятой дневника за 1917 г. извлечены записи за: 13 июня (лл. 371–372), 28 июня (лл. 392–400), 30 июня (л. 402).

Из части шестой дневника за 1917 г. извлечена запись за 2 августа (лл. 454–454 об. — 455).

В записи самим автором были позже внесены уточнения, и в основном тексте мы публикуем окончательный вариант, приводя первоначальную запись в примечаниях.

1. Имеется в виду серебряная рака, сооруженная повелением императрицы Елизаветы Петровны.

Живописное изображение князя на крышке раки, о котором идет речь далее (см. запись от 28 июня), сохранилось и находится в фондах Музея истории религии в С.-Петербурге.

2. Рункевич С. «История Александра-Невской лавры», СПб, 1913.

3. Первоначально записано: «... выточенными из кости».

4. Слова: «... и два ребра...» — добавлены при внесении исправлений, в квадратных скобках и со знаком вопроса.

5. Первоначально записано: «На «чучеле» у боков оказались два мешочка шелковые: один с костями-мелкими в бумажке, другой с ароматическими веществами в виде порошка».

6. Первоначально записано: «Ватные же подушки, искусственная голова уложены в ящик, хранящийся пока в Лаврском соборе, а затем имеющий быть на хранении в Лаврской ризнице».

Публикация А.

ПОЧИТАНИЕ СВЯТОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ЗАПАДНОМ КРАЕ

Первоначально почитание св. блгв. кн. Александра Невского было уделом Владимиро-Суздальской, Средней Руси, хотя почитание его вследствие полководческого таланта и оказанной св. князем военной помощи Северо-западным землям России существовало и здесь. Первый храм св. Александра Невского на Руси (после общецерковной канонизации святого), упоминаемый в летописных свидетельствах, был воздвигнут Патриархом Филаретом около 1630 г. в Московском Кремле над Тайницкими воротами. Еще в период независимости Великого Новгорода упоминается часовня на месте, где произошла битва со шведами в устье Ижоры. Особым земным, а затем — небесным покровителем своим почитал св. князя Псков. Скромную часовню на торговой стороне, у Волховского моста поставил и гордый Господин Великий Новгород.

Однако лишь мощное пробуждение России в начале XVIII в., военные успехи в ее стремлении на Запад, к Балтике, позволили вспомнить о первом защитнике этих мест от нашествия с Запада. Утверждение Православия на приневских берегах пробудило память русского народа о св. Невском герое и его роли в тяжелую и смутную годину бедствий Руси, в защите Святой Православной веры в этих краях. Продолжительная Северная война со Швецией, опустошившая здешние прибалтийские земли, а также казну обоих государств, испытывавшая на прочность армию и народ, наконец, увенчалась долгожданным Ништадтским миром, подписанным 30 августа 1721 г. в западной (тогда шведской) Финляндии. В результате заключенного мира России

были возвращены приневские земли — древняя Ижорская земля, или Ингерманландия, где еще в начале войны был основан город-крепость Санкт-Петербург, с 1712 г. официально ставший столицей России. К России отошли также некогда отторгнутые Швецией западнокарельские земли, а также Эстляндия с Ревелем и Лифляндия с Ригой, — удобными торговыми и военными портами на Балтике.

В третью годовщину заключения долгожданного мира, закрепившего за Россией стратегически важные для нее земли, остававшиеся на протяжении нескольких веков предметом спора между Русью и

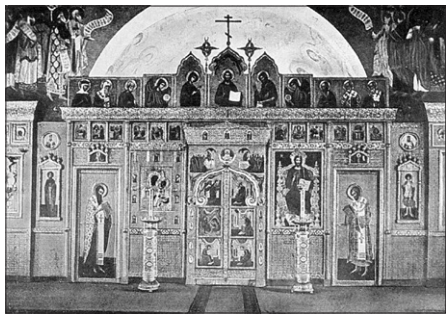
Западом, Император Петр Великий переносит в новую столицу на берега Невы из Владимира-на-Клязьме мощи св. блгв. вел. кн. Александра Невского и торжественно полагает их в выстроенный к тому времени (1717–1723 гг., арх. Д. Трезини) церкви св. блгв. кн. Александра Невского, чаще именуемой в народе и поныне по нижнему приделу — Благовещенской. День перенесения св. мощей блгв. кн. Александра Невского на берега Невы и положения их в основанном Императором Петром Александро-Невском мужском монастыре, призванным с этого времени стать духовным центром столицы, был внесен в святцы и со временем стал общецерковным праздником, особенно торжественно отмечавшимся в С.-Петербурге.

На протяжении всего XVIII века Александро-Невский храм обители (ставшей позднее Лаврой), где до 1790 г. в серебряной раке покоились мощи святого князя, почитавшегося небесным покровителем Северо-Запада России и ее новой столицы, Санкт-Петербурга, оставался единственным в городе, посвященным св. князю, если не считать недолго просуществовавшего (1770–1789) Александро-Невского храма в особняке князя Александра Михайловича Голицына (Невский, 30), освященного, очевидно, так по случаю тезоименитства владельца дома.

XIX и начало XX веков ознаменовались возведением в северной столице более сорока храмов, посвященных святому блгв. кн. Александру Невскому. Действительно, из более чем 450 православных храмов С.-Петербурга, существовавших в нашем городе к 1917 г. (без учета пригородов), самое большое чис-

*С.-Петербург. Часовня
св. блгв. кн. Александра Невского
на месте покушения на Императора II
у ограды Летнего сада*

*С.-Петербург.
Храм св. блгв. кн. Александра
Невского при Управлении
протопресвитера Армии и Флота.
Иконостас.*

ло было посвящено свт. Николаю Чудотворцу (60), а следом идет огромный список из 43 храмов, освященных в честь св. блгв. кн. Александра Невского.

В первую очередь св. блгв. кн. Александр Невский почитался народом как князь-воин, защитник родной земли и святой веры. Часто в его честь освящались храмы военных учебных заведений (например, II Кадетского корпуса (1804), Михайловской артиллерийской академии, Николаевского кадетского корпуса (1827)), полковые церкви квартировавших в столице полков (лейб-гвардии Павловского полка (1820), 145 Новочеркасского полка на Малой Охте (1896), при складах боеприпасов в Полюстрово (1890), при управлении протопресвитера армии и флота (1893), на военных участках вновь учрежденных кладбищ: Преображенского (1895), Успенского Северного (1897). О том, что св. Александр воспринимался и как мудрый государственный деятель своего времени свидетельствуют посвящения в его честь церковью важнейших государственных учреждений Российской Империи, размещавшихся в С.-Петербурге. Упомянем домовые храмы при Правительствующем Сенате (1832–1834) и Министерстве иностранных дел (1828). Многие госпитальные и больничные военные храмы также были освящены в честь св. кн. Александра Невского: при адмиралтейском госпитале Императора Петра Великого на Фонтанке (1838), открытом еще Державным

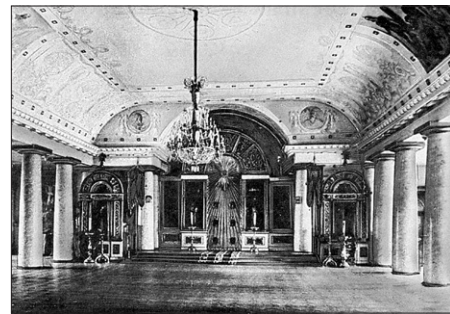
основателем Петербурга (1715) рядом с местом первой морской победы России 1 мая 1703 г. при устье реки Невы, при Кронштадтском военном госпитале, также основанном на острове Котлине Императором Петром. Многие больничные храмы, церкви медицинских, лечебных и благотворительных учреждений, церкви высших и средних учебных заведений в середине и второй половине XIX в. начинают посвящаться св. Александру Невскому.

На протяжении прошлого столетия Россией правили три императора, небесным покровителем которых был св. блгв. кн. Александр Невский. Годы царствования, 1801–1825 — Император Александр I, 1855–1881 — Император Александр II и 1881–1894 — Император Александр III, а также царствования их благодарных Августейших преемников были ознаменованы сооружением множества Александро-Невских храмов как в С.-Петербурге, так и по всей империи.

Назовем среди прочих храмы: в Смольном институте (1808), в институте инженеров путей сообщения (1829), в Александровской больнице (1866), Александровском институте наследника Цесаревича Александра Николаевича, будущего

*С.-Петербург. Церковь
св. блгв. кн. Александра Невского
145 Новочеркасского пехотного полка*

*С.-Петербург. Церковь
св. Александра Невского
при II Кадетском корпусе*

Императора Александра II (1867), малолетнем отделении Сиротского института (1869), Александровской общине сестер милосердия (1886), в «Крестах» (1890), при домах трудолюбия Петровского общества вспомоществования бедным в Петербурге (1890) и в память Императора Александра II в Кронштадте (1882), при I реальном училище (1891), училищном совете св. Синода (1898), гомеопатической больнице Императора Александра II, училищном доме Императора Александра II (1901) и благотворительном обществе в память 19 февраля 1861 г. (1904).

Освобождение крестьян и затем 50-летний юбилей этого события, а также мученическая кончина (1881) Царя-Освободителя, погибшего от рук террористов прямо в центре столицы, подвинули к сооружению многих храмов в память Императора Александра II, освященных в честь его небесного заступника.

Во имя св. блгв. кн. Александра Невского были освящены несколько мемориальных храмов и часовен в честь чудесного спасения Императора Александра II при покушении на него террориста Каракозова 4 апреля 1866 г. в Летнем саду: часовня в ограде сада, на месте покушения (сооружена в 1866–1867 гг., разрушена в 1930 г.), храм при Александро-Свирском подворье на Разъезжей (1866). Также в память убиенного Императора в честь св. Александра Невского был освящен храм во дворце светлейшей княгини Е.М. Юрьевской на Гагаринской ул. (действовал в 1882–1913 гг.), оплакивавшей безвременно погибшего Государя.

Еще целый ряд Александро-Невских храмов был освящен в столице и ее окрестностях, а также во многих городах и весях России в память чудесного спасения Царской Семьи при крушении поезда в Борках под Харьковом 17 октября 1888 г., и затем в память Императора Александра III, Царя-Миротворца, после его кончины в 1894 г.

Во второй половине XIX — начале XX вв. ряд скромных храмов в честь св. князя украсили Петербург. Сооруженные благотворителями с посвящением ему как святому тезоименитого тем, в память кого сооружались эти храмы — зачастую

С.-Петербург.
Храм свт. Николая Чудотворца и
св. Александра Невского
(Бар-градское подворье). Фото 1915 г.

уже не могущественных Государей, а людей более скромного достатка, они стали также выражением любви и почитания святого в народе.

Храм в доме графа Александра Дмитриевича Шереметева на Шпалерной, устроенный в 1887 г. для того, чтобы, как писал граф в прошении в Синод об открытии храма, «малолетние дети мои чаще присутствовали при богослужении приобщались Святых Таин, в надежде через это с детства воспитать их под благодетельным влиянием, какое дается Церковью», был небольшим, отделанным в русском стиле и, действительно, повлиял на молодое по-

С.-Петербург. Каменка. Храм
св. Александра Невского. Интерьер.

коление семьи. Сын его, блестящий офицер-кавалергард граф Георгий Александрович, будучи впоследствии в эмиграции, в Англии станет священником. Благочестивые родители его, возведя кроме названного храма еще один каменный храм-усыпальницу в своем загородном имении Ульянка на Петергофской дороге, с приделом св. блгв. кн. Александра Невского и равноап. Марии Магдалины, где предполагали быть захороненными после смерти, умерли в эмиграции, во Франции, и лежат на русском участке кладбища Сен-Женевьев-де-Буа.

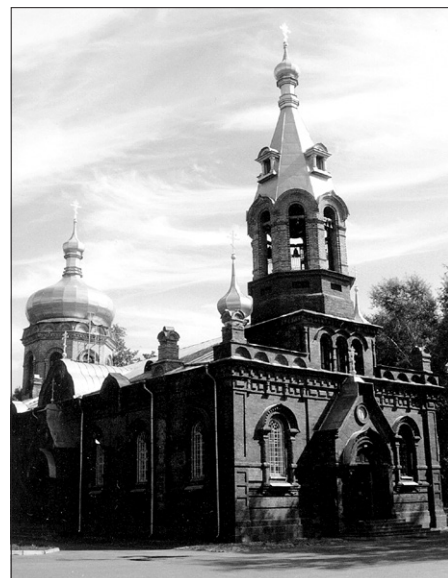
Память о безвременно скончавшемся в возрасте двух лет младенце Великом Князе Александре Владимировиче (19.08.1875–4.03.1877) подвигла его мать Вел. Кн. Марию Павловну выстроить Александро-Невский храм при охтинском механико-техническом училище в память Вел. Кн. Александра Владимировича (1879, закрыт в 1919, позже снесен). Храмы в честь св. Александра Невского сооружены были также при Невской писчебумажной фабрике братьями Александром и Павлом

Храм св. блгв. Александра Невского
в с. Новоселье Гдовского у.
Петербургской губ. Фото 1950-х гг.

Варгуниными (1868, закрыт в 1923) и на Шуваловском (Спасо-Парголово) кладбище (1886) титулярным советником А. Петровым (закрывался в 1930 г., с 1967 г. и поныне действует).

Открывшийся уже в нынешнем веке, юбилейный Суворовский Александро-Невский храм при Академии Генерального Штаба на Суворовском пр., перенесенный из имени полководца в С.-Петербург и освященный вновь в 1900 г., а также ряд Александро-Невских храмов: при Александро-Невском детском приюте (позднее именовался в память князя Олега Константиновича)

Псков. Храм св. Александра Невского
б. 96 пехотного Омского полка

(1903), храм при Государственном банке (1905) напоминали, как св. блгв. князь любим народом, и все новые и новые храмы столицы открываются и освящаются в его честь как воина, полководца, подвижника, святого-молитвенника и заступника за свой народ.

Кроме собственно Петербурга, св. блгв. князь почитался как в Петербургской и соседних губерниях, так и во всем западном крае. В пределах Санкт-Петербургской епархии в честь св. блгв. кн. Александра Невского были освящены более трех десятков храмов, при этом 9 из 34, существовавших на 1917 г., располагались в западной ее части, и лишь пять — в восточной.

*Гельсингфорс (Финляндия).
Храм св. Александра Невского
в Свеаборгской крепости. Обращен
в лютеранскую кирху. Фото 1910-х гг.*

Старейшим из них был храм в Усть-Ижоре (1712, каменный с 1799), выстроенный на месте Невской битвы в XVIII в. Также были освящены храмы в с. Матокса Шлиссельбургского уезда (1752) и с. Александровка близ Тайц (1794).

Большинство Александро-Невских храмов были возведены в середине — второй половине XIX в., причем 9 из них находились в Царскосельском уезде, 7 — в Петербургском, 5 — в Петергофском, 3 — в Гдовском и по одному в ряде других уездов губернии. Следет отметить, что целых четыре храма св. Александра Невского действовали в Кронштадте (в Доме Трудолюбия (1886), в Морском госпитале (1826) и при 199 пехотном Кронштадтском (1911) и 200 пехотном Кроншлотском полках (1911). Столько же действовали в Стрельне (при Константиновском дворце (1861), Михайловском дворце (1905–1910), Стрельнинском братстве для ближнего (1892) и пулеметном полке (1917).

Знаменит храм петергофской Александрии (капелла), бывший домовою церковью Царской Семьи

*Юрьев (Тарту).
Церковь
св. блгв. кн. Александра Невского*

и выстроенный в редком и не характерном для православных храмов готическом стиле (арх. А. Шенкель, 1838 г.), также посвящен св. блгв. кн. Александру Невскому и связан с грозным знаменем Императору Александру II и Великому Князю Николаю Александровичу — будущему Императору Николаю II, случившемся здесь в 1870-х годах.

Два воинских Александро-Невских храма (при госпитале, 1890, ныне действующий, и в лагере 1 пехотной дивизии (конец XIX в.) были возведены также в «летней воинской столице» Императорской Русской

*Ревель (Таллин). Кафедральный
Александро-Невский собор.
Фото 1900-х гг.*

армии — Красном Селе.

Среди иных следует назвать храмы при Сиротском институте в Гатчине (1826), в Лисьем Носу (1855), Сиверской (1855), Подобедовке (ст. Поповка) (1909), Волосово (1905), а также в селах Криуши (1888), Новоселье (1895), Рудно (1902) на западной границе губернии.

Перед самой русской катастрофой (1916) был заложен последний храм дореволюционного Петербурга, освященный митрополитом Вениамином уже в 1921 г. Это был храм в с. Каменка на Пулковском шоссе (возле нынешней платформы «Аэропорт»), освященный в честь

*Варшава. Кафедральный собор
св. блгв. кн. Александра Невского.
Разрушен в 1920-х гг. Фото 1900-х гг.*

св. блгв. кн. Александра Невского и прп. Марии Египетской (закрит в 1930-е гг., не сохранился).

Кроме того, полковые храмы в честь св. Александра Невского были возведены и действовали также в Старой Руссе (86-го пехотного Вильманstrandского полка, 1831), Новгороде (85 пехотного Выборгского полка, 1884) и во Пскове (96 пехотного Омского полка, 1908).

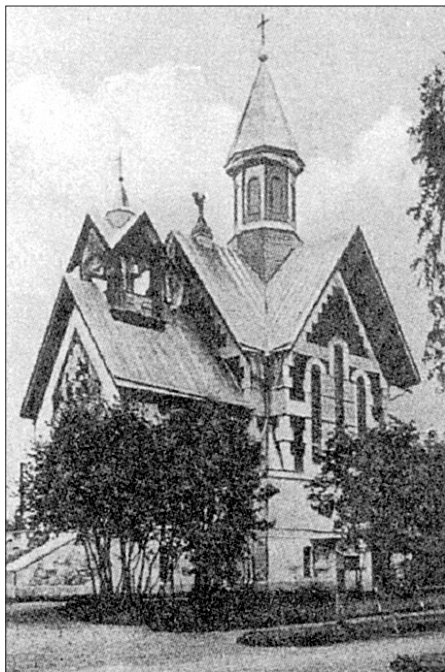
На Карельском перешейке сохранился и ныне действует храм св. Александра Невского при Императорской санатории «Халила» (ныне «Сосновый Бор»). Выстроенный первоначально в дереве (1893, арх. Е.Л. Лебурде), после пожара возведен в камне (1907, арх. Ю.Ф. Бруни, А.К. Шульман). В 1925–1939 гг. был обращен в лютеранскую кирху, вновь действует с начала 1990-х гг.

В его честь возводятся многие храмы в западных землях России, в Прибалтийском, Привислинском крае, Финляндии, в Западной Европе.

Зачастую это военные храмы и храмы-памятники, величественные кафедральные соборы или просто скромные городские и сельские церкви. Имя св. князя Александра олицетворяло собой присутствие в

*Двинск (Даугавпилс). Собор
св. Александра Невского. Разрушен
в 1960-х гг.*

Церковь св. блгв. кн. Александра Невского при б. императорской санатории «Халила» (Сосновый Бор) на Карельском перешейке. Фото 1930-х гг., когда храм был обращен в лютеранскую кирху

крае Императорской Русской армии и флота (Крепостной собор в Свеаборге (Финляндия, арх. К.А. Тон, 1850–1854 гг.), бывшем частью военно-морской крепости Императора Петра Великого русского Балтийского флота).

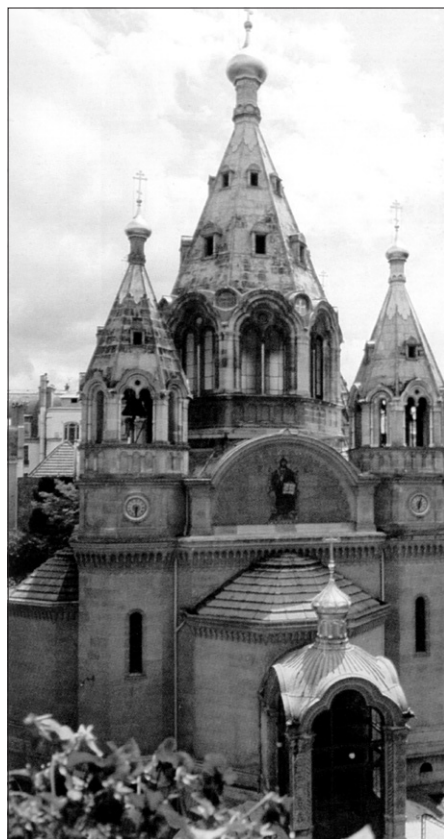
Величественный Александро-Невский собор (арх. Л. Бенуа) был возведен в 1892 г. в центре Варшавы, рядом с Саксонским парком, в освящении его принимал участие св. прав. Иоанн Кронштадтский, предсказавший разрушение храма, которое последовало в 1920-е гг. Когда смущенный Император Александр III узнал о словах пророка и высказал сомнение в необходимости постройки собора, св. прав. о. Иоанн не колеблясь подтвердил необходимость сооружения Варшавского Александро-Невского храма и благословил обязательно возвести собор, завершив стройку.

Кафедральный собор в Ревеле (Таллине), выстроенный на Вышгороде (Домберге) и доминирующий над всем городом, храм в Юрьеве

(Тарту), выстроенный в 1910-х гг., собор в Двинске (Даугавпилсе) (1864, разрушен в начале 1960-х гг.), скромный храм-ротонда в самом центре Риги, на главной магистрали города, многочисленные полковые и приходские храмы, посвященные св. Александру Невскому, символизировали мощь Православия и русское присутствие в Прибалтийском крае.

За пределами России величественные Александро-Невские храмы возвышались в Париже на рю Дарю (1859–1861, арх. Р. Кузьмин, И. Штром), Копенгагене (1881–1883, арх. Д. Гримм), Мангейме, Каннах, По. Действующие и поныне, они олицетворяют духовную мощь и величие Православной Императорской России.

Александро-Невский храм действует в Филлахе (Австрия). Основанный первоначально в лагере в годы II мировой войны русскими беженцами, этот скромный небогатый и не столь искусно украшенный

Париж. Собор св. блгв. кн. Александра Невского

Храм св. блгв. кн. Александра Невского в Копенгагене

храм, тем не менее освящен в честь небесного покровителя русского воинства. Это не случайно. Поблизости от него – могилы русских воинов-казаков, выданных Сталину союзниками в 1945 г., посещаемые и почитаемые русским рассеянием. С недавних пор о трагедии в Лиепце стало известно и многим в России.

Храм св. Александра Невского у Судных врат в Иерусалиме напоминает о присутствии России в Святой Земле в начале века и огромной работе Миссии и Палестинского общества по поддержанию здесь христианских святынь.

Действуют ныне храмы в честь св. блгв. кн. Александра Невского, сооруженные русскими людьми, в рассеянии сущими, и далеко на Западе, например, на Атлантическом побережье Соединенных Штатов Америки, в Нью-Йорке, Ричмонде (Мэн) и Лейквуде (Нью-Джерси) и ряде других мест, лежащих далеко-далеко от границ России, которые защищал св. блгв. кн. Александр Невский. И даже вдали от России, как и 750 лет назад, молясь на небесах за верных, св. князь утверждает святую Православную веру.

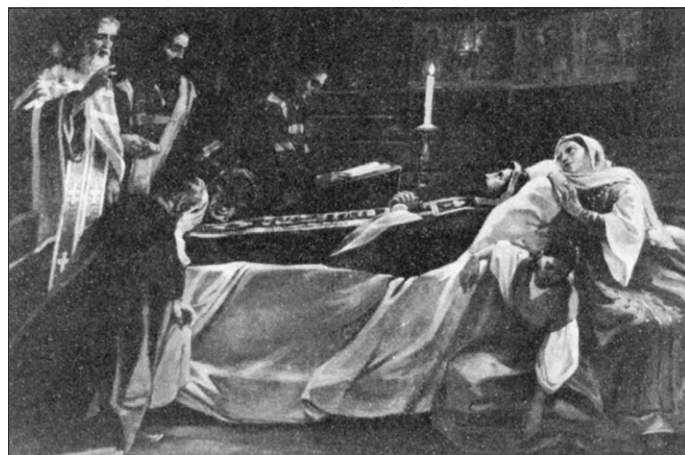

ЧУДЕСА СВЯТОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

«Не оставил и после преставления блаженный Александр своей паствы, день и ночь о ней бдящий как живой, заступая ее от врагов видимых и невидимых. Отсели начинается ряд его посмертных подвигов, столь же светлых, как и во дни временной жизни, — говорит о чудесах св. Александра благочестивый описатель его жития, — «То достойно внимания, что сей благоверный поборник земли русской, всю жизнь подвизавшийся для ее спасения, действовал в том же духе и за пределами гроба, проявляя небесный покров свой в самые тяжкие годы испытания» (Жизнь святых Русской Церкви. Ноябрь. 274).

Прошло около ста лет после блаженной кончины Александра, и его надежды на лучшее будущее своего отечества блистательно оправдались: идя по пути, указанному великим предком, московские князья, при помощи самих татар, успешно действовали в смысле собирания и объединения сил русской земли. Вместе с тем, по мере возвышения Москвы, Орда ослабела вследствие неурядиц, грозные признаки которых обозначились уже во времена Александровы: в Орде сразу являлось по несколько ханов, споривших за престол и свергавших один другого. Сыновья убивали отцов, братья — братьев соперников, и ханы беспрестанно сменялись: во второй половине XIV столетия было десятилетие, в которое единилось 15 ханов... Казалось, наставала для Руси великая пора освобождения от ига, когда наши князья должны были перестать ездить в Орду, возить дань и получать ярлыки. Праправнук св. Александра великий князь Дмитрий Иоаннович стал собирать ополчение, и скоро вся Русь пришла в движение, ратники отовсюду стекались к Москве. Все ожило, встрепенулось, как будто проснувшись от долгого сна... Святые отшельники и в числе их преподобный Сергей возносили теплые молитвы к Богу и благословляли князя и воинство на великий подвиг освобождения. Как живой, воскресал в это время в памяти народной образ великого заступника земли русской — св. Александра Невского. О, если бы он, как некогда против шведов, восстал теперь и явился в числе полков русских!! Во Владимире, в обители Рождества Пресвятой Богородицы, в тиши ночного уединения, близ гроба Александрова, с 7 на 8 сентября 1380 года благочестивый отшельник повергается с пламенной молитвою к Богу и просит заступничества св. благоверного князя в тяжелой борьбе с притеснителями отечества. Молитва его услышана; внезапно возжигаются сами собой свечи

у гробницы св. князя... Из алтаря появляются два старца, озаренные небесным сиянием, и тихо приближаются к гробнице. Инок явственно слышит, как среди ночной тишины раздается голос старцев: «Восстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Димитрию, одолеваему сущу от иноплеменик!» И как живой пред изумленными взорами инок восстал из гроба Александр... Затем все трое стали невидимы... «Подобало светлому витязю, столько пострадавшему в Орде, явиться на поле ратном в тот день, когда спасенный его смирением народ впервые подымал оружие против неверных». Дивное видение происходило как раз в ту достопамятную ночь, когда Дмитрий Иоаннович готовился на утро в бой с полчищами Мамай, собиравшегося разрушить храмы на Руси и искоренить христианство. Смиранный инок хотел было умолчать о видении, но, узнав точно о времени битвы и ее благополучном исходе, побоялся утаить о столь явном знамении небесного покровительства и обо всем рассказал митрополиту. Святитель с освященным собором немедленно отправился во Владимир. С молитвою приступили к могиле Александра и раскопали ее. Тело блаженного князя после 117 лет, истекших со времени его погребения, оказалось нетленным. С чувством глубокого умиления и благоговения пред судьбами Всевышнего, прославляющего угодников, митрополит положил тело святого в раке поверх земли. Последовавшие затем знамения прославили угодника: близ святых его мощей слепые получали зрение и ноги хромых укреплялись, расслабленным возвращались силы...

Св. блгв. кн. Александр Невский (в схиме Алексий)
на смертном одре

Прошло еще сто лет. Монгольское иго ослабло и, наконец, отпало, как отжившая скорлупа. Сама Орда развалилась на части, а судьбами объединенной Руси распоряжался могущественный самодержец великий князь Иоанн III Васильевич. Последним годом тяготившего более двух столетий ига признается 1480 год. Более, чем когда-либо, надлежало вспомнить и всенародно прославить того, кто некогда поддержал жизнь умиравшего государства и обеспечил его будущую независимость. Не местное только, — все-российское почитание приличествовало тому, кто больше всех потрудился «за землю русскую... и за все великое княжение живот свой отдавая»... В 1491 году, во Владимире, мая 23, в понедельник, над храмом, где почивали св. мощи, «бысть ужасно видение, и страшно явление, и грозно знамение гнева Божия, им же наказуя нас Бог и от грех на покаяние приводя... Над каменною церковию Рождества Пречистыя Богородица славныя обители честнаго архимандритства, прямо чудесных мощей блаженного великаго князя Александра Ярославича Невского, во иночех же Алексия, от самого верха церкви тоя видевша необычно видение, яко облак легки протяжася или яко дым тонок извиваяся, белостию же иней чист, светлостию же яко солнцу подобообразно блещася, идеже тогда в тонкости и светлости облака того видевша подобие образа блаженного великаго князя Александра на кони». Святый князь явно для всех как бы удалялся на небо... «Людие же видевше сие великим страхом и ужасом одержими бяху и начата по всему граду звонити». В полдень произошел страшный пожар, испепеливший весь город с посадами. Народ, не находя нигде спасения, устремился к храму Рождества Пресвятой Богородицы. Но и самый храм не уцелел: пламя охватило его и, проникши внутрь храма, истребило все... «Чудотворныя же мощи святаго и праведнаго великаго князя Александра Ярославича, на них же аще и бысть видети ничто огненаго знамения, но обаче Богом тако сохранени быша, яко и пелена, иже бяше во гробе его, обретесе неврежена». Дивное и страшное событие во Владимире должно было обратить на себя внимание всей русской земли, тем более, что при гробе св. князя продолжали совершаться разнообразные исцеления, привлекавшие многочисленных поклонников. Наконец, воля Божия о всенародном прославлении угодника открылась с ясностью, не допускавшею более никаких колебаний. Прошло еще полвека после страшного владимирского пожара, и вот в 1451 году в пяток после вечерни (с такою точностью обозначено время события!) сама собою возгорелась свеча у гроба св. князя, как бы в ознаменование того, что светильник не следует более оставлять под спудом, по слову Писания, но надлежит поставить на свещнике, да светит всему миру. Екклесиарх, видевший чудо, в простоте души погасил свечу, но рассказал немедленно о знамении архимандриту Евфросину. Архимандрит поспешил во храм и нашел свечу еще теплою. Столь явные знамения воли Бо-

Посещение Свято-Троицкой Александро-Невской лавры свт. исповедником Патриархом Тихоном. 1918 г.

жией не прошли бесследно: митрополит Макарий на соборе 1547 года предложил установить празднование св. блаженному князю Александру Невскому по всей России. Собор принял и подтвердил предложение.

Царствование Грозного царя составляет знаменательную эпоху в истории вековой борьбы русского народа с азиатскими варварами: отсели начинается уже покорение варваров под власть России, — начинается великая миссия русского народа: внести в мир варварства, невежества и застоя не месть за прошлые обиды, не разорение, но блага христианской цивилизации и гражданского благоустройства. Пред оружием христианского государя первыми пали царства казанское и астраханское. Отправляясь в поход против Казани, Иоанн IV на пути остановился во Владимире и у гроба св. Александра Невского испрашивал небесной помощи против татар. Угодник Божий, как бы в знамение предстоявшего славного успеха, исцелил руку одного из спутников царя, Аркадия, который впоследствии написал и житие св. князя. Передадим об этом событии словами самого исцеленного. «Случися быти ту

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. Крестный ход в день праздника св. блгв. кн. Александра Невского. 1999 г.

*Усть-Ижора. Крестный ход с мощами
св. блгв. кн. Александра Невского
в день его памяти. 1990 г.*

у целбоносного гроба блаженного и великого князя Александра и мне грешнейшему и виде близ помосту церковного на гробе блаженного малу скважню, и яко уразумети хотя, что есть скважня она, и вложих персты руки моея в скважню ту, и очютих яко в масть ни кую омочих руку мою, на ней же бяше струп никак мал от многа времени; и абие исторгнув от скважни руку мою, и чюяшеся на ней яко маслом маститом иди яко миром благовонным помазати, и струп на ней не обретеся от дни того и доныне». Благодарный за столь явное знамение благоволения св. угодника, Иоанн вознамерился собрать сведения о чудесах св. Александра Невского, при ревностном содействии митрополита Макария.

Между тем русскому народу и после освобождения от монгольского ига суждено было перенести еще много испытаний. По мере того как росло и крепло московское государство извне, нравы народа, вместе с упадком просвещения, грубели и портились. Плачевными чертами изображают современные памятники состояние народной нравственности в XVI столетии. Самоволие, надменность и алчность сильных, притеснения бедных и сирот, коварство, лживость, себялюбие, жестокость, чувственность, «беспримерное беззаконие и неправда, каких не слыхать и у неверных», крайнее невежество и суеверия — вот в каких чертах изображается нравственное состояние русского общества XVI столетия. Кара Божия не замедлила: несчастная ливонская война, опустошительные набеги крымского хана, прекращение царского рода, ужасы смутной эпохи... Нашествие крымского хана Девлет-Гирея в 1571 году было особенно губительно: страшный пожар опу-

стошил всю Москву, при чем погибло несколько сот тысяч народа. Хан возвращался домой с огромной добычей и множеством пленных. Не довольствуясь нашествием, Девлет-Гирей требовал обратно «своих юртов Астрахани и Казани». На следующий год татары готовились к новому нашествию «Хочу венца и головы твоей!» писал хан Иоанну...

Смиренный инок Антоний, долгие годы подвизавшийся во Владимире в обители Рождества Пресвятой Богородицы, проводил бессонные ночи в молитве за отечество у гроба св. Александра Невского, прося заступника отечества оказать свою помощь царю против варваров. И вот — видит он — к вратам обители быстро приближаются двое светозарных юношей на конях. То были свв. Борис и Глеб. Став у гроба Александра, небесные посетители воскликнули: «Восстани, брат наш, благоверный великий князь Александр, да ускорим на помощь нашему сроднику царю Иоанну, ибо ныне предстоит ему брань с иноплемennыми» Александр поднялся из гроба, и все трое удалились из храма. «Пойдем в соборную церковь Пресвятой Богородицы, к сродникам нашим, великим князьям Андрею, Всеволоду, Георгию и Ярославу, да возбудим и их с нами на помощь», — сказали св. заступники земли Русской, и быстро направились стопой, устремляясь за ними и Антоний. Прежде других восстал из гроба Всеволод Великий, за ним — другие князья. Недолго продолжалось видение: семь заступников земли русской, на конях, поднявшись на воздух, понеслись по направлению к Ростову и скрылись из вида, упоминная царевича Петра и вселяя бодрость в душу инок своими речами... Спустя немного времени, Антоний услышал радостную весть, что хан, поднявшийся со всей своей ордой, потерпел страшное поражение на берегах Лопасни и с позором бежал из пределов России.

Св. Александр Невский, при жизни своей проявлявший горячую любовь к людям, и по смерти явился не только небесным заступником своего отечества

*Свято-Троицкая Александро-Невская лавра.
Первый крестный ход в день праздника св. Александра
Невского с мощами святого после их возвращения
Церкви в 1989 г.*

в трудных обстоятельствах, но не оставлял своей небесной помощью и тех, кто с верою и теплой молитвой прибегал к нему, «невидимо Христовы люди носящая и исцеления подавая богато», и воистину «вели чудотворец явился Российския земли».

Прежде других сделалось известным исцеление двух слепых женщин, получивших прозрение, после того как они, с верою и сокрушенным сердцем раскаявшись во грехах, просили предстательства св. князя пред Богом.

Несчастный с иссохшей ногой, потеряв всякую надежду на человеческую помощь, по молитве к угоднику, у самой раки его, внезапно на глазах многих свидетелей получил исцеление и бодро встал на обе ноги.

Некто, по имени Леонтий, расслабленный руками и ногами, был окроплен св. водою от нетленных мощей св. князя и при молитве священника о нем получил исцеление.

Инок обители Рождества Пресвятой Богородицы, по фамилии Красовдов, подвергся вследствие своего недостойного поведения небесной каре: долгие годы он лежал расслабленным, пока, наконец, с сердечной верой не воззвал к св. угоднику, и молитва его была скоро услышана: он получил исцеление.

Другой инок той же обители, по имени Давид, избавился по молитве к св. князю от постигшего его лютого недуга.

Боярский сын Истома Головин, тяжело заболев, уже отчаялся в жизни и ждал скорой смерти, но, будучи принесен к раке св. Александра, по вере его, внезапно выздоровел.

Из Пскова, где особенно жива была память о подвигах св. Александра Невского, привезен был во Владимир к мощам угодника боярский сын Симеон Забелин и по молитве получил исцеление.

В 1572 году владимирский гражданин, по имени Феодор, подвергшись ужасным припадкам, у врат Рождественской обители избавился от приражений духа злобы.

Из владимирского посада принесена была расслабленная и положена на ступенях близ св. мощей. Горяча была ее молитва к св. князю, который, явившись ей, взял ее за руку и воздвигнул от одра болезни.

Слепец из города Владимира, Давид Иосифов, однажды в день воскресный, во время чтения Евангелия, вдруг увидел свет и, взволнованный до глубины души блеснувшей надеждой на исцеление, с теплой верой прибег к небесной помощи. Окропленный св. водою близ раки св. князя, он совершенно прозрел.

У владимирского дворянина Максима Никитина был сын отрок Иоанн, немой и расслабленный. Родители с верою принесли его в Рождественскую обитель и положили у гроба св. князя: отрок получил исцеление.

В монастырской деревне Угрюмовой, Владимирского уезда, крестьянин Афанасий Никитин у себя дома подвергся припадкам сумасшествия, так что перестал узнавать родных и не принимал ни пищи,

*Богомольцы в Свято-Троицком соборе
Александрово-Невской лавры*

ни питья. Внезапно он начал просить, чтобы его отвели в обитель к мощам св. князя. На пути к его гробу он внезапно почувствовал себя здоровым и в сердечном умилении рассказал всем, что св. князь, сам явившись к нему, указал искать исцеления у его гроба. Это было 10 марта 1706 года.

Но возможно ли исчислить всех благодеяний Божиих, которые непрестанно и днесь и во веки изливаются на всех, притекающих с верою ко святым угодникам, по их небесному предстательству? Будем молить Господа о том, чтобы не оскудевала вера наша, святые же предстатели наши пред Богом, по выражению церковной песни, по своей любви к нам, «к непрестанным мольбам тихо созывают, не хитростями человеческими, ни обвязанием, но действием Св. Духа, душевное и телесное исцеление паче естества подавая».

Будем внимательны к этому тихому зову, не давая житейской суете заглушать его в душе нашей!

*Из книги М. Хитрова «Святый благоверный князь
Александр Невский. Подробное жизнеописание».
Москва, 1893 г.*

Обращение.

Желающих засвидетельствовать о современных чудесах св. князя и исцелениях от его мощей, просьба обращаться в редакцию либо к намстнику Александрово-Невского лавры архимандриту Назарию.

ИКОНОГРАФИЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

Герой Невского и Ледового сражений, выдающийся полководец и дипломат Древней Руси, князь Новгородский, Переяславский, великий князь Владимирский Александр Ярославич, как известно, умер 14 ноября 1263 г. в Городце-на-Волге и был похоронен во Владимире, в Рождественском монастыре, 23 ноября 1263 г. При погребении тела произошло знаменитое чудо с духовной грамотой,¹ после чего князь был признан местным святым. До 1381 г. святому князю Александру не было установлено местного церковного празднования и, стало быть, не было также и его икон.

Согласно легенде, записанной во Владимире от священнослужителей Димитровского храма, первое открытие и освидетельствование мощей святого князя состоялось после Куликовской битвы в 1381 г., при митрополите Киприане, который повелел с тех пор называть Александра Невского «блаженным».² Тогда же было учинено ему монастырское церковное празднование, написаны канон и первые иконы.³ Ранний владимирский иконографический тип этой иконы восстанавливается по клеймам № 14–15, 17–31 московской иконы из храма Василия Блаженного «Святой Александр Невский с деянием».⁴ Здесь находим повторяющееся изображение надгробной поясной иконы с надписью «Преподобный князь Александръ». В литературном источнике этого памятника — редакции «Жития Александра Невского Ионы Думина» (1591) — ничего о надгробной иконе не говорилось. Очевидно, изограф XVII в. воспроизвел ее такой, какой она и была над гробом Невского героя во Владимире. На московской иконе последняя является как бы частью большого, неподвижного и повторяющегося фона к сценам

Св. блгв. кн. Александр Невский.
XIX в. Икона Пошехонского письма

чудес у гроба святого. Она здесь представлена в разных положениях: размещается то справа, то слева, то посередине от гробницы на фоне белой стены придела Рождественского храма; ей сопутствует изображение подсвечника на высокой ножке с горящей свечой. Само поясное изображение князя Александра дано в манере старого преподобнического художественного решения: из-под монашеской мантии виднеется на груди то большая, то меньшая часть куколя с крестом, а иногда — белый испод; икона приближается то к квадратной форме, то к прямоугольнику, вытянутому в высоту. Очевидно, московский изограф не стремился с

точностью скопировать надгробную икону Рождественского храма. Однако она для него была столь же значимым символом, как и белостенный храм Рождества Богородицы и как сама гробница святого князя Александра. Московский изограф здесь, несомненно, следовал раннему византийско-русскому иконографическому трафарету, приписывавшему ему именно так, в условной манере, передавать «небесиподобный» характер преподобнического подвига.

Тот же иконографический тип повторился много раз, например на фреске 1508 г. работы изографа инока Феодосия на северо-западном столпе Благовещенского собора Московского Кремля, где новгородский князь представлен в монашеской одежде схимника Алексия, стоящим рядом со знаменитым «отцом церкви» византийским богословом святым Иоанном Дамаскиным.⁵ Тот же иконографический тип мы видим на иконах конца XVI в. из Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и из Государственного Русского музея,⁷ а также на четырех шитых надгробных пеленах начала XVII в. (в музеях Владимира, Троице-Сергиевой лавры и С.-Петербурга);⁸ то же самое — на иконе «Святой Александр Невский с деянием»⁹ и на многих других.¹⁰ В «Сводном иконописном подлиннике» так описывается иконографический облик героя Невской и Ледовой битв: «... брада аки Козмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист».¹¹ Последняя черта часто присуща его иконным изображениям допетровского времени: Александр Невский представлен здесь сильным, плечистым мнихом-схимником, как это и подобает

*Св. блгв. кн. Александр Невский.
Икона работы М. Струве.
(Париж. Александро-Невский собор)*

бывшему князю-полководцу: «Взор его паче инех человек и глас его акы труба в народе, лице же его акы лице Иосифа. .. Сила же бе его часть от силы Самсона». ¹² По поводу изображения святого князя Александра на пелене, хранящейся в музее Троице-Сергиевой лавры, Н. А. Маясова замечает: «Вся его монументальная фигура, сильные руки, красивое лицо с энергичным рисунком бровей дышат спокойной уверенностью, заснувшей силой». ¹³

Исследователи справедливо полагают, что данный иконографический тип не был единственным. Так, в Новгородском иконописном подлиннике XVI в. записано следующее: «Преподобный Александр Невский акы Георгии: риза — киноварь, испод — лазорь». ¹⁴ А. И. Рогов полагает, что такой новгородской иконы, на которой бы Александр Невский был изображен в княжеской одежде, с червлёным княжеским плащом-корзно, не сохранилось. ¹⁵ Однако в Европе в среде русской эмиграции обращались две подобные иконы. Одна из них находилась в Праге и датировалась XVI в. На ней князь Александр был изображен в полный рост вместе со святыми мучениками Борисом и Глебом. ¹⁶ Другую древнюю икону якобы видел в 1930-е годы на одной из выставок иконописец К. А. Павлов (Рижская Гребенщицковская старообрядческая община). Как он сообщил нам в 1966 г., на иконе было поясное изображение Невского героя, в руках его — копье и червлёный щит,

княжеский плащ тоже червлёный; голова — без княжеской шапки, увенчана нимбом, русая борода — лопатой; пальцы сложены, как для крестного знамения; в середине иконы был помещен русский крест, а по краям иконы шел витой тератологический орнамент, который был распространен на Руси в XIV–XV вв.; на иконе имелась надпись: «Святой великий князь Олександръ». По словам К. А. Павлова, эта икона происходила из Псковской губернии, откуда попала в Ригу, а затем протоиерей Рушанов увез ее в Америку.

На московской иконе середины XVI в. «Воинствующая церковь» юный князь Александр изображен среди русских воинов, в броне и голубом шлеме, на вздыбившемся вороном коне. ¹⁷ В княжеской одежде и нередко с мечом в руках святой князь Александр изображен на фреске одного из столпов Архангельского собора Московского Кремля, исполненной в 1652–1666 гг. Симоном Ушаковым и его дружиной, ¹⁸ и на фреске Вологодского Софийского собора работы ярославского мастера Д. Г. Плеханова. ¹⁹ Та же светская традиция изображения Александра Невского сохранена во многих миниатюрах Московского Лицевого свода XVI в.: в Лаптевском, Голицынском и Остермановском томах, ²⁰ в Титулярнике 1672 г., ²¹ а также в клеймах иконы

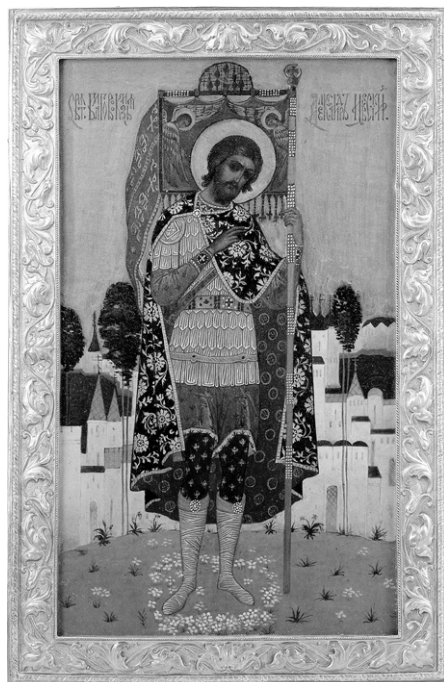

*Изображение древней поясной
надгробной иконы св. Александра
Невского. С клейма иконы
«Св. Александр Невский с деянием»*

XVII в. «Святой Александр Невский с деянием».

Петровская эпоха принесла значительные перемены в объеме и характере почитания святого благоверного князя Александра Невского: отныне он стал общенациональным святым, покровителем Санкт-Петербурга и Российской империи. Его святые мощи были перенесены из Владимира в Петербург в 1723–1724 гг. 15 июня 1724 г. Святейший Синод постановил: отныне Александра Невского «в монашеской персоне никому отнюдь не писать», а только «во одеждах великокняжеских». ²² С тех пор в русском иконописании распространился и стал господствующим новый иконографический тип святого Александра Невского: в княжеской одежде или в горностаевой мантии, в броне, с лентой своего ордена через плечо, в царской короне или в шапке из горностаевого меха с крестом, с нимбом над головой, верхом на коне и с мечом в левой руке, нередко на фоне Невы, Петропавловской крепости, палат Петербурга и плана Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря. ²³

21 мая 1725 г. Екатерина I учредила орден Святого Александра Невского; на ленте укреплен крест, а на нем в середине — изображение святого князя в красной мантии и в синем кафтане, на белом коне. Это была дань новой иконографической традиции, соединявшей старую

*Икона св. блгв. Александра Невского.
Начало XX в.*

Св. блгв. кн.
Александр
Невский, прп. Тит
Чудотворец и
св. мч. Поликарп.
1879 г.
Образ,
поднесенный
Императору
Александру II
в память спасения
его при покушении
на него террориста
А.К. Соловьева
2 апреля 1879 г.
Икона
из Большого
собора
во имя Спаса
Нерукотворного
в Зимнем дворце

светскую новгородско-московскую традицию с новой, рыцарской и европейской. Известны многие большие иконы XIX–XX вв. этого же типа с клеймами, например в Казанском соборе и в Государственном Русском музее (Б-512/1У, размер 1,57 м х 96 см; 12 клейм). Однако, несмотря ни на что, старая владимирская монашеская традиция продолжала еще существовать и у православных, и у старообрядцев. В Государственном Русском музее, в Государственном Эрмитаже, в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном музее истории религии (Казанский собор) и в других музеях страны сохранилось немало преподобнических икон святого Александра Невского различных видов: коленопреклоненный и стоящий, согнувшийся и молящийся Богородице, вместе с другими избранными святыми или отдельно. Любопытна, например, житийная икона начала XIX в., может быть из села Мстеры, в центре которой помещено поясное изображение князя Александра, с нимбом, в преподобнической

одежде, со свитком в руках; вокруг средника 16 клейм, изображающих сцены из его жизни; основные цвета: красный, зеленый, коричневый, фон — золотой, поля — коричневые, опушка — тройная.²⁴ Другая житийная икона, тоже начала XIX в., размером 31,6 х 26,5 см, сохраняется в Государственном музее истории религии под шифром А/1494 = N. Это «Образ преподобного Александра Невского яко во иноцех Алексия». Икона была найдена К. Ф. Воронцовым в старообрядческом молельном доме в Гатчине. Она изображает святого князя Александра в монашеской одежде; с левой стороны — четыре сцены. 1) Шведский король во главе своего войска отправляется на Русскую землю. Сбоку на поле надпись: «Собравшиеся жительствовавший народи варяги, что ныне своей именуются. А сам король со многими воины своими умысли на пределы Росийския, хотя их пленути»; 2) Видение Пелгусием святых князей Бориса и Глеба. Сбоку на поле надпись: «И еже тогда при святом Александре един от воевод, именем Филипп,

идуше же ему близ моря по берегу, восходящу солнцу, и видя плывуща корабль, и в нем Седящу два мужа, имена Борис и Глеб, един ко единому рече: „Ускорим, брате, вскоре и поможем сроднику нашему“»; 3) Невское сражение, русские воины поражают шведов. Сбоку на поле надпись: «И по сем помощи Бориса и Глеба благоверный князь Александр преславную получи победу, и землю иже свою и великий град свободи от сопротивных, и сопротивных прогна»; 4) Князь Александр на коне поражает шведского короля. Сбоку на поле надпись: «Святой Александр, егда сразишася с сопротивными, тогда избиша сопротивных множество велие. И святой Александр сам язви в лице короля их».

Прямой источник надписей было Житие Александра Невского в редакции XVIII в.

На этом мы заканчиваем обзор иконографии святого Александра Невского.

Примечания

¹ «Святой сам и акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита» (Житие Александра Невского//Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 180).

² Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты// ПДПИ. СПб., 1913. Т. 180. С. 27. Ср.: ркп. ГИМ, Синодальное собр., № 637, 1459 г., Житие митрополита Петра, л. 165.

³ Бегунов Ю.К. Древнее изображение Александра Невского// В5. 1981. Т. 42. N 1. С. 39–42, 3 ил.

⁴ Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 311–326.

⁵ Рогов А. И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.; Л., 1966. С. 48 и сл.

⁶ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века... После с. 48, рис. 5.

⁷ ГРМ, инв. № 459.

⁸ Стасов В.В. Шитая пелена с изображением святого Александра Невского 1613 г. // ИАО. 1863. № 4. С. 74–76; Морозов Ф.М. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. СПб., 1910. С. 13; Маясова Н. А. Два произведения художественного

Св. блгв. кн. Александр Невский.
Икона письма Троице-Сергиевой
лавры. 1930-е гг.
(С.-Петербург.
Князь-Владимирский собор)

шиться XVII в. // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958. № 2. С. 39–42.

⁹ Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в станковой живописи ... Подобная житийная икона святого Александра Невского новгородского письма XVII в. некогда существовала на стенах Новгородского Софийского собора и экспонировалась на выставке в Новгороде, посвященной XV Археологическому съезду (см.: Каталог церковного отдела выставки XV Археологического съезда. Новгород, 1911; Покровский Н.В. Новгородская Софийская ризница. М.; СПб., 1913. С. 21).

¹⁰ Подробнее см.: Шляпкин И.А. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915;

Рогов А.И. Александр Невский... С. 50–58.

¹¹ Сводный иконописный подлинник XVIII века // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее: 1874–1876. М., 1876. С. 67. По подлиннику XVII в., сохранившемуся в бумагах И. П. Сахарова, «Александр Невский— средовек, рус, плечист телом, становит и добротой исполнен, власы кудреваты и кудерцы видеть».

¹² Житие Александра Невского // Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века... С. 160–161.

¹³ Маясова Н.А. Два произведения... С. 41.

¹⁴ Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века с вариантом из списков Забелина и Филимонова. М., 1873. С. 46. В рукописи XVII в. Г.Д. Филимонова под 26 ноября записано следующее: «Великомученик Георгий во бронех, риза—кеноварь, доспех — пернаст, вохра с белилы, рукав исподь— лазарь, в правой руке— копье, в левой— меч в ножне, ногавки— багор».

¹⁵ Рогов А.И. Александр Невский... С. 54.

¹⁶ Сборник статей, посвященных Дню русской культуры. Прага, [1933 или 1936?]. Книга нами лично не просмотрена, поэтому библиографические сведения даются условные. В другом сборнике русского зарубежья опубликована икона с поясным изображением святого князя Александра в схиме (см.: Русский сборник, посвященный Дню русской культуры. Прага, 1927).

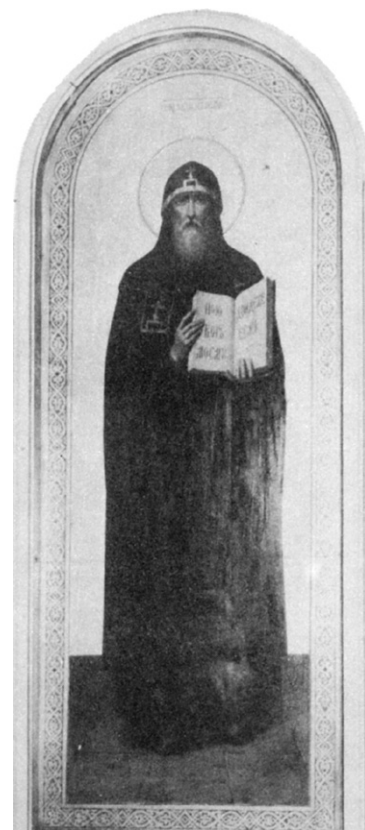
¹⁷ ГТГ, № 521. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. Т. 2: XVI—начало XVIII века. М., 1963. Рис. 38.

¹⁸ Зонов О.В. Художественные сокровища Московского Кремля. М., 1964. С. 58.

¹⁹ Рогов А.И. Александр Невский... С. 54.

²⁰ Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

²¹ Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 года. СПб., 1903.

Св. блгв. вел. кн. Александр
Невский — в схиме Алексей. Из
собрания икон С.-Петербургской
Духовной академии и семинарии

²² Полное собрание постановлений по Ведомству Православного исповедания. Т. 4, № 1318.

²³ Таков, например, образ святого Александра, воспроизведенный в кн.: Русское искусство: Сборник статей, составленный Т.К. Лукомским и изданный Е.А. Гутновым. Берлин, 1923. См. также издание иконы из собрания И.А. Шляпкина у С.Г. Рункевича (Рункевич С.Г. Александр-Невская лавра. СПб., 1913. С. 268, 356, 358), у Ф. М. Морозова (Морозов Ф. М. Древлехранилище Свято-Троицкой Александр-Невской лавры: 1712–1910. СПб., 1910. С. 13–17, 70, 73—краткая опись).

²⁴ ГРМ, № 5–219. Издание иконы см.: Лихачев Н.П. Материалы для истории русского иконописания: Атлас снимков. СПб., 1906. Ч. 2. № 667.

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ СВЯТО-ТРОИЦКАЯ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

Живописно расположенная в конце Невского проспекта лавра была центром духовной жизни Петербурга, средоточием благочестия и благотворительности, резиденцией митрополита. Здесь покоились святые мощи блгв. кн. Александра Невского, покровителя города и края, перед серебряной ракой которого преклоняли колени в благоговейной молитве многие поколения православных русских людей.

Из четырех лавр, существовавших в России, столичная была самой молодой, ибо только в 1797 получила этот титул, хотя сам монастырь возник по замыслу Петра Великого вскоре после основания города. Царь в 1710 году самолично осмотрел место будущей обители на левом берегу Невы, при впадении в нее Черной речки, где, по преданию, Александр Невский одержал победу над шведами, и водрузил на нем крест. Через два года была заложена первая деревянная церковь и появились такие же кельи, вскоре замененные мазанковыми.

В 1715 началось возведение из кирпича всего комплекса по широкомасштабному проекту, разработанному Д. Трезини. К году смерти Петра был выстроен северо-восточный двухэтажный (Духовский) корпус и с западной стороны разбит монастырский сад. В 1725–1727 Т. Швертфегер начал постройку симметричного юго-восточного (Феодоровского) корпуса. Спустя пятнадцать лет работы продолжил П.А. Трезини, завершив их вчерне к 1751 году. Затем в 1756–1765 по проекту М.Д. Расторгуева возводится южная, в 1760–1773 — северная линия с угловыми башнями (Семинарский и Просфорный корпуса).

С 1714 при лавре действовала богадельня, в 1720 открылась типография, а год спустя — «Славянская школа», ставшая основой всех духовных учебных заведений в столице. Устав новой обители составил архиепископ Феофан (Прокопович).

30 августа 1724 в лавру лично Петром I были торжественно перенесены святые мощи блгв. кн. Александра Невского, прибывшие по воде из Владимира. Этот день был внесен в церковный календарь и с 1743 отмечался крестным ходом к лавре по Невскому проспекту, в котором первое время участвовали Государи. Позже этот праздник стал общегородским.

Перед революцией монастырь считался довольно богатым: его капитал исчислялся в 3 млн руб., большая часть которого тратилась на благотворительные цели. Священноархимандритом был правящий архиерей, наместником — один из викарных епископов. Число братии колебалось от 130 до 150 человек, половина из них были послушниками.

Из 11 имевшихся в лавре храмов часть стояла на кладбищах, где были погребены многие выдающиеся люди, умершие в столице.

Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, будущий священномученик, следует из собора в Митрополичий корпус. 1913 г.

Собор Святой Живоначальной Троицы

В центре всего ансамбля высится монастырский собор. Его место было определено уже на первоначальном проекте Трезини, хотя автором первого здания был не он, а архитектор Т. Швертфегер. В 1719 началось строительство, а 17.06.1722 состоялась закладка однокупольного храма, вчерне готового к 1730 году. Затем из-за трещин в сводах работы пришлось остановить. В 1744 почти законченную постройку велено было разобрать до «подошвы», что и было исполнено в 1753–1755 под смотрением И. Росси.

Состоявшийся в 1763 конкурс на проект нового собора, в котором участвовали видные зодчие, не дал положительного результата. Только в 1774 был одобрен выдержанный в классицистическом стиле проект И.Е. Старова, и через два года начались работы по его реализации. 30.08.1778 митрополит Гавриил произвел торжественную закладку храма в присутствии Императрицы Екатерины II. В 1782 была готова первая двухъярусная башня-колокольня; вскоре на ней появились куранты. На другой башне висел 800-пудовый колокол (1658), старейший в столице, который был привезен из Иверского монастыря на Валдае.

Через четыре года трехпридельный, увенчанный большим куполом собор был вчерне завершен, и началось его украшение.

Л. Пинкетти выполнил из разноцветного мрамора иконостас, для которого П. Ажи сделал бронзовые детали, а акад. И.А. Акимов и Я. Меттенлейтер написали образа (в царских вратах). Меттенлейтер был также автором изображений четырех евангелистов в парусах. Ф.Д. Данилов исполнил роспись интерьера (в 1806 А. делла Джакомо заменил ее другой, используя эскизы Д. Кваренги). Лепка была поручена Ф. Ламони и Фонтана, двадцать барельефов и статуи святых — известному ваятелю Ф. И. Шубину. Горним образом служила картина Р. Менгса «Благовещение». Над царским местом висел портрет Екатерины II кисти Д.Г. Левицкого.

Вместе с кавалерами ордена св. Александра Невского Императрица 30.08.1790, в день престольного праздника, присутствовала на освящении собора митрополитом Гавриилом, когда из монастырской Благовещенской церкви были при пушечной пальбе перенесены мощи благоверного князя. К этому дню Екатерина подарила собору образ «Моление о чаше», отчеканенный из золота в Италии, дорогую утварь и фламандские шпалеры, а в 1794 из Эрмитажа по ее воле было передано несколько ценных картин Ван Дейка, Бассано, Гверчино, Строцци и др., а также полотна на сюжеты из жизни святого покровителя города. В западном приделе был помещен мраморный барельеф митрополита Гавриила (скульп. Ф.И. Шубин), при котором собор строился.

В 1791 была переделана ближайшая к собору часть Феодоровского корпуса, где оборудовали зал для кавалеров ордена св. Александра Невского; через шесть лет над входом в храм укрепили барельефное изображение этого ордена. В праздник своего покровителя кавалеры собирались у его величественной гробницы, изготовленной по эскизу Г.Х. Грота из колыванского серебра в 1750–1753 на Монетном дворе в Петропавловской крепости (ныне хранится в Эрмитаже). Раку святого украшала большая икона кисти И.Г. Адольского. У гробницы стоял литой из серебра аналой с киотом, где лежали иконы и ковчежцы с частицами мощей. Он был подарен собору в 1806

Свято-Троицкий собор
Александров-Невской лавры. Иконостас

Императором Александром I. Слева от раки находился образ Владимирской Божией Матери, принадлежавший, по преданию, самому князю, справа — Нерукотворный Спас с частицей ризы Господней.

В 1862 из Таврического дворца в собор поступила малахитовая сень для плащаницы, а через пятнадцать лет в дополнение к ней была сделана массивная гробница из серебра. В 1904 серебряными рельефами обложен главный престол. Собор после постройки не раз подвергался ремонту, но его внутренний вид при этом не менялся.

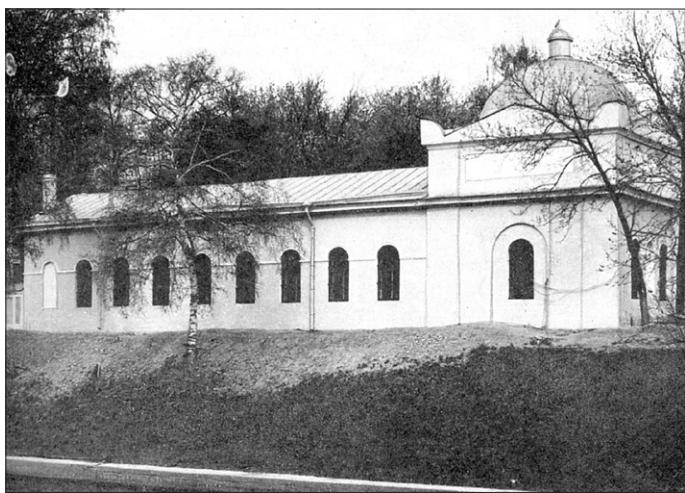
Только в 1862 П.С. Титов заново расписал его по эскизам акад. Ф.Г. Солнцева.

В храме часто происходили хиротонии епископов и торжественные богослужения с участием зарубежных архиереев и в присутствии именитых гостей. С начала XX века в соборе установился поныне соблюдаемый обычай ежегодно 25 октября, в день кончины П.И. Чайковского, исполнять его литургию. Обычно это делал прекрасный митрополичий хор из 80 человек под руководством И.Я. Тернова.

После революции ограбленный при изъятии церковных ценностей собор на несколько лет перешел к обновленцам (1923–1926). В 1919 на монастырском дворе перед папертью собора начались захоронения участников обороны Петрограда и старых большевиков, образовавшие т. н. «коммунистическую площадку».

16.08.1933 Леноблисполком принял решение о закрытии собора и передаче его Политпросвету под Дом занимательной науки. Последняя служба состоялась 7 декабря того же года. Через 20 лет собор возвратили верующим, и после двухлетнего ремонта 12.09.1957 он был освящен митрополитом Епифанием.

В 1957–1960 и 1986–1988 в соборе происходили крупные реставрационные работы, а 3.04.1989 с крестным ходом в храм были торжественно возвращены мощи св. Александра Невского, находившиеся с 1922 в фондах Музея истории религии и атеизма.

Церковь Праведного Лазаря на Лазаревском кладбище

На месте Лазаревского храма находилась самая старая церковь в лавре, начатая из дерева в 1712 и освященная как Благовещенская 25.03.1713. Она занимала место трапезной нынешней каменной церкви. Иконостас для нее был взят из Петропавловской церкви в крепости. С даты освящения этого храма начинается история обители. Тогда же рядом возникло первое при ней кладбище.

В 1717 близ деревянной Благовещенской была построена небольшая каменная церковь («палатка») прав. Лазаря, над могилой царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I (позже ее останки перенесли в Благовещенскую церковь). В 1787 каменный храм был расширен за счет ризницы и трапезной, возведенной на месте разобранной деревянной постройки.

В последующие два года граф Н.П. Шереметев дал средства на новый иконостас и пристройку притвора, после чего церковь приобрела современные размеры.

18.08.1790 состоялось освящение обновленного здания.

С петровских времен Лазаревская церковь служила семейной усыпальницей Шереметевых (здесь погребен фельдмаршал Б.П. Шереметев), хотя есть в храме и другие аристократические захоронения (всего около 50).

В 1835–1836 по заказу гр. Д.Н. Шереметева

Церковь прав. Лазаря. Интерьер. Фото 1900-х гг.

арх. Л.Я. Тиблен капитально перестроил Лазаревскую церковь, а через десять лет старый иконостас был заменен небольшим одноярусным с образами Я. Ф. Яненко.

Осенью 1923 закрытая церковь вместе со всем Лазаревским кладбищем передана обществу «Старый Петербург», а в 1932 был учрежден «Музей-некрополь (позднее — Музей городской скульптуры)». При этом был разобран иконостас, закрашены росписи, исчезли иконы.

В 1930-х гг. в Лазаревскую церковь перенесли ряд надгробий из разгромленных Феодоровской и Духовной церквей лавры.

На Лазаревском кладбище насчитывается более тысячи захоронений, среди которых — представители родовитых русских фамилий, выдающиеся исторические деятели. Здесь множество уникальных в художественном отношении памятников, несколько десятков из них перенесено с других кладбищ города.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и св. блгв. князя Александра Невского

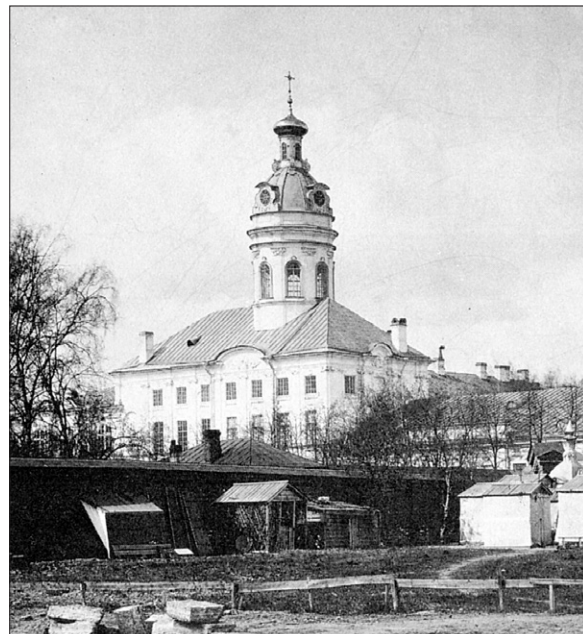
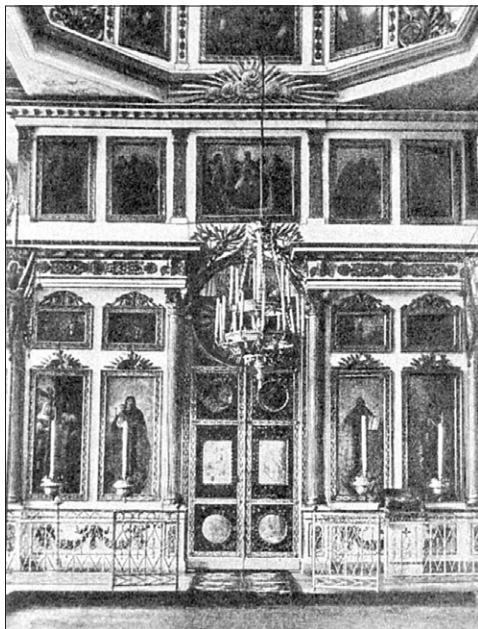
Перейдя реку Монастырку, входящий в лавру видит слева от себя высокую башню выстроенной в 1717–1723 в северо-восточном углу двухэтажной церкви. Верхняя Александро-Невская церковь была освящена в третью годовщину Ништадтского мира — 10.08.1724 — в присутствии Петра I, который сам внес в нее мощи блгв. кн. Александра Невского. Здесь в серебряной раке они покоились до 1790, после чего были перенесены в Троицкий собор.

Лепные работы в верхнем храме выполнили Иван и Игнатий Росси, роспись — И.Н. Никитин и И.Я. Вишняков, образа написал Г. Гзель. Императрица Екатерина Алексеевна подарила церкви медное паникадило.

Под церковью св. Александра Невского находится нижняя Благовещенская, освященная 25.03.1725 архиепископом Феодосием. Образа в ней написали И.Г. Адольский, И.Н. Никитин и Д.Н. Соловьев. Массивные композитные колонны поддерживали плоское перекрытие с плафоном «Свет Божий» кисти Адольского и М.Л. Негубова. Освещался интерьер пудовым паникадиллом из серебра, подаренным кн. А.Д. Меншиковым.

Под церковью расположена усыпальница, где среди прочих погребены малолетние дочери Императора

Александр-
Невская
церковь.
Интерьер.
Фото 1900-х гг.

Церковь Благоверного князя Феодора Ярославича и Святителя Николая Чудотворца

Александра I, канцлер А.А. Безбородко, дипломат Н.И. Панин, полководец А.В. Суворов, президент Академии художеств И.И. Бецкой, генерал-фельдмаршал А.Г. Разумовский, обер-камергер И.И. Шувалов (всего около 30 захоронений).

В 1764–1765 к церкви, очевидно, по проекту И. Росси (или М.Д. Растрругева) была сделана лестничная пристройка. Одновременно с ремонтом церкви в 1820–1821 над проездом со стороны Монастырки были сооружены каменные ворота с красивыми металлическими створками.

В 1838 началась переделка обоих храмов: в нижнем «алебастровый» иконостас был заменен деревянным, и некоторые образа при этом переписаны; в верхнем иконостас тоже заменили, и А. Григорьев выполнил новую роспись. После обновления оба храма были поочередно 21.12.1838 и 29.08.1841 снова освящены.

В 1860-е М.Н. Трошинский заново расписал нижнюю церковь, а в северо-западном углу был устроен небольшой семейный склеп Якунчиковых. В 1871 под лестничной пристройкой по проекту арх. П.Д. Соханского соорудили мраморную семейную усыпальницу Бобринских, а в 1897 сделаны мраморный престол и жертвенник на деньги, пожертвованные потомственной почетной гражданкой О.Ф. Мыльниковой.

В Благовещенской церкви хранились интересные перламутровые святцы, вырезанные известным резчиком Н. С. Верещагиным и подаренные им Петру I.

В конце февраля 1933 (решение Леноблисполкома от 15.02.1933) церковь была закрыта; при этом нижнюю церковь передали «Музею-некрополю», а верхнюю в 1935 разделили межэтажными перекрытиями. Не помогло и письмо А.М. Горького секретарю обкома А.А. Жданову с призывом побережь старые могилы.

С 1948–1949, после капитального ремонта, оба этажа здания заняты экспозицией Музея городской скульптуры. В 1988 начата комплексная реставрация Благовещенской церкви — старейшей из сохранившихся каменных церквей Петербурга.

К югу от собора стоит двухэтажный Феодоровский корпус, который в 1725 начал строить Т. Швертфегер, в 1742 продолжил П. А. Трезини, а после его отъезда завершил И. Росси. Юго-восточный угол корпуса завершает заложённая 9.08.1785 двухэтажная церковь, симметричная Благовещенской.

К 1766 отделка верхнего и нижнего храмов закончилась, и в них поставили иконостасы, причем для верхнего он был взят из походной церкви русской армии в Кенигсберге. Дополнительно три образа написал А.П. Антропов, автор икон в нижнем храме.

Освящение церквей задержалось до 1770, когда верхняя была наречена во имя блгв. кн. Феодора Ярославича, брата св. Александра Невского, нижняя — во имя свт. Иоанна Златоуста.

В 1840 оба храма подверглись переделке. Иконостасы были заменены, и в них поместили образа работы Д. Антонелли, написанные частично в 1821 для Свято-Духовской церкви, и кисти Веригина. В верхнем этаже была сделана новая роспись и повешена картина «Снятие с

Интерьер верхней церкви
свт. Николая Чудотворца. Фото 1900-х гг.

Придельная церковь прп. Исидора Пелусиота

креста» Бассано, происходящая из домового церкви гр. Г.Г. Орлова.

После переделки храмы были 17.09.1842 переосвящены: верхний — во имя свт. Николая Чудотворца, нижний — блгв. кн. Феодора.

В 1755–1761 по проекту М.Д. Расторгуева к церкви пристроили лестницу, а в 1867 иконостас и царские врата Феодоровского храма вновь были переделаны. С 1806 до начала XX века в нижнем храме производились захоронения. Именно здесь погребены многие грузинские и имеретинские царицы, умершие в Петербурге.

В 1889 с алтарной стороны по проекту Г. И. Карпова начата постройка усыпальницы митрополита Исидора, освященной 6.10.1891 как придельная церковь прп. Исидора Пелусиота с двухъярусным иконостасом. За четверть века существования в ней было проведено свыше 150 захоронений.

С октября 1930 церковь не действовала, но окончательно она была закрыта постановлением Президиума Ленсовета от 2.11.1931, а Исидоровская — тремя месяцами позднее. Сейчас здание занято производственным объединением «Прометей».

Митрополичий корпус Александро-Невской лавры

Церковь Св. Михаила Архангела в Митрополичьих покоех

Архиерейский (или митрополичий) дом — выдающийся памятник гражданской архитектуры XVIII века. Он был воздвигнут на западной стороне монастыря в 1756–1758 по проекту М.Д. Расторгуева и имел вид двухэтажного здания, соединенного одноэтажными крыльями с угловыми башнями.

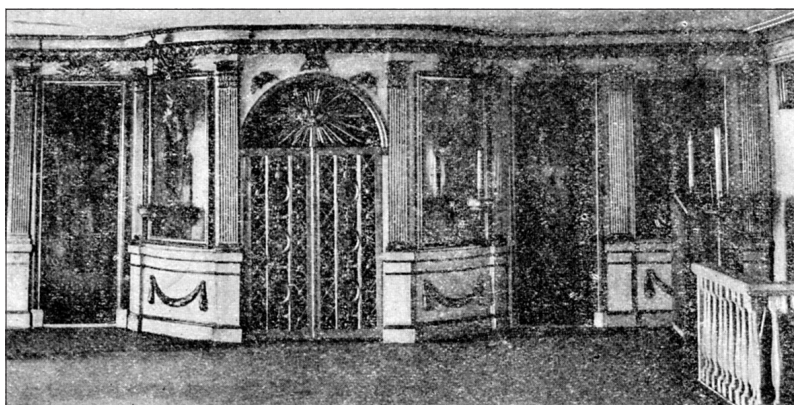
По окончании постройки сюда была перенесена существовавшая еще с 1743 митрополичья церковь, и в 1767 архиепископ Гавриил освятил ее в своих покоех, в юго-восточной части, во имя Всех святых.

После надстройки дома церковь была перемещена и 3.02.1819 снова освящена митрополитом Михаилом уже в честь Архангела Михаила. В 1851 небольшой храм расширен притвором.

Закрыта церковь, очевидно, в начале 1920-х годов, сейчас в здании размещается объединение «Прометей».

*Интерьер церкви прп. Исидора Пелусиота.
Фото 1900-х гг.*

*Церковь Архистратига Михаила в митрополичьих покоех.
Фото 1913 г.*

Церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» (надвратная)

Первая обращенная к Неве колокольня «на столбах» появилась в монастыре в 1739 году. Позже, в 1753–1754, «над воротами к Невской перспективе» была возведена другая, тоже из дерева, на которую перенесли колокола и часы из разобранной старой.

В 1783 по проекту И.Е. Старова на площади началась постройка каменных святых ворот, оформленных дорическими пилястрами и увенчанных низким куполом. В них, на втором этаже, 15.07.1786 была освящена приходская церковь, иконы для которой были, по преданию, взяты из домового храма кн. Г.А. Потемкина.

В 1806 стены церкви были расписаны, а в 1860 она отреставрирована под смотрением М.А. Щурупова.

Указом Синода от 12.01.1904 в этой церкви был открыт латышский приход, во главе которого стал о. Адам Симо. Первая в Петербурге латышская вечерня прозвучала в конце 1892 в Покровском храме на Боровой улице, а с 1894 службы для православных латышей шли в Мало-Коломенской церкви.

Церковь закрыта в октябре 1931 (решение Ленгорисполкома от 2.10.1931). Долгое время в ней размещалась дирекция Музея городской скульптуры, однако 30.04.1993 городские власти приняли решение о возвращении этой церкви епархии.

Вид надвратной церкви со стороны кладбищ и реки Монастырки

Церковь Сошествия Святого Духа

Духовский корпус, связывающий собор с Благовещенской церковью, был построен по проекту Д. Трезини в чисто барочном стиле. 6.06.1820 в нем была заложена церковь, автором которой является лаврский архитектор В.П. Петров. Чтобы разместить храм, он пристроил с востока к корпусу алтарь, а с запада — паперть. Освящение нового храма 18.05.1822 произвел митрополит Серафим.

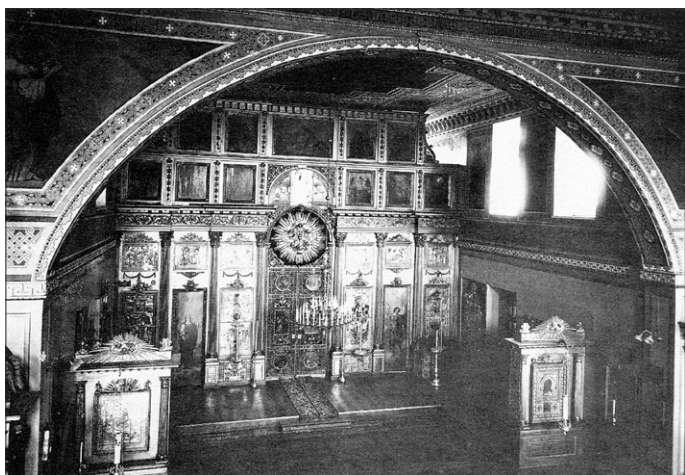
Высокий, до потолка, ампирный иконостас вырезали мастера Ж.Б. Нашон и К. Шейбс, образа написал акад. Д. Антонелли, заалтарное «Преображение» — А.В. Шевелкин, изображения евангелистов — М.Х. Набоков, лепные работы выполнил М. Зорин.

По окончании строительства Духовского храма на его хорах 18.06.1822 был освящен небольшой придел прп. Сергия Радонежского, иконостас для которого происходил из домового церкви генеральши П.Н. Фредро (по другим сведениям, образа написал М.Х. Набоков). Местную икону подарил гр. С.П. Потемкин.

В 1867 церковь отреставрирована и украшена росписью Р.Ф. Виноградова.

Придельный храм прп. Сергия Радонежского в Духовском корпусе. Фото 1913 г.

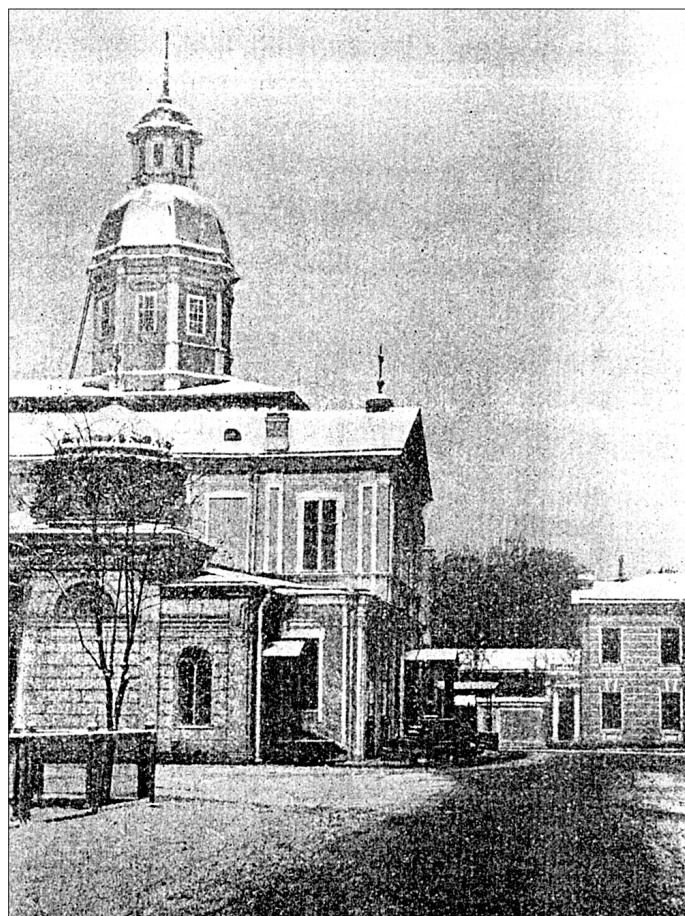
Церковь Сошествия Святого Духа. Интерьер. 1913 г.

В 1894–1895 справа от алтаря, над склепом семьи Галуновых, был пристроен небольшой придел прмц. Евдокии, освященный 12.03.1895 митрополитом Палладием.

Еще до освящения, в 1820–1821, в церкви произвели несколько погребений, в том числе ее основателя, митрополита Михаила (Десницкого). Усыпальница использовалась для захоронений вплоть до начала XX в. Всего в ней было 172 захоронения, в том числе нескольких столичных митрополитов, а также кн. Е.И. Кутузовой-Смоленской, вдовы полководца, гр. М.А. Милорадовича, кн. Е.И. Голицыной («Ночная княгиня»), гр. Н.К. Загряжской («Пиковая дама»), кн. Г.С. Волконского.

У левого клироса Духовской церкви находилась икона с частицей мощей вмч. Пантелеймона.

Эта церковь была закрыта в лавре последней, в середине января 1936 (решение Леноблисполкома от 27.11.1935), и сразу началось разрушение интерьера и осквернение могил. До своего закрытия, особенно в 1920-е годы, храм играл большую роль в православной жизни города.

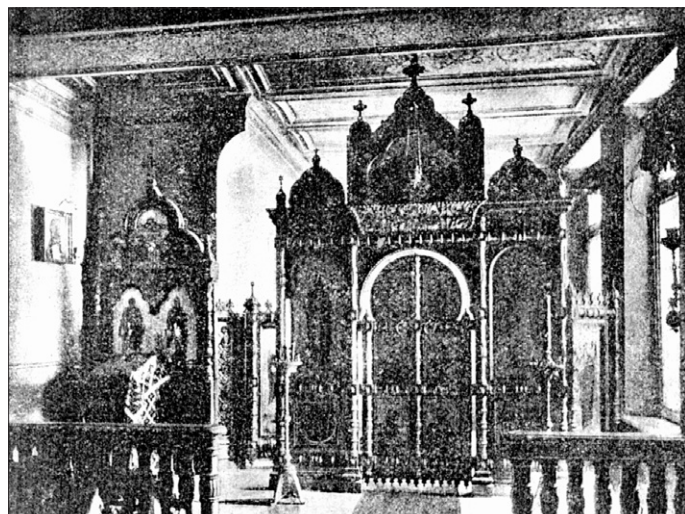
*Церковь прмц. Евдокии.
Над ней располагался алтарь Свято-Духовской церкви*

В 1949 Духовский корпус возвращен епархии, а в следующем году в покоях митрополита была освящена его домовая церковь св. Александра Невского, закрытая в 1961, когда корпус был снова отнят властями.

Сейчас в помещении храма — станция переливания крови.

*Духовской корпус Александро-Невской лавры.
Современный вид*

*Церковь прмц. Евдокии (придел Духовской церкви).
Интерьер. Фото 1913 г.*

Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Крестовая)

Эта небольшая двухсветная церковь с хорами заложена 16.06.1861 в южной части митрополичьего дома, на третьем этаже. В это время А.М. Горностаев вел в доме надстройку боковых крыльев.

23.06.1863 митрополит Исидор освятил домовый храм, а 13 августа того же года — его левый придел свт. Тихона Задонского.

Иконы в двухъярусном иконостасе написал С. В. Постемский, роспись стен и потолка произвел П. С. Титов по эскизам Ф. Г. Солнцева.

По пятницам в храме служился акафист Успению Божией Матери с киевскими напевами в исполнении прекрасного митрополичьего хора.

Церковь закрыта в 1926 и передана Педагогическому музею; ныне занята объединением «Прометей».

Церковь Святителя Николая Чудотворца на Никольском кладбище

В восточной части лавры, между Невой и оградой, поначалу намечалось разбить сад, но в 1861 был утвер-

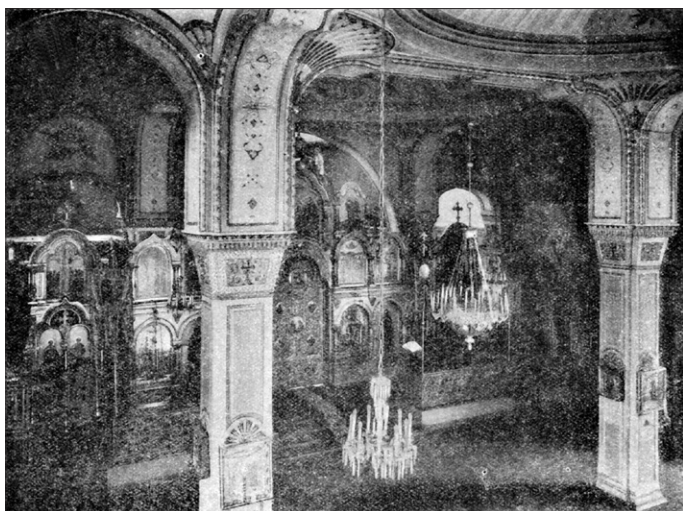
жден проект Г.И. Карпова нового, третьего по счету, лаврского кладбища. Как и на других, на нем было погребено немало выдающихся людей, среди которых адмирал Г.И. Бутаков, герой Порт-Артура генерал-лейтенант Р.И. Кондратенко, писатель И.А. Гончаров, историки С.Н. Шубинский и М.Н. Ковалевский, геофизик кн. Б.Б. Голицын, литературовед Ф.Д. Батюшков.

В сентябре 1904 здесь был погребен благочестивый Матвей Климентович Татомир, чей склеп вскоре стал местом паломничества. На этом кладбище похоронены также последние митрополиты Ленинграда.

Церковь с деревянным куполом строилась по проекту Карпова на средства купца Н.И. Русанова, устроившего в цокольном этаже семейную усыпальницу. Работы длились два года и закончились в 1871 освящением.

Храм казался чересчур скромным, и потому в 1896 гражд. инж. Л.П. Андреев разработал проект новой постройки в византийском стиле, но она не была возведена. Такая же участь постигла и проект церкви во имя прп. Антония Печерского, на которую в 1908 правящий митрополит пожертвовал 10 тыс. руб.

Церковь закрыта в ноябре 1932 (решение Ленгорисполкома от 21.11.1932). В начале мая 1985 вновь освящена после реставрации, используется для ранних обеден.

Крестовая церковь Успения Пресвятой Богородицы в митрополичьих покоях. Интерьер. Фото 1913 г.

Никольская церковь. Интерьер

Церковь Тихвинской иконы Божией Матери на Тихвинском кладбище

Из-за тесноты Лазаревского кладбища в 1823 году справа от него было основано еще одно, вначале называвшееся Ново-Лазаревским.

Храма на этом кладбище долго не было. Он был заложен 26.09.1869 по проекту Н.П. Гребенки и возведен на деньги братьев Д.М. и Н.М. Полежаевых. Два образа — свт. Димитрия Ростовского и прп. Марии Египетской — написал акад. П.Ф. Плешанов. Освящена церковь 2.02.1873. Внизу был устроен семейный склеп жертвователей.

В 1901 небольшое здание было отремонтировано под руководством лаврского архитектора Л.П. Андреева.

На Тихвинском кладбище похоронены Ф.М. Достоевский, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, П.И. Чайковский, М.И. Глинка, В.Ф. Комиссаржевская и многие другие.

Церковь закрыта в сентябре 1931 (решение Ленгорисполкома от 2.09.1931) и в 1935–1937 передана под почту. Ныне здесь помещается научный отдел Музея городской скульптуры. Кладбище превращено в «Некрополь мастеров искусств», причем при его устройстве в 1930-е годы большинство старых могил было уничтожено и около шестидесяти перенесено с других кладбищ города.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы

В лавре эта небольшая домовая церковь появилась после того, как в 1896 архитектор Л.П. Андреев начал расширять трапезную в митрополичьем доме. Митрополит Палладий освятил ее 23.03.1897 во имя Покрова и своего святого — прп. Палладия.

Закрыта, очевидно, при ликвидации резиденции митрополита.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (на втором этаже)

Занимаясь благотворительностью и просвещением, лавра на свои средства содержала Александро-Невский дом призрения и Исидоровское женское епархиальное училище.

Будучи центром духовного образования, лавра собрала богатейшую библиотеку и архив, размещавшиеся в семинарском корпусе. В 1910 было открыто древлехранилище — собрание исторических предметов, портретов и художественных произведений XVII–XIX веков.

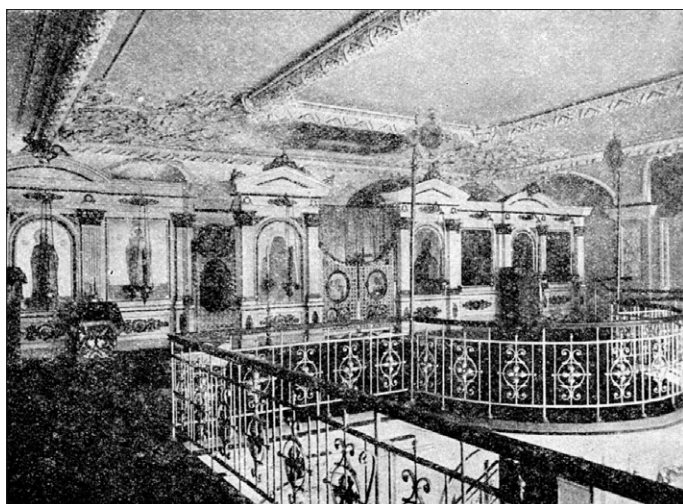
Среди подвижников благочестия, подвизавшихся в монастыре, можно назвать инока Феодора (Ушакова), который в 1747–1756 нес послушание у гробницы св. Александра Невского, схимника Алексия (Шестакова), с которым любил беседовать Александр I, Патермуфия-молчальника, который дожил до 127 лет, и 115-летнего Авраамия-затворника.

Лавре принадлежал открытый в начале 1908 Серафимо-Антониевский скит в Зачеренье на реке Оредеж в Лужском уезде, где митрополиты проводили свой летний отдых.

Лавра была связана с жизнью всех возглавителей столичной кафедры, в том числе последнего — новомученика митрополита Вениамина.

После его расстрела городские власти постановлением от 7.07.1923 изъяли у монахов все жилые помещения, оставив верующим храмы. 6.07.1925 договор с «двадцаткой» лавры был расторгнут, и взамен заключены договоры с верующими отдельных церквей с запретом переводить деньги из прихода в приход. В следующем году началось постепенное закрытие храмов, которое к началу 1936 завершилось. На территории лавры разместились тогда 17 учреждений (автобаза, два общежития, фабрика и т. д.).

С 1920 до сих пор весь ансамбль находится под охраной государства как памятник архитектуры. В 1991 городские власти приняли решение о постепенном возвращении епархии всего комплекса лавры. С 1996 г. начата поэтапная передача храмов и построек Лавры Санкт-Петербургской епархии. Тогда же в стены митрополичьего корпуса вернулось Епархиальное управление, восстанавливаются кельи духовника лавры прп. Серафима Вырицкого, Духовской, Просфорный и Феодоровский корпусы.

Трапезная церковь Покрова Пресвятой Богородицы и прп. Палладия. Интерьер. Фото 1913 г.

КИНОВИЯ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

Октябрьская наб. (дорога правого берега), 18—22

Сейчас только старожилы — да и то с трудом — могут вспомнить, что эти неказистые двухэтажные здания некогда были небольшим общежительным монастырем — киновией, загородным отделением Александро-Невской лавры.

Землю близ деревни Клочки Петр I подарил лавре еще в 1714, но только с начала XIX века она стала использоваться под монастырские покосы и огороды. Митрополиту Михаилу (Десницкому) понравилось это уединенное и тихое место, и он в 1820 основал здесь киновию для престарелых монахов и выстроил для себя деревянную дачу.

Церковь Пресвятой Троицы

В центре киновии стояла большая двухпридельная церковь, которую епархиальный архитектор Г.И. Карпов начал в 1861 и в 1864 закончил вчерне, используя средства, завещанные купцом Ф.Ф. Набилковым. Умирая, купец велел своему сыну завершить постройку, и 26.06.1868 церковь была освящена.

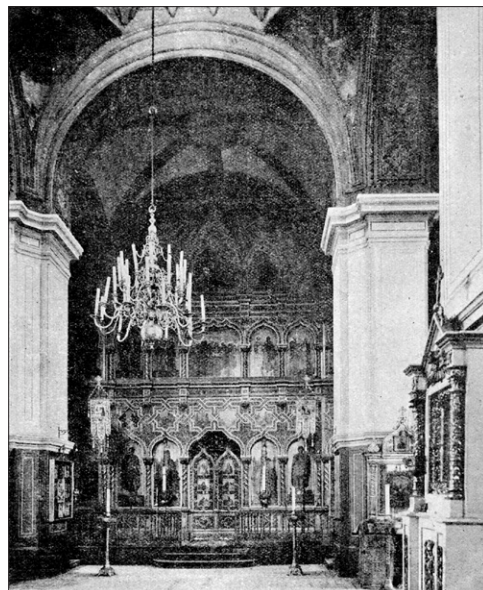
Стиль церкви был смесью византийского и древнерусского: романский портал сочетался с шатровым завершением главного купола. Высокий двухъярусный иконостас, утварь, росписи были исполнены по эскизам зодчего.

Иконостас вырезал охтинский мастер А.Е. Абросимов, образа написал акад. И.А. Тюрин, роспись выполнил И.Ф. Михайлов, утварь — фабрика И.И. Алексеева. Святыней храма считался образ XVII века Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», привезенный, по преданию, с Афона.

Закрытый в июне 1937 (решение ВЦИК от 23.06.1937) храм сохранился, но в перестроенном виде.

Летом 1938 была взорвана надвратная колокольня и снесены купола церкви.

В 1992 местной православной общине выделено в ней помещение для молитвы, и в Троицу 1993 года здесь состоялся первый молебен.

*Церковь
Св. Троицы.
Внешний вид
и интерьер.
Фото 1913 г.*

Церковь Всех Святых

Самой старой в киновии была небольшая деревянная Всесвятская церковь, освященная 29.01.1821 и расписанная М.Х. Набоковым. Образа в простом ампирином иконостасе, окрашенном белым цветом, выполнил художник А. Антонов. В 1848 рядом с церковью возникло Киновиевское кладбище.

Когда постройка обветшала, ее в 1861 заменили другой, тоже деревянной, «введенной чуть поодаль по

проекту К.И. Брандта». В 1888 она была отремонтирована, после чего освящена малым освящением.

По решению Володарского райсовета от 20.02.1931 церковь закрыли и предполагали снести, но летом того же года переделали под общежитие. Зимой 1942 деревянное строение разобрали на дрова. Прилегающее кладбище уцелело, несколько раз расширялось и действует до сих пор.

Церковь Архангела Михаила

В 1840–1841 арх. А.З. Комаров построил для обители со стороны Невы надвратную шатровую колокольню, а шесть лет спустя А.П. Гемилиан закончил по ее сторонам два симметричных каменных флигеля в два этажа для келий. Деньги на строительство дал вышеупомянутый купец Ф.Ф. Набилков.

В левом (северном) флигеле, где помещались покои митрополита, 19.11.1847 была освящена во имя Архангела Михаила небольшая домовая церковь с одноярусным иконостасом в четыре образа.

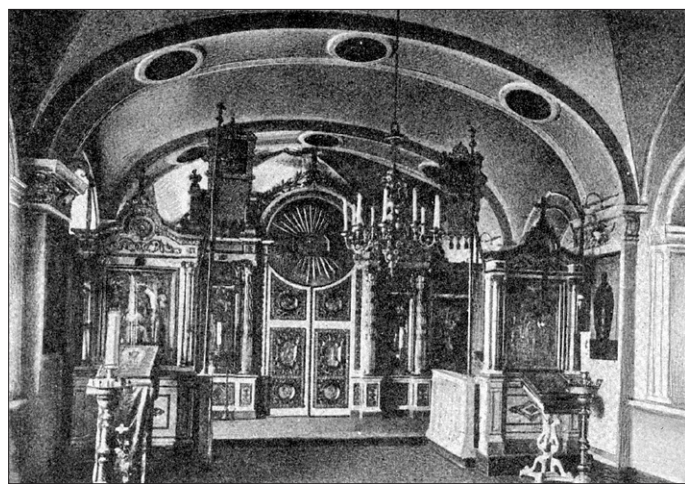
Закрыта по решению Петрогубисполкома от 9.06.1923, в здании разместились квартиры и учреждение.

В.В. Антонов, А.В. Кобак.

Святыни Санкт-Петербурга, том I, СПб, 1997.

Церковь Всех Святых. Интерьер.

Церковь Архангела Михаила. Интерьер.

Ю.М. Пирютко

ЛАВРСКИЕ КЛАДБИЩА И УСЫПАЛЬНИЦЫ

Некрополь Александро-Невской лавры — выдающийся памятник отечественной истории. Судьба его уникальна. Санкт-Петербург на протяжении без малого двух столетий был столицей Российского государства. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра занимала одно из первенствующих мест среди русских монастырей. Быть погребенным на лаврских кладбищах и в усыпальницах считалось высокой честью и почетной привилегией.

Весь цвет русской аристократии, высшее чиновничество, военачальники, ученые, крупные литераторы, выдающиеся музыканты находили вечное упокоение в стенах лавры. Особо надо отметить многочисленных деятелей русского православия: не только лаврских иеромонахов, но профессоров богословия, священников многих петербургских храмов и, разумеется, санкт-петербургских архиепископов и митрополитов, погребавшихся здесь по званию священноархимандритов лавры.

Погребения в Александро-Невском монастыре начались с первых лет его существования. Одной из первых была похоронена сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна, скончавшаяся в 1716. Специально для этого к востоку от алтаря первой монастырской церкви (деревянной Благовещенской, освященной в 1713) была построена небольшая каменная усыпальница, освященная в 1717 во имя праведного Лазаря.

В 1723 скончалась вдова царя Иоанна Алексеевича Прасковья Федоровна. Она была первой похоронена в только что воздвигнутой каменной Благовещенской церкви. Тогда же сюда был перенесен прах царевны Натальи Алексеевны и малолетнего сына Петра I царевича Петра Петровича. В дальнейшем в Благовещенской усыпальнице были погребены принцесса Мекленбургская Екатерина Иоанновна, сестра императрицы Анны Иоанновны, ее несчастная дочь, правительница Анна Леопольдовна, мать императора Иоанна Антоновича, а также еще несколько членов царского дома. Таким образом, Благовещенская церковь со времен основателя Александро-Невского монастыря Петра Великого служила для погребения его родственников и, по всей вероятности, должна была стать императорской усыпальницей.

Однако, в отличие от Петропавловского собора, служившего исключительно для погребения

императоров и их потомства, Александро-Невский монастырь был задуман Петром как национальный Пантеон: здесь рядом с членами царской фамилии находили упокоение те, кто своими заслугами перед Отечеством заслужил это почетное право. Один из первых — фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, герой Северной войны, скончавшийся в 1719 в Москве. Прах его, по повелению Петра, был торжественно перенесен на берега Невы и погребен у первой Благовещенской церкви, на месте которой позднее была воздвигнута Лазаревская церковь. В дальнейшем в лавре были похоронены М.В. Ломоносов, А.В. Суворов, Н.М. Карамзин, М.М. Сперанский, М.И. Глинка, Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский — уже этих имен достаточно, чтобы признать исключительное значение лаврского некрополя для нашей национальной культуры.

Роль некрополя как одной из важнейших достопримечательностей невской столицы хорошо понимали все историки города. Начиная от «Исторического, географического и топографического описания Санкт-Петербурга» А.И. Богданова и В.Г. Рубана (1779), в путеводители по городу включались перечни исторических могил и списки эпитафий на лаврских памятниках. Особенно содержательны в этом смысле «История Российской Иерархии» архимандрита Амвросия (1810), «Достопамятности Санкт-Петербурга» П.П. Свинына (1817), «Описание Свято-Троицкой

Лазаревское кладбище. Фото 1913 г.

Александро-Невской лавры» А. Павлова (1842), «Старый Петербург» М.И. Пыляева (1903).

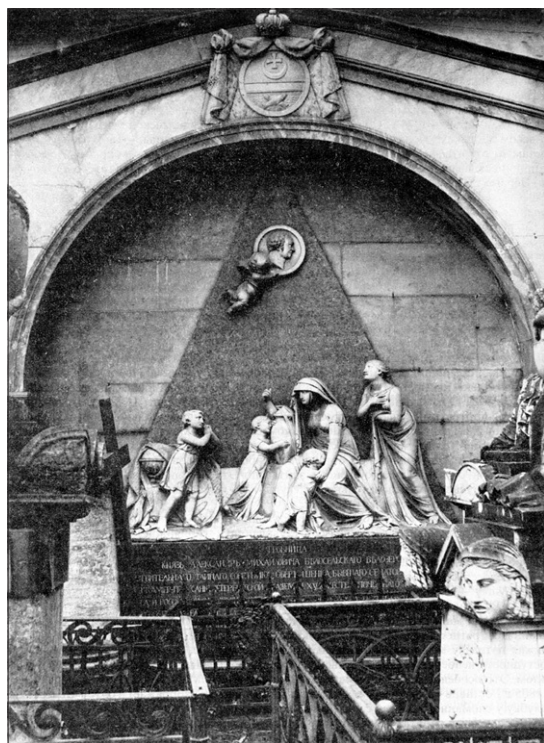
К сожалению, некоторые родственники погребенных на лаврских кладбищах не проявляли должной заботы и уважения к могилам предков. Не осталось памятников от многих исторических захоронений, известных по описаниям XVIII — начала XIX веков. Существовала практика новых погребений на местах забытых могил. В результате археологических раскопок на Лазаревском кладбище в конце 1920-х годов было обнаружено несколько десятков надгробных плит 1-й половины и середины XVIII века, скрытых позднейшими надгробными сооружениями.

К началу XX века состояние многих памятников признавалось «весьма печальным». Весной 1910 по инициативе Академии художеств Лазаревское кладбище осматривали архитектор В.В. Суслов и скульптор В.А. Беклемишев. Они отметили, что некоторые памятники «ушли в землю, до крайности загрязнены и частью поросли мхом и травой, другие в полуразрушенном виде и грозят падением... Части полуразрушенных памятников собраны на кладбище в кучи, где встречаются плиты с фигурными барельефами, и представлены окончательному уничтожению и хищению» (РГИА. Ф.789. Оп.13(1905). Д.190).

В начале XX века места старых могил уже не разорялись. По утверждению Духовного собора лавры, в 1910 году ни в церквях, ни на кладбищах не уничтожалось никаких памятников для новых погребений, и «такое отношение лаврской администрации простирается как на могилы исторических лиц, проявивших себя особыми трудами на том или ином жизненном поприще, так и на могилы лиц никому неизвестных» (РГИА. Ф.815. Оп.П.Д.1909–96).

В начале XX века была проведена фиксация более чем сорока тысяч памятников на петербургских кладбищах, отмеченных в 4-томном издании «Петербургский некрополь» (1912–1913). Инициатором этого труда был великий князь Николай Михайлович, автор многих самостоятельных исторических исследований, председатель Общества защиты и сохранения в России памятников искусства. Подготовку издания вели академики В.И. Саитов и Б.Л. Модзалевский. Описание лаврских кладбищ для «Петербургского некрополя» провели в 1909–1910 послушники В.В. Лебедев и Ф.М. Морозов. Эти списки (РГИА. Ф.815. Оп.11.Д.1909–96) представляют значительную ценность, хотя их нельзя считать исчерпывающими. Уточнению сведений о погребениях в лавре служат «Всеобщий хронологический список особ, погребенных в Александро-Невской лавре», находящийся в архиве ГМГС, а также ряд планов лаврских кладбищ и усыпальниц из лаврского архива, сохраняемого в РГИА.

Реставрации старых надгробий в дореволюционные годы не производилось. Свидетельством

Лазаревское кладбище.
Надгробие кн. А.М. Белосельского-Белозерского

этого являются «списки замечательных и великих русских людей, погребенных на разных кладбищах, могильные памятники которых разрушены или находятся в крайнем запущении», составленные в 1914 управляющим делами великого князя Николая Михайловича М.Н. Молдавским. Согласно этим спискам, свыше 50 памятников в лавре, имевших первостепенное художественное и историческое значение, «отживали последние дни» (ЦГИА СПб. Ф.19.0п.105. Д.7).

Тем не менее, почти все памятники, перечисленные Молдавским, и ныне можно видеть в музейном некрополе лавры. В этом несомненно объективная заслуга общества «Старый Петербург», которое в тяжелейших условиях разорения лавры, начатого в 1922, сумело добиться придания Лазаревскому кладбищу статуса «музея-некрополя». Не будь такого музея, память о многих сотнях деятелей отечественной истории, воплощенная в надгробиях, исчезла бы навсегда.

Разумеется, на деятельности музея не могла не отразиться идеологическая атмосфера советского времени. Очевидно, сами слова «кладбище», «могила», связанные в сознании русского человека с многовековой церковной традицией почитания мертвых, были ненавистны для «строителей нового мира». Старейшее в Петербурге Лазаревское кладбище стало именоваться «некрополем» (что, собственно, является синонимом слова «кладбище»), а с 1939 к надгробным памятникам присоединили городские

монументы, образовав единственный в своем роде Музей городской скульптуры.

Уродливый канцеляризм «музеефикация» превратил лаврское Тихвинское кладбище в «некрополь мастеров искусств»(?), произвольно отделил от старинного Волковского кладбища часть, именуемую некрополем «Литераторские мостки». Но нельзя забывать, что в те же 1930-е годы, когда могилы выдающихся писателей и ученых были объявлены музейной ценностью, значительная часть Волковского кладбища была попросту уничтожена, а Спасский собор превращен в цех завода «Монументскульптура». Не будь музея под открытым небом «Литераторские мостки», могила И.С.Тургенева у Спасского собора была бы утрачена, тогда как в действительности ее удалось перенести в музей.

Кстати отметим, что перенос захоронений никогда не считался недопустимым. В дореволюционное время, по благословлению церкви и с согласия властей, родственники могли, по тем или иным причинам, поменять место могилы своих близких. Достаточно напомнить о перезахоронении в Александро-Невской лавре М.И. Глинки, первоначально похороненного в Берлине; переносе в семейный склеп в Тарханах из Пятигорска праха М.Ю. Лермонтова. Эти широко известные примеры можно было бы дополнить многочисленными перезахоронениями менее знаменитых лиц. Например, в связи с устройством в 1830-е годы семейного места Сеньявиных на Тихвинском кладбище лавры, туда перенесли с соседнего Лазаревского кладбища прах адмирала А.Н. Сеньявина, скончавшегося в 1797.

Понятно, что старые могилы уничтожали всегда, кладбища упраздняли, и в Петербурге этот процесс начался еще в XVIII веке, когда перестали хоронить на Сампсониевском, Вознесенском, Крестовоздвиженском и ряде других старейших кладбищ, на территориях которых давно нет никаких памятников. Растянутый во времени на многие десятки лет, этот процесс неизбежен и необходим. Однако исторические прецеденты ни в коем случае не могут служить оправданием того массированного разрушения кладбищ, которое началось в послереволюционные годы. Никакими соображениями целесообразности невозможно объяснить одновременное уничтожение тысяч могил, использование кладбищенских территорий под промышленные зоны, массовое жилищное строительство, парки культуры и стадионы. Достаточно вспомнить, что застройка в районе станции метро «Ломоносовская» занимает территорию Преображенского (Фарфоровского) кладбища; «промзона» между Варшавской и Балтийской ветками железной дороги — это одно из крупнейших в старом Петербурге Митрофаньевское кладбище; пустырь между набережной Невы и Новочеркасским проспектом — территория старинного Малоохтинского кладбища.

Александро-Невская лавра. Братский участок Никольского кладбища. Панихида по митрополиту Антонию (Вадковскому) через полгода после его кончины. Служит митрополит Владимир (Богоявленский), будущий священномученик.

Урон, нанесенный лаврскому некрополю, весьма значителен, но мог быть еще большим, если бы Лазаревское кладбище, Благовещенская и Лазаревская усыпальницы не имели музейного статуса. Полностью уничтожены захоронения в кладбищенских Никольской и Тихвинской церквях, Духовской, Федоровской и Исидоровской церквях-усыпальницах, разорено и продолжает разрушаться Никольское кладбище. Трагична судьба Тихвинского кладбища: его уничтожение началось еще в 1920-е годы, а музейным объектом этот некрополь стал лишь тогда, когда на его территории из более чем тысячи трехсот надгробий осталось около семидесяти. Получилось так, что в современном Некрополе мастеров искусств установлено на месте перезахоронений, осуществленных в 1930–1940-е годы с тех кладбищ, которые обрекались на полное уничтожение (Смоленского, Никольского, Митрофаньевского, Малоохтинского, Выборгского католического).

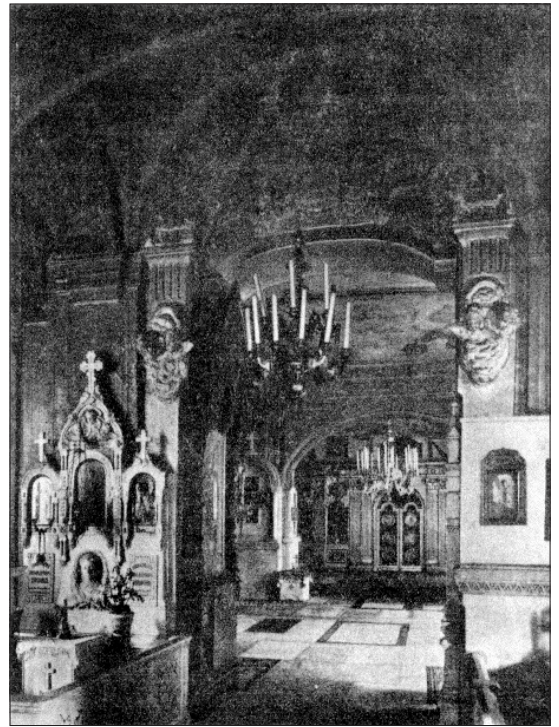
Подробное описание могил в лаврском некрополе, имеющих важное историческое значение, и памятников, представляющих выдающуюся художественную ценность, в данной статье не имеет смысла. Старейшее лаврское кладбище — Лазаревское (Некрополь XVIII века) в целом сохранило исторически сложившийся к началу XX века облик, утраты там сравнительно незначительны. Наиболее полный перечень памятников, сохранившихся до нашего времени, содержится в книге «Исторические кладбища Петербурга» (составители А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко, 1993).

Остановимся на некоторых малоизвестных и в большинстве утраченных надгробиях. Старейшим объектом лаврского некрополя является **Благовещенская усыпальница** (1717–1724, арх. Д. Трезини, Т. Швертфегер), под полом которой уже при стро-

ительстве были устроены места для погребения. Трудно с уверенностью утверждать, как выглядели первоначальные надгробия в этой усыпальнице. Наиболее старым по времени является памятник капитану графу А.П. Апраксину (1690–1725) в виде отлитого из темной бронзы небольшого картуша с гербом и эпитафией, укрепленного на стене близ места погребения. До конца XVIII века полы в усыпальнице были деревянными, так что надгробных плит в полу, вероятно, не было. Очевидно, поэтому в усыпальнице нет следов памятников более чем десятка лиц, похороненных здесь в первой половине XVIII века (их отсутствие отмечалось задолго до превращения усыпальницы в музей). Не сохранилось надгробий Санкт-Петербургских архиепископов Феодосия (Янковского. 1696–1750) и Сильвестра (Кулябки. 1701–1761), сподвижника Петра I графа Саввы Владиславича Рагузинского (1670–1738), начальника Канцелярии тайных розыскных дел графа Андрея Ивановича Ушакова (1672–1747), сестры царицы Прасковьи Федоровны княгини Анастасии Федоровны Ромодановской, рожденной Салтыковой (†1735).

По старым планам усыпальницы можно определить расположение склепов. К началу XIX века все они были заняты: когда в 1807 скончалась кавказская царица Дарья Георгиевна (1738–1807), ее похоронили в склепе, оставшемся от императора Петра III (1728–1762), прах которого был перенесен в 1796 в Петропавловский собор. В 1780-е годы за алтарем усыпальницы и на юго-восточном углу были сделаны пристройки-палатки. Одна стала семейной усыпальницей князей Юсуповых, другая, более просторная, строилась для княгини Екатерины Николаевны Орловой, рожденной Зиновьевой (1758–1781), жены екатерининского фаворита, прах которой был перевезен сюда из Ливорно. Позднее в этой палатке появился целый ряд памятников, сохранившихся до наших дней: И.И. Бецкого, И.И. Шувалова, А.А. Вяземского. Особенно надо отметить вмурованную в стену мраморную доску со стихотворной эпитафией, сочиненной Г.Р. Державиным архиепископу Псковскому и Рижскому Иннокентию (1721–1799). Под сводом палатки оказались надгробные плиты погребенных ранее у стены Благовещенской церкви предстоятелей братских православных церквей: сербского архиепископа Василия Ивановича (1720–1772) и черногорского митрополита Василия Петровича (1709–1766).

Около 1860 года вмурованы в пол у северной стены усыпальницы беломраморные надгробные плиты генералиссимуса Александра Васильевича Суворова (1730–1800) и герцогини Александры Александровны Бирон (1712–1736), младшей дочери князя А.Д. Меншикова. Однотипные надгробия членов царской фамилии в форме плит из серого мрамора

Феодоровская церковь. Интерьер.

установлены в 1868 в алтарной части. В конце XIX века несколько могильных мест было устроено в западной части усыпальницы и под полом лестничной пристройки; там же существовали семейные склепы графов Бобринских, Якупчиковых и Шлихтингов. До нашего времени в Благовещенской усыпальнице сохранилось свыше пятидесяти исторических захоронений (около тридцати памятников сохраняются здесь как музейные образцы художественного надгробия).

Духовская церковь (1817–1822, арх. В.П. Петров) была устроена в соседней части братского корпуса и соединялась с Благовещенской усыпальницей дверным проемом. Проход находился под порталом сооруженного в 1779 архитектурного надгробия фельдмаршала графа А.Г. Разумовского (1709–1771). Еще до освящения этой церкви-усыпальницы в ее алтарной части был погребен Санкт-Петербургский митрополит Михаил (Десницкий. 1762–1821). В дальнейшем здесь же нашли упокоение столичные митрополиты Серафим (Глаголевский. 1763–1843), Антоний (Рафальский. 1789–1848), Никанор (Клементьевский. 1787–1856) и Григорий (Постников. 1784–1860).

В Духовской церкви находилось сто семьдесят два захоронения. Под полом усыпальницы были устроены двухъярусные склепы. Перечень выдающихся исторических деятелей в этой усыпальнице, чьи могилы не сохранились, включает такие имена, как председатели Государственного Совета графы Николай Николаевич Новосильцев (1761–1838) и Василий Васильевич Левашов (1783–1848), Государ-

Исидоровская церковь. Фото начала века

ственный контролер граф Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко (1800–1855), обер-церемониймейстер граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков (1790–1854), министр финансов граф Федор Павлович Вронченко (1778–1852). Можно сожалеть об утрате могил Евгения Петровича Штерича (1809–1833), близкого друга М.И. Глинки; Александры Ильиничны Давыдовой (1842–1891), сестры П.И. Чайковского, матери его племянника В.Л. Давыдова, основателя музея композитора в Клину.

Тотальное уничтожение склепов Духовской церкви произошло в 1936, когда в храме разместили котельную организации «Ленплодоовощ». Удалось спасти лишь несколько надгробий, перенесенных в музей-некрополь вместе с перезахоронением: княгини Е.И. Голенищевой-Кутузовой, вдовы полководца; дочери М.И. Кутузова Е.М. Хитрово; героя Отечественной войны 1812 графа М.А. Милорадовича; Государственного канцлера князя В.Л. Кочубея и некоторых других.

К алтарю Духовской церкви примыкала неболь-

шая церковь св.Евдокии — семейная усыпальница купцов Галуновых, а также усыпальница князей Долгоруких. Несколько надгробных памятников уцелело у восточной стены соседних Благовещенской и Духовской церквей. Среди них — гранитная надгробная плита императорского духовника, протопресвитера Сергея Федоровича Краснопевкова (1743–1808) и надгробие наместника Александро-Невской лавры архимандрита Никанора (1790–1863).

Феодоровская церковь (1745–1770, арх. П. Трезини, И. Росси) замкнула юго-восточный угол монастырского каре. Это двухэтажное здание симметрично Благовещенской церкви и сходно с ней по силуэту, однако в конструкции и деталях архитектурной отделки постройки заметно отличаются друг от друга. Подобно тому, как над Благовещенской усыпальницей во 2 этаже была освящена церковь во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, в Феодоровской церкви тоже было два престола: святого князя Феодора Ярославича Новгородского в нижнем храме, и святого Николая Мирликийского — в верхнем.

Именно в Феодоровской церкви (до переосвящения в 1842 именовавшейся Златоустовской) был похоронен выдающийся просветитель Евгений Булгар (1716–1806), митрополит Славенский и Херсонский. Сохранилась лишь бронзовая табличка с эпитафией ему, перенесенная в музейную экспозицию вместе с несколькими другими. Здание усыпальницы внутри до неузнаваемости перестроено под нужды располагавшегося в лавре до недавнего времени военного предприятия.

Не сохранились памятники людям, занимавшим заметное место в российской истории. Яков Иванович Ростовцев (1803–1860), видный государственный и военный деятель, заслуги которого в подготовке Великих реформ император Александр II отметил необычным образом, пожаловав в 1861 графское достоинство его вдове и потомству. Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), попечитель Московского учебного округа, основатель Археологической комиссии и художественного училища в Москве, сохранившего название Строгановского. Григорий Иванович Карпов (1824–1900), епархиальный архитектор, строитель церквей, осуществивший множество работ в Александро-Невской лавре и киновии. В усыпальнице были также похоронены духовные деятели: экзарх Грузии митрополит Иона (1765–1849); архиепископ Игнатий (1740–1850), бывший первосвященником в Олонецкой, а затем Воронежской епархии; архиепископ Тверской и Симферопольский Елпидифор (1803–1860), архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иаков († 1850). Всего в Феодоровском храме и примыкавшей к нему палатке погребли девятью семью человек, ни одной могилы не сохранилось.

Исидоровская церковь-усыпальница. Интерьер. Фото начала века

Исидоровская церковь (1889–1891, арх. Г.И. Карпов) строилась как усыпальница по благословению митрополита Исидора, здесь погребенного. В специально устроенных склепах было похоронено свыше ста пятидесяти человек. В начале 1930-х годов храм приспособили под гараж автошколы имени Тимирязева, в связи с чем понадобилось срочно перенести оттуда захоронения. Прах митрополитов Исидора и Палладия был перенесен на братский участок Никольского кладбища, о судьбе остальных ничего не известно. В этом храме были похоронены: два наместника Александро-Невской лавры архимандриты Исаия и Арсений, экононом архимандрит Никон; епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман (1828–1895), епископ Псковский и Порховский Гермоген (1818–1893), епископ Брестский, Острожский и Михайловский Иосиф (1835–1902), ректор Духовной академии, епископ Ямбургский Борис, епископ Люблинский Герман (†1902), доктор богословия Иван Федорович Нильский (1832–1864).

Среди знаменитых деятелей отечественной истории в этой усыпальнице были погребены: Государственный контролер, епитроп Святого Гроба Господня Третий Иванович Филиппов (1825–1899), выдающийся математик, министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский (1831–1895), начальник Морской Академии и директор Морского Кадетского корпуса контр-адмирал Александр Михайлович Доможиров (1850–1902), почетный лейб-хирург Николай Александрович Вильчковский (1823–1906), начальник Генерального штаба генерал граф Федор Логинович Гейден (1821–1900), публицист князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914).

Тихвинское кладбище, основанное в 1823, первоначально называлось Ново-Лазаревским, в отличие от Лазаревского, названного по церкви, построенной в 1717. Свое историческое название кладбище получило по церкви-усыпальнице во имя Тихвинской иконы Божией Матери (1869–1872, арх. Н.П. Гребенка). Церковь строилась на пожертвования крупных лесоторговцев братьев Дмитрия Михайловича (1804–1872) и Николая Михайловича (1817–1897) Полежаевых. По существу, это была семейная усыпальница, лишь размером отличавшаяся от многочисленных архитектурных склепов, часовен и мавзолеев, которыми было заполнено кладбище. Перечень утрат, понесенных в 1920-начале 1930-х годов, мог бы занять не одну страницу. Упомянем лишь несколько имен:

Абаза Александр Аггеевич. 1821–1895. Министр финансов.

Валуев Петр Александрович, граф. 1814–1890. Министр внутренних дел, председатель Комитета министров.

Вяземский Павел Петрович, князь. 1820–1888. Литератор, историк, сын П.А.Вяземского.

Тихвинская церковь. Интерьер

Гейденрейх Богуслав Богуславович. 1818–1895. Академик архитектуры.

Герсеванов Михаил Николаевич, 1830–1907. Директор Института путей сообщения, один из строителей Транссибирской железнодорожной магистрали.

Демидов Павел Николаевич. 1798–1840. Основатель Демидовских премий Академии наук.

Дубасов Федор Васильевич. 1845–1912. Адмирал, московский генерал-губернатор.

Дурново Иван Николаевич. 1835–1903. Министр внутренних дел, председатель Комитета министров.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович. 1790–1848. Историк Отечественной войны 1812 года.

Петров Василий Петрович. 1778–1829. Архитектор Александро-Невской лавры.

Рибопьер Александр Иванович, граф. 1781–1865. Учредитель и управляющий Государственного коммерческого банка, дипломат, русский посланник в Турции и Пруссии.

Рикорд Петр Иванович. 1776–1855. Адмирал, кругосветный мореплаватель.

Рождественский Зиновий Петрович. 1848–1909. Вице-адмирал в отставке, командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой.

Саблуков Александр Александрович. 1783–1857. Генерал-лейтенант, инженер, изобретатель.

Сипягин Дмитрий Сергеевич. 1853–1902. Министр внутренних дел, шеф жандармов.

Скальковский Константин Аполлонович. 1843–1906. Директор Горного департамента, ученый-экономист, балетный и театральный критик.

Стог Алексей Данилович. 1778–1837. Сенатор, попечитель Обуховской больницы.

Стояновский Николай Иванович. 1820–1900. Член Государственного Совета, вице-председатель Русского музыкального общества.

Сухожанет Иван Онуфриевич. 1788–1861. Начальник Гвардейского артиллерийского корпуса.

Тихвинское кладбище.

Надгробие П.И. Чайковского. Фото начала века

Танеев Александр Сергеевич. 1785–1866. Статс-секретарь, управляющий 1 Отделением Собственной канцелярии.

По описям Тихвинского кладбища, здесь было похоронено около 20 лаврских иеромонахов, архимандритов, иеродиаконов. Особенно следует отметить, что в этом некрополе нашел упокоение императорский духовник, протопресвитер Василий Борисович Бажанов (1800–1883), пользовавшийся уважением и любовью трех русских императоров: Николая I, Александра II и Александра III. Здесь же погребен один из наиболее известных в истории лавры иеросхимонах Алексей Шестаков (1754–1826): именно с ним беседовал император Александр I при своем последнем посещении лавры перед отъездом в Таганрог, где скончался. Наконец, у входа на кладбище со стороны площади находилась небольшая часовенка над местом погребения старца Патермуфия. Надпись на памятнике гласила: «Под сим камнем покоится тело раба Божия монаха Патермуфия молчальника, в сердечной памяти оставшегося у всех любящих его, как любезнейший отец и друг истинный человечества, скончавшийся в старости лет 26-го ноября 1825-го года». Вплоть до окончательного разрушения Тихвинского кладбища у этой часовни находили душевное утешение многие богомольцы и паломники.

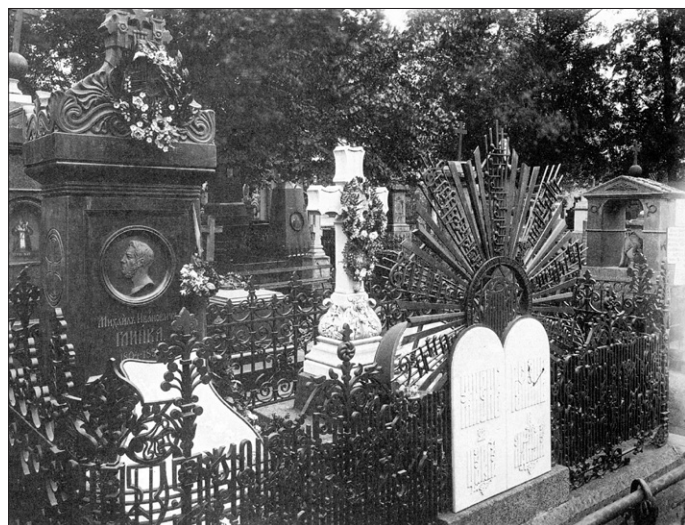
20 января 1918 принял мученическую кончину от руки воинствующих безбожников протоиерей Петр Иоаннович Скипетров (1863–1918), настоятель церкви Пресвятой Богородицы Всех скорбя-

щих Радосте на Шлиссельбургском проспекте. По благословению митрополита Вениамина мученика похоронили у алтаря Тихвинской церкви. В годы советской власти могила, казалось, навсегда исчезла. Однако времена изменились. На основании архивных материалов, находящихся в Музее городской скульптуры, и воспоминаний внучки о. Петра удалось установить точное место могилы, и в 1997 здесь был водружен деревянный крест, на котором ныне теплится неугасимая лампада.

Музейный облик Некрополя мастеров искусств, сложившийся в 1930–1950-е годы, не следует менять. Он давно воспринимается петербуржцами и всеми россиянами как особое заповедное место — Пантеон русской культуры, где похоронены великие писатели, композиторы, артисты и художники. Не имеет смысла продолжать здесь погребения. Большинство утраченных памятников невозможно восстановить. Однако отметить места погребения о. Василия Баженова и схимомонахов Патермуфия и Алексия представляется нравственным долгом. Расположение могил можно установить по архивным описаниям Тихвинского кладбища. Музей городской скульптуры, в ведении которого находится некрополь, не располагает для этого достаточными средствами, но городская администрация, вероятно, могла бы решить этот вопрос, будь на то благословение правящего митрополита.

Никольское кладбище основано в 1863, первоначально именовалось Засоборным, и с 1877 получило существующее название по церкви святого Николая Мирликийского (1868–1871, арх. Г.И. Карпов), под которой устроен семейный склеп потомственного дворянина Николая Ивановича Русанова (1820–1882).

Это единственное действующее кладбище на территории лавры. До 1950-х годов существовали планы

Тихвинское кладбище. Надгробие М.И. Глинки.
Фото начала века

Никольское кладбище
Александрo-Невской
лавры

его полного уничтожения, что выразилось в перезахоронении отсюда в музейные некрополи прахов И.А. Гончарова, А.Н. Апухтина, В.Ф. Комиссаржевской, Б.М. Кустодиева и других. Тем не менее, на территории Никольского кладбища сохранилось свыше двухсот памятников, представляющих значительную историческую ценность. Можно было бы упомянуть создателя памятника Тысячелетию России М.О. Микешина, издателя и журналиста А.С. Суворина, академиков А.И. Воейкова, Б.Б. Голицына, Н.И. Кокшарова, Н.А. Котляревского, Б.А. Тураева, основателя Артиллерийского музея Н.Е. Бранденбурга, певицу А.Д. Вьяльцеву, пианистку С.А. Малоземову, поэтессу М.А. Лохвицкую (Жибер), историка и социолога М.М. Ковалевского, директора Публичной библиотеки графа М.А. Корфа, первых авиаторов С.И. Уточкина, Л.М. Мацеевича, В.М. Абрамовича, основателя Обуховского завода П.М. Обухова. В наше время стало посещаемым место могил министров Временного правительства Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, убитых в Мариинской больнице в январе 1918. За последние годы в некрополе похоронены: востоковед и археолог Лев Николаевич Гумилев (1912–1992), депутаты Государственной Думы Виталий Викторович Савицкий (1955–1995) и Галина Васильевна Старовойтова (1946–1998), герой чеченской войны генерал-майор Михаил Юрьевич Малофеев (1956–2000), первый избранный мэр Санкт-Петербурга Анатолий Александрович Собчак (1937–2000) и другие.

Среди утраченных могил на Никольском кладбище:

Авдеев Алексей Александрович. 1818–1885. Архитектор, строитель храмов в Севастополе.

Будилович Антон Семенович. 1846–1908. Профессор, редактор «Московских ведомостей».

Врангель Николай Николаевич. 1882–1915. Историк искусства.

Всеволожский Иван Александрович. 1835–1909. Директор Императорских театров, директор Эрмитажа.

Зверева Лидия Виссарионовна. 1890–1907. Первая женщина-авиатор.

Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна. 1866–1907. Писательница, жена поэта и философа В.И. Иванова.

Ишимова Александра Иосифовна. 1804–1881. Детская писательница, чей литературный дебют приветствовал А.С. Пушкин.

Карнович Евгений Петрович. 1823–1879. Писатель, журналист.

Кони Федор Алексеевич. 1809–1879. Писатель-драматург, автор водевилей.

Кюндингер Рудольф Васильевич. 1832–1913. Музыкант, учитель П.И. Чайковского.

Маковский Константин Егорович. 1860–1915. Живописец.

Островский Михаил Николаевич. 1827–1901. Сенатор, министр уделов, брат А.Н. Островского.

Розенгейм Михаил Павлович. 1820–1887. Поэт.

Рошефор Николай Иванович. 1846–1905. Архитектор.

Руммель Василий Владиславович. 1854–1902. Генеалог.

Толстой Иван Иванович, граф. 1858–1916. Вице-президент Академии художеств.

Томишко Антон Осипович. 1851–1900. Архитектор.

Феокистов Евгений Михайлович. 1829–1898. Начальник цензурного управления.

Чайковский Анатолий Ильич. 1851–1915. Сенатор, брат П.И. Чайковского.

Никольское кладбище. Фото 1913 г.

Шредер Иван Николаевич. 1836–1908. Скульптор.

Щурупов Михаил Арефьевич. 1815–1901. Архитектор.

На Никольском кладбище сохранились многие памятники, связанные с историей Санкт-Петербургской епархии. Здесь похоронены: историк лавры Илларион Алексеевич Чистович (1828–1893), профессора Санкт-Петербургской Духовной академии протоиерей Павел Федорович Николаевский (1841–1899), Василий Васильевич Болотов (1854–1900), Василий Николаевич Карпов (1798–1867), Михаил Осипович Коялович (1828–1891), Сергей Александрович Соллертинский (†1920), Иван Васильевич Чельцов (1828–1878), протоиерей Казанского собора Александр Петрович Булгаков (1823–1883), священник Воскресенской школы Общества трезвости Александр Васильевич Рождественский (1872–1905), настоятель Покровско-Коломенской церкви Петр Алексеевич Соловьев (1826–1898), основатель Русского Палестинского общества Василий Николаевич Хитрово (1834–1903). Особым почитанием пользуется место, где упокоен блаженный Матвей (Татомир. 1848–1904), над которым сооружена часовенка — в юго-восточной части кладбища.

Многое, однако, утрачено. Можно вспомнить, что на этом кладбище были погребены: настоятели Казанского собора протоиереи Александр Алексеевич Лебедев (1833–1898) и Дмитрий Тимофеевич Мегорский (1842–1909), протоиерей того же собора Павел Константинович Цветков (1829–1898), протоиерей церкви Аничкова дворца Александр Дмитриевич Мещерский (†1903), протодиакон придворного собора Зимнего дворца Василий Иванович Попов (†1908), протоиерей Спасо-Сенновской церкви Георгий Семенович Морозов (1843–1905), преподаватель Пажеского корпуса и председатель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения протоиерей Константин Борисович Селинин

(†1891), протоиерей Сергиевского собора Николай Михайлович Покровский (1842–1893), настоятель Адмиралтейского собора и благочинный армейского ведомства протоиерей Павел Николаевич Львов (1810–1893), протоиерей Владимирской церкви, служивший в ней 48 лет, Михаил Павлович Петропавловский (1806–1877) и многие другие.

Никольское кладбище — единственное, где компактно сохранился участок в северной части некрополя, называемый Братским: здесь преимущественно хоронили насельников лавры. К числу старейших памятников, сохранившихся до нашего времени, относятся надгробия лаврского иеросхимомонаха Климента (1815–1877), иеромонаха Митрофана 2-го (†1877) и иеромонаха Андреевского скита Афонской горы Паисия (†1877). Согласно описи Никольского кладбища, составленной Ф.М. Морозовым в 1909, на этом участке находилось семьдесят четыре могилы иеромонахов, архимандритов, игуменов и иеродиаконов лавры. В настоящее время здесь около пятидесяти надмогильных крестов, однако большинство их составляют надгробия, установленные уже в послевоенные годы.

К сожалению, даже надгробие митрополита Антония (Вадковского. 1846–1912) не сохранилось в первоначальном виде. Этот выдающийся деятель русского православия впервые завещал похоронить свои бранные останки рядом с монастырской братией, а не в одном из храмов-усыпальниц, как хоронили всех предшествовавших митрополитов. В 1932 на Братский участок перенесли прах митрополитов,

*Никольское кладбище.
Часовня-склеп А.Г. Рубинштейна.
Праха композитора в 1938 г. перенесен
в Некрополь мастеров искусств,
часовня-надгробие не сохранилось*

Братская
могила
казаков
перед
Свято-
Троицким
собором
Алекса́ндро-
Невской
лавры.
Фото 1917 г.

прежде погребенных в Исидоровской церкви: Исидора (Никольского. 1799–1892) и Палладия (Раева. 1827–1898). Существующие скромные деревянные кресты на могилах трех митрополитов установлены лишь в 1990-е годы. Тут же воздвигнут гранитный поминальный крест во имя святого русского новомученика митрополита Вениамина Петроградского (Казанского. 1874–1922), казненного большевиками. На Братском участке установлен поминальный крест всем здесь погребенным, чьи могилы не сохранились, а у восточной стены некрополя, рядом с Архиерейской дорожкой, поставлен памятник монахам лавры, репрессированным в 1918 и 1932, арестованным и погибшим в лагерях и ссылке.

Погребения на Братском участке проходили и в послереволюционные годы. Так в 1919 здесь похоронен затворник иеромонах Серафим. Запустение кладбища началось в 1930-е годы и продолжалось до конца 1970-х годов. В тот недолгий период, когда в 1950-е годы Духовский корпус лавры находился в ведении епархии, в Духовской церкви были погребены два ленинградских митрополита: Григорий (Чуков. 1870–1955) и Елевферий (Воронцов. 1892–1959). Но возобновление хрущевских гонений на церковь привело к тому, что прах митрополитов пришлось перенести в крипту единственного оставленного епархии лаврского храма — Свято-Троицкого собора.

В 1978 на братском участке Никольского кладбища предали земле тело скончавшегося митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова. 1929–1978). Так была восстановлена традиция,

заложенная в 1912 году. В дальнейшем здесь были похоронены предстоятели Санкт-Петербургской (Ленинградской) епархии: митрополит Антоний (Мельников. 1924–1986), митрополит Иоанн (Снычев. 1927–1995). Здесь же нашли упокоение архиепископы Никон (Фомичев. 1910–1995) и Михаил (Мудьюгин. 1912–2000). Лиц духовного звания погребают в настоящее время и на других участках кладбища. У Никольской церкви нашли упокоение протоиерей Иоанн Андреевич Скорик (1931–1995), преподаватели Духовной академии Владимир Иосифович Бронский (1933–1996) и протоиерей Андрей Иванович Чижов (1944–1999), ключарь Свято-Троицкого собора протоиерей Сергей Иванович Чевяго (1947–1997).

Традиция погребения на монастырской земле освящена веками. Закономерно было основание четвертого кладбища лавры во дворе у паперти Свято-Троицкого собора. Здесь в июле 1917 были торжественно похоронены пять казаков, погибших в столкновении с противоправительственными силами. К сожалению, вскоре эти силы одержали верх, и казачьи могилы были уничтожены. Зато кладбищенское место заняли под так называемую «коммунистическую площадку», где без отпевания и молитвы хоронили под гром духовых оркестров, с развевающимися красными знаменами «героев» братоубийственной гражданской войны. Бог им судья.

Окончательное решение вопроса об этом кладбище во дворе лавры весьма сложно. Православная традиция избегает тревожить прах погребенных. Перенесение могил в иное место сопряжено не только с техническими проблемами. Рядом с ленинско-зиновьевскими сподвижниками (многие из могил которых были уничтожены еще при советской власти) здесь нашли упокоение выдающиеся ученые: академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934), профессора медицины Иван Иванович Греков (1867–1934), Глеб Александрович Ивашенцев (1883–1933), Сергей Петрович Федоров (1869–1936); герои обороны города в годы Великой Отечественной войны; десятки рядовых граждан, жителей нашего города.

Любое кладбище претерпевает естественное обновление, на месте забытых могил всегда появлялись новые захоронения. Возможно, на кладбище во дворе лавры стоило бы продолжить погребения — разумеется, по православному обряду, и с течением времени история сама разберется: чьи могилы исчезнут, как и память о похороненных в них, а о ком — память будет прочнее, чем надмогильный знак.

В.В. Антонов

СЕРАФИМО-АНТОНИЕВСКИЙ СКИТ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

*Вид на Серафимо-Антониевский скит лавры в Зачеренье
со стороны реки Оредеж. 1911 г.*

Грустно писать о том, чего уже нет. Кроме бугра земли, на котором сегодня высится нелепое сооружение — «капитанский мостик» пионерлагеря «Морская волна», ничего не осталось от красивого каменного храма, который с 1908 года стоял над Оредежью, среди леса, в скитском имении Александро-Невской лавры, в 13 км от станции Преображенская (ныне Толмачево) Варшавской железной дороги. Ничего, кроме следов фундамента, не осталось и от других — их было немало, деревянных и каменных — построек имения, в том числе и от дачи митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Что не разрушили атеисты, уничтожила война.

История загородного имения лавры началась в 1901 году, когда архимандрит Корнилий, наместник лавры, после долгих поисков купил за 114 тыс. руб. на р. Оредеж у немца, потомственного почетного гражданина Вильгельма Штрауса и его сестры поместье в 556 десятин, половина которого была покрыта сосновым лесом, а часть занята болотом и непроточным озером. Только десятая часть земли (48,2 десятины) использовалась под пашню и сенокос. Отец Штрауса приобрел пустошь Зачеренье в 1884 году у гвардейского штабс-ротмистра Н.А. Худякова. Мыза же с постройками и мельницей попала к Штраусу лишь в 1896 году от Ольги Васильевны Мейснер, которая купила ее двадцатью годами раньше у местной помещицы О.А. Оболенской. Имение этой семьи находилось в двух верстах, в селе Перечицы, где стояла деревянная Георгиевская церковь, которая появилась еще в новгородские времена. При покупке Зачеренья

вместе с барским домом, хозяйственными постройками и инвентарем половину стоимости имения возместила лавре городская дума Петербурга в обмен за землю, отчужденную при прокладке новых улиц. Смотрителем был назначен иеродиакон Тихон, бывший эконо́м Духовного училища.

Имение, находившееся «в образцовом состоянии», приобреталось с одной единственной целью: устроить здесь загородную дачу для правящего архиерея, каковым в это время был митрополит Антоний (Вадковский). Дело в том, что к концу XIX века Александро-Невская лавра, некогда находившаяся на границе Петербурга, оказалась полностью окруженной городскими кварталами, и ее земельные владения сильно сократились. Правда, митрополичий сад и садовый домик в нем продолжали существовать, но это место нельзя было более называть «дачей». Не лучше обстояло дело и с лаврской киногией на правом берегу Невы — городской застройкой вокруг там еще не было, но хорошего сада или леса тоже не было. Митрополиту фактически негде было укрыться для уединения и умственного и физического отдыха, которого все настойчивее требовали возраставшие нагрузки.¹

Строить дачу нужды не было — на высоком берегу Оредежи уже стоял большой двухэтажный дом с башенкой-бельведером, балконом, верандой и открытой террасой. Его отремонтировали, благоустроили, провели водопровод, обставили новой мебелью. В усадебном доме имелось 16 комнат. На первом этаже располагались кабинет, столовая, приемный зал, спальня, туалетная; на

Серафимо-Антониевский скит. Церковь и братские келии

втором — гостиная, спальня, кабинет, ванная. В каждой комнате висели иконы, привезенные из лавры: зал и столовую украшали гравюры. Перед дачей был разбит цветник, ее окружал английский парк, созданный прежними владельцами. Со временем на дачной площадке появился фонтан и калильный фонарь мощностью в тысячу свечей.²

Кроме митрополичьей дачи в парке стояла «малая дача», которую занял наместник лавры, и там же был выстроен двухэтажный деревянный дом для заведующего имением, которое должно было снабжать лавру молоком, картофелем, овощами, мукой, медом, сеном и дровами. По этой причине на уже существовавшей мызе дополнительно выстроили свинарник, птичник, пять ледников, дом для рабочих со столовой; устроили пасеку, молочную, водокачку и склад. С самого начала имение было подсобным хозяйством лавры и потому все время предпринимались значительные усилия, чтобы сделать его производительным и рентабельным. «Расчеты были построены так, что имение не только должно было оправдывать себя, но и вырабатывать еще порядочные излишки». Для ведения хозяйства нанимались батраки и поденщики, косари и жницы, пастухи, скотницы и лесорубы. Всесезонно работали мельник, садовод и лесник.

Хотя имение называлось скитом и в нем построили два больших каменных флигеля для братии, постоянно здесь проживало всего несколько (большей частью три-четыре) монахов и послушников во главе с заведующим. Только перед войной их число достигало 11–13 человек. В отдельном деревянном домике у озера, которое до сих пор носит его имя, находилась келья старого схимника — архимандрита Павла, любителя пчел. Летом на месяц-полтора с митрополитом из лавры приезжали иподиаконы, иеромонахи, иеродиаконы и певчие. Долше жил на даче наместник лавры. Когда лето кончалось, жизнь в скиту замирала. Ежемесячно на содержание братии в зимний период уходило всего 30–50 руб. Продукты (кроме собранных в поле) и керосин привозили из Петербурга или из станционной лавочки.

Церкви несколько первых лет в скиту не было, и братия, очевидно, молилась в домовом храме. Возможность выстроить отдельную церковь появилась летом 1904 года, когда вдова действительного статского советника Пелагея Петровна Никитенко завещала «на построение храма по усмотрению Духовного собора Лавры 24 941 руб.», что было довольно большим суммой. 31 января следующего года митрополит Антоний благословил

постройку церкви в Зачеренье. Ее проект был поручен молодому Л.П. Шишко (1873–1942), начавшему в это время возводить здание ризницы и древлехранилища на территории самой лавры, архитектором которой он был. До революции Шишко, однако, известность приобрел не церковными, а своими школьными постройками.

Выбирая стиль для нового храма, Шишко вдохновился елизаветинским барокко и применил на фасадах волютообразные фронтоны, люкарны, сложные наличники. Вместо пяти глав здание венчал низкий купол; на котором возвышался барабан с луковкой, декорированный волютами. Небольшая главка украшала также и абсиду. Основной объем соединялся трапезной с красивой двухъярусной колокольней — ее с трех сторон обрамляли портики с гранитными колоннами. Задуманный храм стилистически очень сильно напоминал церковь свв. Захарии и Елисаветы лейб-гвардии Кавалергардского полка, который видный зодчий Л.Н. Бенуа завершил в 1899 году на Захарьевской улице.

Составленная архитектором смета превышала завещанную сумму и, чтобы выйти из положения, наместник архимандрит Корнилий пожертвовал дополнительные 3 тыс. руб. Таким образом, деньги были собраны. Решено было «потребные для постройки материалы приобретать у лаврских поставщиков, а кирпич изготовлять домашним способом», для чего в имении в 1905 году по проекту Шишко выстроили небольшой кирпичный завод. Наблюдать за строительством лавра поручила иером. Филарету, своему эконому, иером. Иннокентию и самому архитектору, который в помощники взял А. Хартунова. Много для стройки сделал иером. Феофан (Туляков, 1864–1937) будущий епископ Кронштадтский и священномученик, назначенный в 1907 году заведовать имением.³

Весной 1905 года началась подготовка к строительному сезону: на участке рабочие корчевали лес, сносили ненужные деревянные постройки, заготавливали бут для фундамента и гранит для цоколя и колонн; из Чудова, с завода, везли портландцемент. Его сгружали на Преображенской и перегружали на баржу, которую пароход тащил по Оредежи. 16 мая с опытным петербургским подрядчиком К. Крусановым, который уже раньше работал в имении, был заключен договор на земляные и каменные работы. За лето и осень он успел выкопать котлован и забутовать фундамент, т. е. завершить нулевой цикл. Основные работы были перенесены на следующий год.

Осенью был утвержден окончательный проект церкви. В первоначальный вариант зодчий, по требованию заказчика, внес некоторые перемены — расширил алтарь, кирпичные колонны заменил гранитными, деревянные окна и двери — металлическими.

Наступил 1906 год — из-за революционных потрясений не самый благоприятный для строительных работ. Тем не менее они начались в срок, и 19 июня митрополит заложил храм на 800 человек во имя недавно прославленного прп. Серафима Саровского. Из приходской Георгиевской церкви в Перечихах пришел крестный ход с батюшкой, собрались местные крестьяне, из лавры прибыл хор.⁴

До зимы каменщики возвели стены из красного кирпича, который поставлял недавно выстроенный завод, но своды подрядчик Т. Матвеев сделать не успел, отчего постройку пришлось накрыть временной деревянной крышей. Одновременно была завершена постройка амбара и водопровода на дачу Владыки, а также нача-

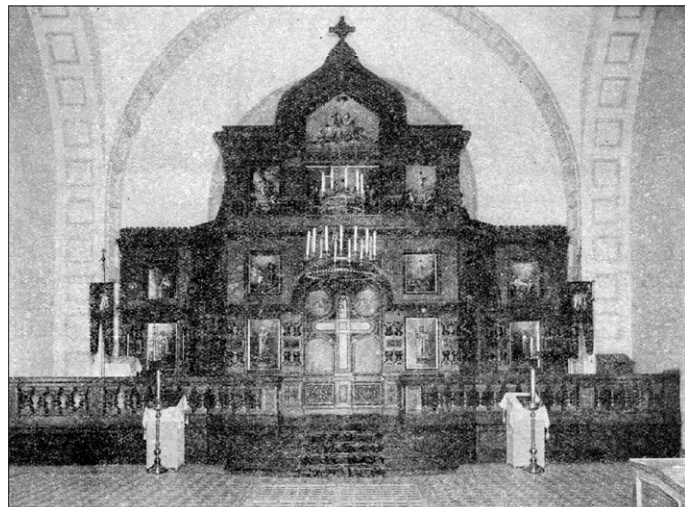
та прокладка булыжного шоссе длиной в две версты и устройство железной решетки вокруг церковного участка и дачи митрополита. В 1907 году предстояло провести самые большие и сложные работы по завершению строительства и украшению новой церкви, что требовало и крупных расходов, и строгого контроля. Еще до начала работ, в ночь на 5 апреля 1907 года, вооруженная шайка (аграрные беспорядки продолжались) ограбила в скиту двух насельников, после чего всех сторожей вооружили револьверами. Местному уряднику удалось задержать разбойников.

В соответствии с замыслом архитектора своды, барабан и купол делались из железобетона, а стены облицовывались желтым кирпичом, который поставляла из Петербурга фирма Пинеса, взявшая на себя много заказов по отделке. Например, для покрытия пола эта фирма доставила разноцветную метлахскую плитку. Все обычные слесарные и кузнечные работы делал Д.В. Осипов; художественные, в частности ажурные железные кресты, — мастерская Т.С. Ефимовой. Для оштукатуривания здания внутри и снаружи рабочих прислал подрядчик К.П. Данилов, для покрытия железом кровли и глав — И.Ф. Ульянов. На главы умелыми мастерами П.С. Абросимова наносился тонкий слой червонного золота ценой по 15 руб. за квадратный аршин. Вскоре золоченые главы ярко засияли среди зелени стройных сосен.

Украшения из цинка для капителей и баз гранитных колонн, для пилястр и кронштейнов на фасаде изготавливали в мастерской А.Г. Евдокимова. Везти богемские стекла для окон издалека было не нужно — около станции Преображенская, в имении Плоское, действовал хороший стекольный завод. Оттуда, на возах, их доставляли прямо в обитель. Колокола (их было шесть) купили за 3638 руб. тоже неподалеку — на известном колокольном заводе А.С. Лаврова в Гатчине. Большой колокол храму подарили. Колокола и кресты торжественно подняли 18 июля 1908 года после водосвятного молебна и освящения.⁵

Одновременно со строительством в 1907 году началась внутренняя отделка церкви, которая в следующем году шла особенно активно. Маляры И.И. Колобова красили стены, их украшая трафаретным орнаментом. Столярная часть, в том числе окованные железом двери, была поручена столярам С.Д. Нечаева, всегда работавшего для лавры. Шпунтованный паркет поставила и настала фирма Пинеса; ее печники сложили также 12 изразцовых печей в верхней и нижней церкви. Чтобы свет проникал в нижнюю церковь, та же фирма предложила использовать особые призматические стекла, вставленные в металлические рамы. Они монтировались в полу верхней церкви и были своеобразной технической новинкой в церковном зодчестве.⁶

К работе над трехъярусным иконостасом архитектор привлек двух крупных столичных мастеров: иконописца Федора Кирилловича Платонова, несколько лет назад написавшего иконы для Иоанновского монастыря на Карповке, и охтинского резчика Дмитрия Васильевича Дудакова, произведения которого украшали многие новопостроенные храмы. Иконостас был вырезан за 4400 руб. по эскизу Шишко из дуба «с окраской светло-коричневого тона под воск», а образа написаны за 3000 руб. частью на меди, частью на английском железе. Платонов начал исполнять их в сентябре 1907 года, завершив в конце апреля 1908 года. Ему был также заказан исполненный на зеркальном стекле запрестольный образ «Воскресение Христово», который украсил окно в абсиде.

*Серафимо-Антониевский скит.
Верхний храм прп. Серафима Саровского*

Известно, какие образа написал художник в иконостасе:

1-й ярус: справа — Спаситель и прп. Серафим Саровский (в рост)

слева — Богоматерь и св. Александр Невский (в рост). Северные двери — прп. Корнилий Комельский, южные — прп. Антоний Печерский.

2-й ярус: Рождество Христово, Успение Пресвятыя Богородицы, Преображение Господне, Крещение Господне.

3-й ярус: Тайная вечеря, Вознесение Господне, Введение во храм Пресвятыя Богородицы. Наверху помешалось изображение Новозаветной Троицы.

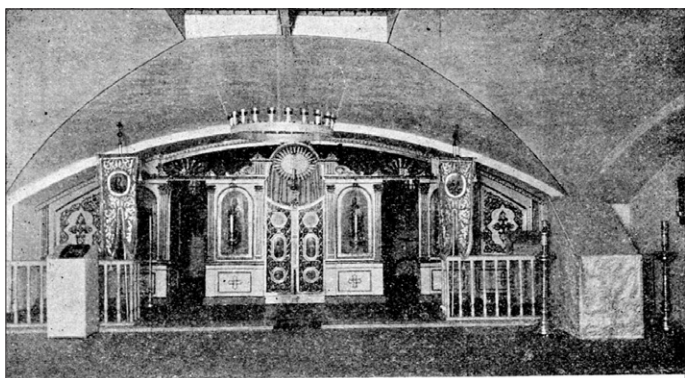
Уже после освящения, в начале 1909 года, резчику и иконописцу снова пришлось сообща потрудиться для украшения новой церкви. Дудаков вырезал дубовый киот, украсив его позолотой, а Платонов написал для него образ св. блгв. кн. Александра Невского, изобразив святого князя на золоченом чеканном фоне.

Позолоченную серебряную утварь, запрестольный крест, паникадило, подсвечники, шитую золотом плащаницу с гробницей и ризницу поставило товарищество «Оловянишников и сыновья», известное по всей России. Две бархатные хоругви с шитыми на них изображениями исполнило другое товарищество — «Сидорские» из Петербурга.

Незадолго до освящения из Валаамского монастыря пришла посылка — для жертвенника монахи написали икону «Моление о чаше».⁷

На освящение 2 ноября 1908 года скитского храма прибыли митрополит Антоний, епископ Гдовский Кирилл (Смирнов), будущий священномученик, и епископ Тамбовский и Щацкий Иннокентий, привезший в дар из Сарова образ прп. Серафима Саровского с частицей его св. мощей. Как отмечали газеты, «на торжество приехало много богомольцев из Петербурга и Луги». За богослужением пел митрополичий хор. На обильное угощение гостей, которое устраивал столичный магазин Елисеева, было истрачено 173 руб.

Минуло десять дней, и заведующий имением иером. Феофан просил назначить для обслуживания храма одного иеромонаха и одного иеродиакона, а также создать «небольшой, но обязательно вполне музыкальный хор певчих ... из пяти лиц вместе с регентом», поскольку

*Серафимо-Антониевский скит.
Нижний храм прп. Антония Печерского*

летом богослужение в храме часто должно было совершаться архиерейским чином. Кроме того, храму нужны были звонарь, пономарь и сторож.⁸

Эти просьбы нашли удовлетворение, а сам иером. Феофан за свое усердие и труды был вскоре возведен в сан архимандрита и назначен заведовать новой обителью, получившей по храму название Серафимо-Антониевский скит Александро-Невской лавры. Имение Зачеренье стало отныне именоваться Серафимово. Увы, недолгая жизнь была суждена новой монашеской обители в Лужском уезде С.-Петербургской губернии.

Однако об этом еще никто не догадывался, и имение продолжало обустраиваться: был возведен еще один двухэтажный корпус для братии, осушено и обращено в сенокосные угодья большое моховое болото, проведена мелиорация заливного луга у реки. Шла культивация леса — он был разделен на делянки и очищен от сухостоя и валежника. Чтобы засеять вновь освоенный сенокос, в 1909 году, опираясь на рекомендации ученых, в Луге были куплены 250 пудов шведского овса, три пуда тимopheевки, а для подкормки — восемь мешков суперфосфата. Укосы на торфяных и песчаных почвах были неплохими — три тысячи пудов лугового сена и две тысячи клевера. Хватало и для монастырского скота, и для поставки в лавру и на продажу.⁹

Архимандрит Феофан, до пострига целых 15 лет помогавший матери по сельскому хозяйству в имении, оказался рачительным и грамотным хозяином. Он считал, что «сельское хозяйство относится к числу тех торговых предприятий, доходность которых находится в прямой зависимости от числа отраслей...» Эти отрасли он старался активно развивать. Садовнику Адольфу Уцару Феофан предложил «заложить цветочный питомник и построить небольшую теплицу». Цветы должны были идти на продажу дачникам, ранние овощи — к столу. На водяной мельнице, которая стояла на р. Черной, стали молотить муку на рынок, получая временами неплохую прибыль. Чтобы в озере развести хорошую рыбу, всех щук решили умертвить гашеной известью.

Так как молоко от 18 дойных коров поставляли и в лавру, то, дабы оно не скисло при перевозке, для молочной купили новейший немецкий холодильник. На питание рабочим (включая сезонных) шли свинина, говядина и птица, которые в достатке производило хозяйство. К югу от строящейся церкви в 1908 году был заложен большой плодовый сад, где высадили 200 яблонь 24 сортов. Произвели также посадки клубники и малины. Зерновые, кроме овса, не сеяли — рожь выгоднее было покупать.

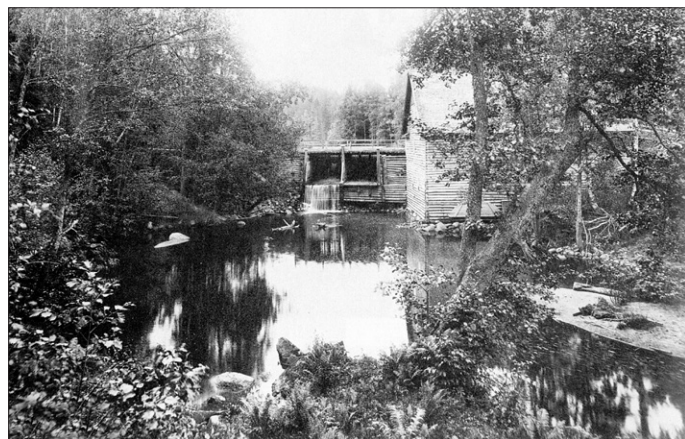
Заведующий имением заботился не только о процветании и доходности имения, но и об его украшении. «Для приведения в красивый вид, — писал он, — пространства перед церковью и дачею Его Высокопреосвященства с северной стороны необходимо приобрести и разсадить здесь: 1) штаммовые деревья в числе 21 штуки... 2) два пирамидальных куста в кадках, с большими белыми душистыми цветами... 3) различные душистые и цветущие кустарники в числе 462... 4) выющиеся разных сортов растения в числе 27 штук... 5) вдоль ограды разноцветные сорта махровой сирени в числе 210 штук». Парк имения занимал площадь в 27 десятин, в нем были проложены дорожки, расставлены скамейки, сделаны цветники. На Оредежи были устроены купальня и лодочная пристань.¹⁰

После освящения Серафимовского храма прошел почти год, и 2 августа 1909 года митрополит Антоний освятил его нижний придел во имя прп. Антония Печерского, основателя русского монашества. Над его украшением работало то же товарищество «П.И. Оловянишников и сыновья», которое за 1220 руб. сделало одноярусный с позолотой иконостас, поместив в нем написанные на цинке иконы — среди них изображения прпп. Антония и Феофана Печерского. Оно же снабдило этот придел утварью и ризницей. У товарищества «Сидорские» были куплены четыре иконы в технике метакромотипии. Снова потрудился Ф. К. Платонов — архимандрит Корнилий из лавры заказал ему запрестольный образ «Господь на престоле», исполненный на стекле.

В 1911 году известный придворный фотограф К.К. Булла снял виды имения и поместил 17 раскрашенных фотографий в большой альбом, снабженный печатным предисловием. Этот альбом — единственное полное свидетельство о том, как выглядел ныне исчезнувший скит «Серафимово».

В 1912 году в нижнюю Серафимовскую церковь был передан образ прп. Трифона Вятского в серебряном окладе, совсем недавно подаренный лаврой покойному митрополиту Антонию. Митрополит не так часто отдыхал в скиту, ибо его болезнь требовала лечения водами в Кисловодске. Не использовался скит — как поначалу предполагалось — и под санаторий для монахов, «кои нуждались бы в лечении естественными силами природы, хотя лесной воздух местности был действительно целительным. Лишь несколько лет отдыхал здесь лаврский схиархимандрит Александр.¹¹

Во время Первой мировой войны братский корпус отвели под лазарет для раненых, а для приюта увечных

Мельница Серафимо-Антониевского скита. Фото 1911 г.

воинов, которых лавра собиралась взять на свое содержание, в 1915 году построили отдельный корпус. Летом следующего года гостеприимством братии пользовались семеро сербов и трое румын, приехавших поступать в русские семинарии. Прежде чем они туда отправились, их полностью экипировали за счет лавры. К Пасхе имение сумело отправить в лавру 4 пуда масла и 8 пудов творога.¹²

Несмотря на все усилия, лавре хозяйство дохода не приносило — «все расчеты не оправдались... никакого дохода на самом деле не получила лавра ни от огородничества, ни от садоводства, ни от птицеводства, ни от молочного хозяйства. Все попытки поставить более или менее серьезно эти отрасли хозяйства заканчивались напрасною тратой денег и полными неудачами». И пасека, и разведение овец оказались нерентабельными. Фруктовый сад захирел, так как все яблони «объели зайцы»; ягодник выродился. Лес — «очень ценная часть имения» и облагороженные луга требовали постоянного ухода, а денег на это не хватало. Везти в Петербург дрова оказалось черезчур дорого. Сено и молоко давали мало прибыли, ибо шли в основном в лавру, из которой на имение ежегодно поступали дотации в среднем до 20 000 рублей. Даже мельница не была доходной, несмотря на полную ее реконструкцию.¹³

С ухудшением положения в стране ухудшилось и положение в лаврском скиту. В марте 1917 года лавра прекратила покрывать дефицит на содержание братии, уже сокращенной с семи до двух монахов, и оставшихся рабочих (7 человек). В церкви еще в предшествующем году отменили богослужение зимой. Только она да военное время предотвратили радикальную меру — продажу убыточного имения. Дом наместника решили сдавать, другие здания заколотить. Пришлось забивать свиней, продавать коров и лошадей, уволить садовника. На трапезе рабочие уже не получали молоко и мясо. Не хватало керосина и, чтобы освещать помещения и подавать воду, на мельнице поставили динамо-машину. Резко сократились запашка и посев. Военные власти переписали постройки, предполагая расквартировать в них солдат тыловых частей.

Крестьяне начали самовольно захватывать покосы, рубить лес и собирать валежник. Стоявший по соседству Кирасирский полк забирал себе сено и пас коней на монастырских лугах. Поскольку в скиту стало небезопасно, 31 августа 1917 года из лавры пришло распоряжение доставить для хранения в лаврской ризнице имеющиеся в церкви имения праздничные св. сосуды; что же касается более или менее ценных предметов, находящихся в помещении митрополичьей дачи, то таковые надлежит, по возможности без огласки, перенести оттуда для хранения в более безопасное помещение». Богатую утварь и митрополичью ризницу иеромонах Алексей, новый заведующий имением, вскоре переправил в лавру.¹⁴

В следующем году, после случившегося ограбления, в лавру отправили «все серебро и лучшую посуду из митрополичьего дома». Местный земельный комитет отнял у скита мельницу и две трети заливных лугов, незаконно разрешил рубить на дрова монастырский лес, реквизировал дом, предназначавшийся для военных инвалидов. На жалобы и требования комитет отвечал со все возрастающей наглостью. В скиту, однако, продолжали еще вести

У святого
источника
близ скита

хозяйство, отправляя его продукты в лавру, для которой они стали «почти единственным источником снабжения, более или менее верным». Летом пустующие корпуса заняли дети, которых прислало из Петрограда Братство приходских советов. В 1919 году сделать это было уже невозможно, ибо в этих местах полыхала гражданская война, которая, несомненно, затронула и скит.¹⁵

К сожалению, в настоящее время мало известно о том, что произошло с Серафимо-Антониевским скитом в последующие годы. Церковь — интересный образец стилистических исканий в русской архитектуре XX века была закрыта в 1923 году, когда в других зданиях уже размещался туберкулезный санаторий. Точная дата разрушения храма не установлена. Возможно, это произошло в годы последней войны. На руинах новые хозяева соорудили уродливый «капитанский мостик». Хотя окрестные жители еще помнят, что на этом месте когда-то стояла красивая церковь, они мало могут рассказать о самом ските и его жизни.

Примечания:

¹ РГИА, Ф. 835, Оп. 3, Д. 363, Л. 8–15; Ф. 815, Оп. 11, Д. 58, 1902 г., Л. 39; Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1901. № 190; С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра. СПб. 1997. С. 669–670

² РГИА, Ф. 814, Оп. 14, Д. 95

³ РГИА, Ф. 835, Оп. 1, Д. 633 (проект); Ф. 815, Оп. 11, Д. 78, 4.1, Л. 1–13; Д. 56, 1914 г., Л. 158–160. Все дальнейшие дела относятся к последнему фонду и к указанной описи.

⁴ Д. 78, Ч. 1, Л. 27, 40–45, 117. Колокол. 1906. № 154

⁵ То же. Ч. 1. Л. 237, 239; Ч. 2, Л. 36. 124, 143

⁶ То же. Ч. 2, Л. 12, 30, 270–272

⁷ Д. 78, Ч. 1, Л. 271–273, 316; Ч. 2, Л. 143, 278; Д. 94, Л. 14–20

⁸ Д. 78, Ч. 2, Л. 222, 240–250. Петербургский листок. 1908, № 304, С. 3

⁹ Д. 58, 1909 г., Л. 40; Д. 58, 1910 г., Л. 124

¹⁰ Д. 58, 1907 г., Л. 136–140, 213; Д. 58, 1908 г., Л. 21

¹¹ Д. 58, 1911 г., Л. 56–60; Д. 78, 4. 2, Л. 283; Д. 94, Л. 7–9; Д. 56. 1914 г., Л. 158; Д. 56, 1917 г., Л. 48

¹² Д. 94, 1916 г.

¹³ Д. 56, 1916 г., Л. 116–121; Д. 56, 1914 г., Л. 159

¹⁴ Д. 56, 1916 г., Л. 160; Д. 56, 1917 г., Л. 51, 127, 167, 178

¹⁵ Д. 56, 1918 г., Л. 9, 31, 34, 172, 242

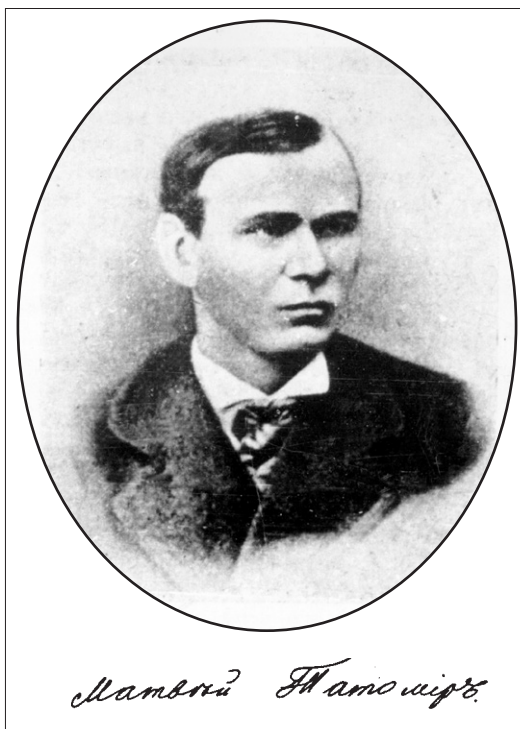
ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

А.В. Нерсисян, Н.Н. Скакун, О. Н. Шумихина

БЛАЖЕННЫЙ МАТВЕЙ ТАТОМИР, ЗАТВОРНИК ПЕТЕРБУРГСКИЙ

В конце XIX — начале XX в. среди различных слоев петербургского общества было популярно имя Матвея Татомира, прославленного молитвенника, затворника и ревнителя Святой Троицы. Благочестивая жизнь этого человека служила примером для мирян, а его советы, предостережения, прозрения оказывали существенную помощь и духовную поддержку нуждающимся. После смерти долгое время его могила, расположенная в юго-западной части Никольского кладбища Александро-Невской Лавры ¹, являлась объектом народного поклонения. Многочисленные паломники стремились приложиться не только к останкам покойного, но даже к его одежде. Свободный доступ к погребению был закрыт лишь в 1925 г., о чем сообщает в небольшой заметке «Красная газета», объясняя причину закрытия, с одной стороны, гигиеническими соображениями, с другой — лихоимством священнослужителей, собиравших плату за вход ². Несмотря на такую популярность и упоминания имени Татомира в большинстве специальных изданий ³, многие страницы жизни этого замечательного человека оказались забытыми. Даже дата его рождения и сведения об окончании университета, имеющиеся на мемориальной доске, оказались неточными. Собрав по крупицам данные о М. Татомире в литературе и различных архивах, беседуя с людьми, обладающими той или иной информацией, мы получили возможность рассказать о некоторых событиях из его жизни.

Матвей Татомир, согласно копии метрического свидетельства, родился 16 ноября 1848 г. (а не 10.08)

в украинском селе Стрильчинец Каменец-Подольской губернии в семье приходского священника Климентия Татомира. Его мать Ефросинья Матвеева происходила также из семьи духовного звания. Фамилия Татомир довольно редко встречается как на Украине, так и в России. Среди известных людей можно назвать только польского историка XIX в. Л. Татомира. Возможно, он был только однофамильцем, но то, что его труды печатались во Львове, недалеко от места рождения М. Татомира, не исключает вероятность их семейного родства.

Как многие дети священников, Матвей Татомир окончил курс Духовной семинарии в Подольске и, получив аттестат

в 1867 г., был причислен в чине ко второму разряду. Казалось бы, ничто не мешало его духовной карьере, однако он выбрал иную стезю. В июне 1871 г. Матвей Татомир приезжает в Санкт-Петербург, поселяется на Васильевском острове в доме № 24 по Малому пр.: между 9-й и 10-й линиями, где живет следующие шесть лет. Непосредственной причиной приезда в северную столицу явилось желание поступить в университет, о чем свидетельствует поданное 12 августа прошение о зачислении на восточный факультет, на отделение турецкого, арабского и персидского языков. После надлежащих испытаний и зачисления началась новая жизнь, события которой в дальнейшем имели большое значение.

По счастливой случайности нам удалось отыскать в университетском архиве личное дело Матвея Татомира, состоящее из 56 листов ⁴. Об уни-

Дом на Ивановской улице, 22, в котором в затворе проживал блаженный Матвей

кальности этой находки красноречиво говорит тот факт, что в архиве имеется ничтожно мало студенческих дел того времени. Трудно описать наши чувства, когда мы впервые перелистали пожелтевшие хрупкие листы. По регистрационным отметкам было ясно, что они побывали только несколько раз в руках неутомимых архивариусов при плановых просмотрах, да еще при составлении указателя по университетскому архиву. Несмотря на бюрократическую сухость большинства документов, этот источник и несколько писем-просьб самого Матвея, хранящихся там же, являются основными для анализа становления его личности в молодые годы.

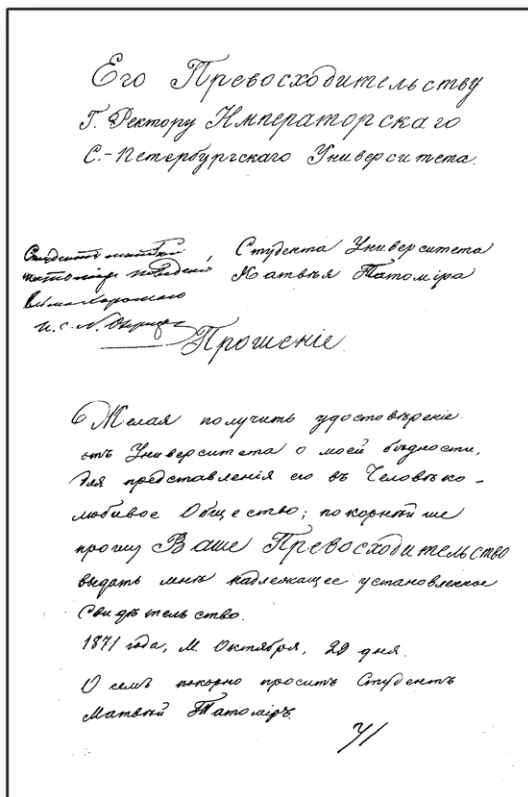
Одной из тяжелых проблем его студенческой жизни было абсолютное отсутствие каких-либо средств к существованию. На первом курсе в первом полугодии он был освобожден от уплаты за обучение, но затем ни личные ходатайства, ни справка из канцелярии обер-полицмейстера об отсутствии у него какого-либо состояния не помогли ему стать стипендиатом. В течение ряда лет Матвей Татомир пытается найти средства для продолжения образования. Получая из канцелярии университета справки о бедности, он неоднократно обращается за помощью в Императорское Человеколюбивое Общество, а также просит графа Н.С. Строганова рекомендовать его в частные дома для репетиторства или получить какую-то работу по письменной части. Кроме этих чрезвычайно тягостных обстоятельств, его здоровье оставляет желать лучшего. В документах есть запись о его пребывании в Петропавловской больнице.

Учебные дела тоже идут с большим трудом. Вероятно, уровень подготовки Подольской семинарии не соответствовал университетским требованиям, так как очередной отказ в стипендии или отмене

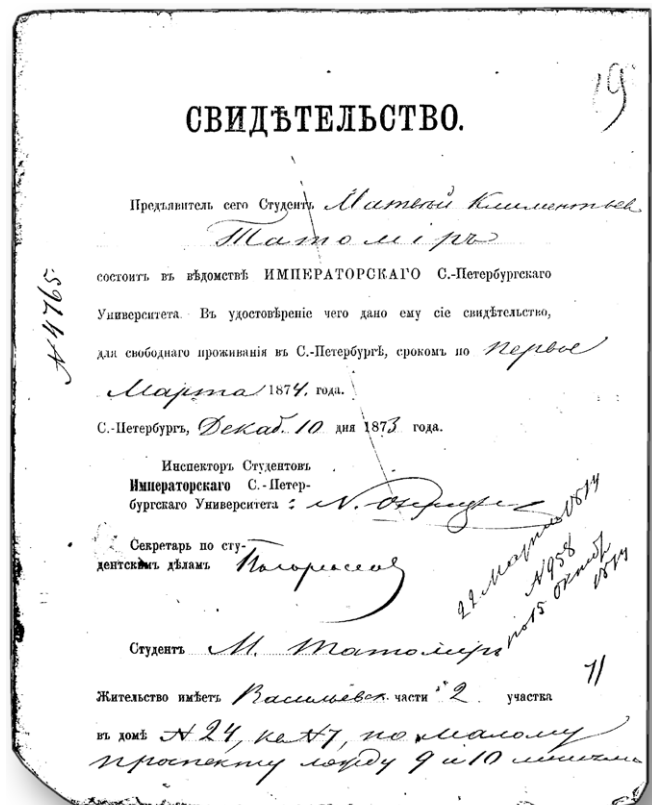
платы за обучение канцелярия мотивирует несдачей переходных экзаменов и отсутствием надлежащих успехов, при этом подчеркивая хорошее поведение. Стремясь удержаться в университете и не перейдя на следующий курс восточного факультета, Матвей Татомир переводится на юридический. К такой уловке — переходу с факультета на факультет прибегали, желая сохранить свой студенческий статус, многие, пополняя многочисленные ряды «вечных студентов». К сожалению, Матвей снова не смог заплатить за слушание лекций и просил перенести экзамены на осень. На этот раз, несмотря на поручительство нескольких преподавателей, 9.10.1874 г. его отчисляют, о чем имеется официальное уведомление. Сам Татомир пишет, что отчисление произошло 25.10.1875 г. Неясно, каким образом остался жить в Петербурге, но в июне 1876 г. бывший студент ходатайствует, и как будто успешно, об очередном переводе на историко-филологический факультет, и в сентябре-октябре, по его словам, снова посещает лекции. Но судьба готовила ему другую участь.

1870-е гг. в России отмечены активизацией общественной жизни. В студенческой среде живо обсуждались споры между западниками и славянофилами, молодежь делилась на партии и поддерживала тех или иных профессоров, подготавливались, а часто устраивались экспромтом многолюдные собрания. Одно из них произошло 1.11.1876 г. в университете. В делах Совета университета сохранилось донесение ректору, в котором инспектор студентов Н. Озерецкий сообщал, что в 11-й аудитории столпившиеся студенты ораторствовали, не хотели расходиться, и причиной этому был М. Татомир. Сам возмутитель спокойствия описывает происшедшее более подробно. Пламенной речью он защищал честь профессора О.Ф. Миллера против студентов-сторонников профессоров Г. Краевского и А. Градовского.

В начале большинство собрания поддерживало оратора, но затем, как он объясняет, «за мое красноречие и ораторство вместо аплодисментов обе партии, а их было около 400 человек, по своей зависти и злобе стали осыпать меня разного рода оскорбительными словами и ругательствами, называя бунтовщиком, подстрекателем, шпионом, действующим заодно с сыскной полицией». В специальной литературе о студенческом движении XIX в. никаких данных об этой студенческой сходке не сохранилось. Вероятно, она не имела большого резонанса, но сыграла определенную роль в жизни Матвея Татомира. Поскольку в это время он уже не числился в списках студентов, к нему не

Прошение студента университета Матвея Татомира
о выдаче ему свидетельства о бедности

Паспорт (свидетельство для свободного проживания
в С.-Петербурге) блаженного Матвея

могли быть применены университетские законы, то после донесения инспектора его дело, несмотря на все заверения в невиновности, было передано обер-полицмейстеру, который приказал выслать Татомира по месту жительства родителей, в Каменец-Подольскую губернию.

Матвей Татомир трагически воспринял произошедшее. Было оклеветано его бескорыстное выступление в защиту любимого профессора, известного своей добротой и помощью бедным студентам, уволенному позднее из университета за критику Каткова⁵. Высылка из Петербурга была тяжела вдвойне. Во-первых, она воспринималась как конец возможности сделать карьеру, а во-вторых, нельзя было сообщить об этом своим родителям, возлагавшим на сына определенные надежды. К тому же в это время родители переживали тяжелую утрату — смерть другого сына. Как говорят документы, оказавшись в Каменец-Подольске, Матвей, щадя родителей, не известил их о своем приезде.

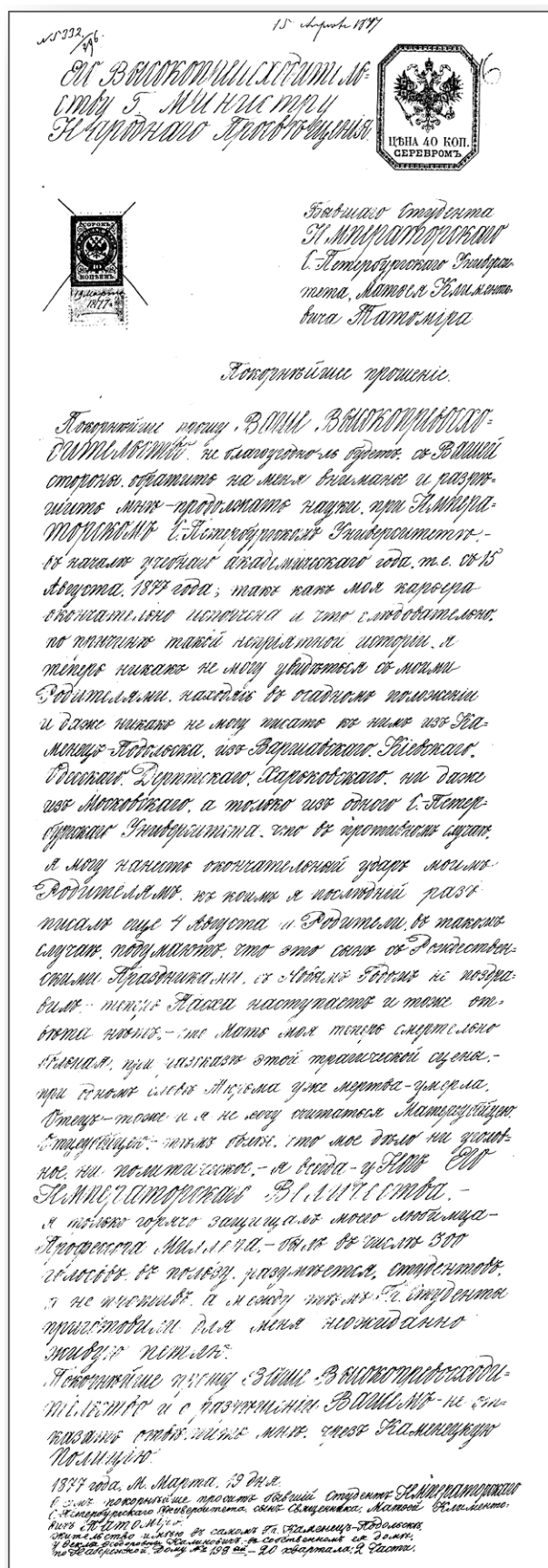
Из этого города, из дома вдовы Ф. Калинович, Татомир шлет многочисленные пространные и отчаянные прошения в Петербург на имя министра

народного просвещения, ректора университета с просьбой о восстановлении и возможности продолжить образование. В них он объясняет, что отчисление было сделано за неуплату вноса, а сходка, после которой последовала высылка, была не политической, хотя признается и в участвовал еще в трех подобных. По тону писем чувствуется желание просителя упрощить особ, от которых зависит решение его дела. Прошениям был дан соответствующий ход, в канцелярии университета составлена подробная справка-выписка из личного дела и отправлено письменное решение о возможности восстановления, но после предоставления характеристики о поведении от каменец-подольского полицмейстера. Неизвестно, по каким причинам, несмотря на большое желание и активные хлопоты, эта характеристика не была представлена в университет, и Матвею Татомиру не удалось окончить свое образование. Возможно, эти события, в особенности несправедливое наказание, и послужили толчком для выбора Татомиром другого пути.

В настоящее время мы не имеем достоверных данных о жизни Татомира в последующие годы.

Немногочисленные свидетельства нуждаются в дополнительной проверке. Мы не знаем точно, когда Татомир возвратился в Санкт-Петербург, но в справочнике «Весь Петербург» за 1899 г. он значится как потомственный почетный гражданин, проживающий по улице Ивановской в доме № 22 (Социалистическая ул., 22). Этот дом, построенный в 1878 г. известным архитектором В. Шретером, тогда принадлежал купцу 1-й гильдии В.Г. Шульцу. Купец, имевший ряд предприятий, состоял во многих благотворительных обществах, одним из них было и Высочайше учрежденное Николаевское общество по разбору и призрению нищих. Это обстоятельство, возможно, помогает понять, почему именно в этом доме жил до своей смерти, последовавшей в 1904 или 1905 году, Матвей Татомир. Его погребение на престижном Никольском кладбище, а также возведение склепа-часовни были свершены стараниями ревностных его почитателей⁷. Говорят, что на этой могиле любил молиться Владыка Вениамин.

Литература:

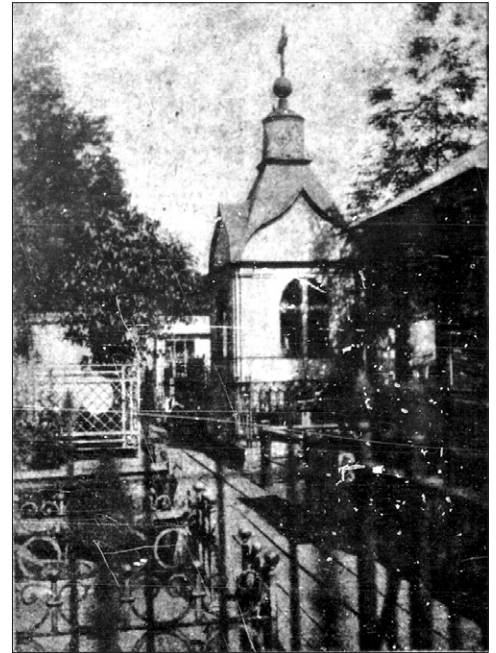

ЗАТВОРНИК МАТВЕЙ

В конце Никольского кладбища Александро-Невской лавры среди многочисленных памятников есть скромная часовня-склеп, посещаемая не только простым народом, но и людьми высокообразованными. На ней золоченый крест с такой же фигурой голубя в натуральную величину. По этому «голубю» все узнают могилу затворника Матвея. По самой обстановке часовни можно судить, что здесь похоронен незаурядный человек. Внутри часовни много икон, из которых одна иносказательно, в лицах изображает разные христианские добродетели: смирение, чистоту, любовь, надежду и т.п. В углу на кануне помещена надпись, гласящая, что здесь погребено тело «ревни-теля Св. Троицы затворника Матвея Климентовича Татомира, сына протоиерея, скончавшегося 57 лет в 1904 году». С левой стороны виднеется поясной портрет его в светском костюме. Несколько жутко по узкой лестнице спускаться в склеп часовни. Но это только в первый момент: все здесь умиротворяюще просто. Теплятся небольшие лампадки и мигают свечи, воткнутые в песок в особом блюде. На надгробии, покрытом темной пеленой, положены Евангелие и Псалтирь для тех, кто пожелал бы прочесть из них у могилы. В записках, которые кладут тут же, изложены разнообразные просьбы к «затворнику»: о получении места, об удачной сдаче экзаменов и прочее. Но больше всего здесь поминаний с именем самого раба Божия Матвея.

Кто же он? В самой лавре почти никто не знает о нем. Здесь заявляют, что Матвей спасался в затворе не в монастыре, а в городе и среди обычных людей. Матвей Татомир, несомненно, выделялся особым религиозным складом и характером деятельности. Его совсем не увлекала светская карьера, достичь которой ему, при высшем образовании было сравнительно легко. Он «спасался» в миру, и в этом находил для себя

смысл и ценность жизни. М.К. Татомир, — рассказывал один из его сотоварищей по образованию уроженец Подольской губернии, сын зажиточного, уже давно умершего протоиерея. Обучался он сначала в Каменец-Подольской Духовной семинарии и поражал всех своей необычной скромностью, незлобивостью и, в особенности, чуткой религиозной настроенностью. Товарищи были убеждены, что Татомир непременно пойдет в монахи. Но, по-видимому, для этого встретились серьезные препятствия. После выпускного семинарского экзамена юноша, пройдя к владыке Леонтию (впоследствии митрополит Московский), стал что-то шептать ему на ухо, но архипастырь, как это замечено было по его жестам, протестовал. О чем говорил Татомир, так и осталось тайной. Возможно, что он просил у владыки благословения на иноческий подвиг, но тот отклонил его намерение, так как был вообще против пострижения молодых людей в монахи. В начале 1880-х годов прошлого столетия юноша обучался в петроградском университете, где с успехом окончил курс на физико-математическом факультете. Подробных сведений о студенческих годах Татомира, к сожалению не сохранилось. О дальнейшей же жизни его крестница, теперь уже почтенная старушка, Любовь Матвеевна Л. передавала слелующее: «Крестный мой отец, благодаря которому я перешла из лютеранства в православие, вскоре по окончании университета отправился в старый Иерусалим, где пробыл более трех лет. По возвращении оттуда он сначала проживал в заречных частях города, а затем переселился в центр города — на Ивановскую улицу, д. 22, кв. 18. Я жила у него в качестве прислуги 13 лет. Человек он был очень богомольный: с ним ходили мы по разным церквям,

*Часовня
над могилой
блаженного
Матвея
на Никольском
кладбище
Александро-
Невской лавры.
Фото 1917 г.*

Склеп в часовне блаженного Матвея. Фото 1917 г.

особенно, когда происходили какие-либо торжественные службы. Небольшая квартирка на Ивановской была часто переполнена людьми разного звания. Но чаще всего к нему приходили те, кого постигла какая-нибудь нужда, горе, несчастье. Все уходило от него утешенные, с облегченной душой. Не мало он оказывал денежной помощи беднякам — платил за них долги. Последние семь лет с ним совершилась перемена: он уже никого не принимал у себя и стал жить в полном «затворе», в комнате, его молельне. Пищу ему я готовила самую суровую: печеный картофель, капусту, грибы, вареного он ничего не ел. Чай пил с небольшим кусочком булки. По временам слышно было, что он усиленно молился в своей комнате и клал земные поклоны.

Однако все это он старался сделать тайно, отсылая меня к службе».

Кончина Татомира была довольно таинственной. Еще в начале сентября 1904 года он загадочно сказал Любови Матвеевне: «Я скоро уйду отсюда», но куда — не пояснил. Когда чай около 7 часов был готов, сказал ей: «Ты пей сама, а я не хочу. Спать не ложись, а произнеси молитву хотя бы самую коротенькую: «Господи, помилуй!» Он сидел полусогнувшись на кровати, ни на какую болезнь не жаловался. Затем попросил принести ему святой воды в чашке и выпил ее. И опять сказал: «Ты не смущайся и твори молитву». В 10 часов он поник головой и скончался тихо, без страданий. Прибывший врач лишь удостоверил акт смерти, это было 17 сентября 1904 года. Квартира усопшего быстро наполнилась многочисленными его почитателями, прибывшими отдать ему последний христианский долг...

(журнал «Русский паломник», 1917, № 35–36)

Молитвенное почитание блаженного Матвея

Среди прихожан Троицкого храма Александр-Невской лавры я заметил сослуживицу с прежней работы. Я окликнул ее, и мы поговорили. Она сказала, что хочет навестить одну могилку на Никольском кладбище и пригласила меня пойти вместе с ней.

И вот мы идем по аллее старинного кладбища.

На кладбище сыро. Сквозь пелену облаков расплывчатым пятном тускло светит солнце. Молча следуя за знакомой, она сворачивает с аллеи на тропинку. Лужи. Мокрая высокая трава. Поломанные надгробные решетки, опустевшие фундаменты, разрушенные склепы... Останавливаемся около небольшой часовни.

Я с интересом разглядываю надгробие: окна часовенки заварены железными листами и покрашены зеленой краской. Через маленькое отверстие заглядываю внутрь: кафельный под проломан, штукатурка и лепнина осыпались... Снаружи на часовне прикреплена расколотая мраморная плита. Читаю надпись: «Ревнитель Пресвятой Троицы и затворник Блаженный Матвей Татомир. Род. 1848 году 10 августа; умер 1904 году 16 сентября. Сын протоиерея, окончил духовную семинарию и университет».

Я жду разъяснений, и Ирина Львовна (так звали мою знакомую) рассказывает:

— Это было давно, еще в советские времена, у меня тогда шла полоса невезений, а главное, не найти было работу.

Кто-то посоветовал мне сходить на Никольское кладбище Александр-Невской лавры, отыскать могилу Матвея Татомира, помолиться, попросить его помощи в поисках работы. Сказали, что ходит поверие, будто бы этот блаженный помогает в тру-

доустройстве. Ну что оставалось делать? Хотя я и не очень-то верила в чудо, но все же пришла к часовне и молилась здесь... Потом, не помню сейчас точно: в тот же день или на следующий, со мной прямо на улице заговорил незнакомый мне мужчина и как-то к слову спросил: «Не хотите ли к нам устроиться на работу?» Я записала адрес Всесоюзного аккумуляторного института. А на следующий день у проходной ожидала встречи с тем человеком. Его долго не было, и тогда я заглянула в отдел кадров и объяснила ситуацию. Моему приходу обрадовались, сказали, что их предупредил сотрудник и меня уже давно ждут. Попросили документы и тут же оформили на работу.

Часовня над
могилой
затворника
Матвея.
Современный
вид

После этого я не раз вспоминала добрым словом блаженного Матвея и уже просто так навещала его могилку. Интересно, что мужчину того я больше никогда не видела. Проработала я в НИИ 8 лет, и только потом перевелась в другой институт.

Аккумуляторный институт находится на берегу реки Карповки и примыкает к зданию Иоанновского женского монастыря. Мне каждый день приходилось ходить на работу через проходной двор монастыря. И в то советское время я каждый день видела людей,

целовавших каменный цоколь здания, около того самого подвального окошечка, за которым размещалась усыпальница Иоанна Кронштадтского, когда же о. Иоанна Кронштадтского причислили к лику святых, я не раз сама бывала в его усыпальнице и почитала, как старого знакомого святого. А теперь вот хожу в Александро-Невскую лавру и почитаю еще и св. Александра Невского.

А.В. Медведев

Из надписей на стенах часовни блаженного Матвея

Блаженный Матфей!

Моли Господа о ниспослании покаяния мне грешной и укрепления веры

Святой Матфей! Помоги мне родить здорового крепкого и счастливого ребенка, дай сил и счастья мне и моим близким.

Блаженный Матфей! Помоги внуку моему Кириллу. Укрепи его здоровье, особенно зрение и нервы. Охрани его от зла! Спасибо.

Блаженный Матфей! Помоги благополучно отслужить молебен 1.11.97 на месте будущей часовни св. прав. Иоанна Кронштадтского. (В другой день). Помоги построить забор и найти вагончик.

Блаженный Матфей! Помоги мне, пожалуйста, поступить в СГУ. Очень тебя прошу. Спасибо!

Блаженный Матфей! Вразуми Сергея и Татьяну, быть ли им вместе? Н.

Блаженный Затворник Матфей! Моли Бога о грешной рабе Божией Светлане, о исцелении души и тела. Да благословит Господь брачные венцы рабам Божиим Владимиру и Светлане.

Исцеление тела от недуга да пошлет мне Господь!

Блаженный Матфей! Помоги, пожалуйста, мне в самое ближайшее время долго и счастливо встречаться с Андреем, любя друг друга. Заранее большое спасибо!

Святой блаженный Матфей!

Помоги, моли Бога о нас даровать силы, разумение, веру нелицеприятную, мир душевный среди некрещеных родственников, мир со мужем с коим по своей греховности и вздорности, не имею духовной близости! Просвети его! Помоги мне разобраться в себе, помоги увидеть свои ошибки, исправить их, не докучать своим близким нытьем другим людям, а главное сейчас — испроси у Бога здоровья для моей дочери долго и непрерывно болеющей, матери моей — утешение, вдовице сестре — сил и здоровья.

Блаженный Матвей! Помоги мне, пожалуйста, пройти 2-й тур олимпиады и поступить в Ф.Э.И. Спасибо!

Святой Матвей! Помоги мне вернуть мою любовь.

Алеша

Блаженный Матфей! Исцели, пожалуйста, меня от моей болезни.

Блаженный Матвей, помоги мне найти хорошую работу. Рассуди, как считаешь.

Вера

Блаженный Матфей, исцели мою маму, дай счастье нашей семье. Исцели меня от всех болезней.

Блаженный Матфей! Помоги, пожалуйста, моему сыну Евгению перестать пить. Дай ему, пожалуйста, силы ума, помоги обрести хороших друзей. Благослови Евгения.

ПОДВИЖНИКИ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

Старец Патермуфий

В Отенском Новгородском монастыре был известный мне любитель безмолвия и сердечного трезвения, монах Патермуфий. Он жил в Отне, пока народу ходило туда мало; когда же провели туда новую широкую дорогу от Новгорода, Патермуфий бежал и начал жизнь юродственную. Митрополит Гавриил, уважая его, позволил пребывать, где захочет. И жил он в Новгороде и Петербурге где попало, и часто по ночам при церквях молился. Ходил в чем попало; я видал его сидящим на распутиях с несколькими в руках копейками, как бы милостынею; но что ему давали, все раздавал нищим. Иногда видал в Хутынском Ореховском саду, сидящего суток трое и сильно укусанного комарами. Он тридцать лет ни с кем не говорил. Все священное и отеческое писание знал вполне; имел дар прозорливости и рассуждения. Кто с верою спрашивал о чем, отвечал минами, и верно. Скончался и погребен в Невской лавре.

Знаю и ныне богоугодных подвижников, в трезвении сердечном занимающихся Иисусовою молитвою; но Испытующий сердца и утробы и считаяй множество звезд, знает и видит их лучше меня.

Соловецкий Патерик

Преподобный
Патермуфий
Египетский

Очень ранней весной, в начале марта 1927 года, Владыка Мануил с Соловков написал мне, чтобы я нашла на Тихвинском кладбище Лавры могилу монаха Патермуфия и могилу схимон. Алексия.

Немедленно двинулась на розыски... Могилу и кирпичное надгробие с крестом старца Алексия я нашла на первой, главной дорожке, но в боковые проникнуть не смогла: все было затоплено весенним таянием снегов. Недели через три пошла на поиски опять. И быстро нашла каменную плиту, почти вросшую в землю, где была высечена надпись: «Здесь покоится прах монаха Патермуфия». Плита была огорожена железной оградой, также вросшей в землю. Могилка старца оказалась под окошечком маленького домика, как я поняла, сторожки. Дверь в нее была открыта. Я заглянула...

В полу стояла вода, по которой были настелены доски, и на них, на коленях, молился пожилой человек. В углу, перед иконой Божией Матери, похожей на картины итальянских художников, горела лампадка. Я сразу узнала молящегося, когда он обернулся: это был старый швейцар митрополичьих покоев — Сергей Афанасьевич. Мы не были знакомы, мне его называли давно наши лаврские богомольцы — он всегда стоял за службами...

Всегда один и глубоко сосредоточен. Неутешная скорбь была написана на его благообразном, благоговейном лице. Мне рассказывали, что Сергей Афанасьевич живет один и весь погружен в молитву и незабвенную память покойного Митрополита Вениамина, у которого он служил, расстрелянного большевиками летом 1922 года.

Мы поздоровались, как знакомые, и Сергей Афанасьевич сразу ушел, после нескольких слов о «домике»,

который он считал, как я поняла, и келией о. Патермуфия. В следующие мои посещения я его не встречала — он приходил рано. Нашла я его там, придя в тот день, сразу после открытия ворот кладбища.

Вместо Сергея Афанасьевича в домике Патермуфия появилась женщина лет 60-ти, потом стали приходить сюда молиться люди и приносить иконы и лампады, которыми вскоре и были заполнены все стены. У задней стены было нечто вроде скамьи и ложа — здесь отдыхал когда-то ночной сторож, но все посетители «домика» были уверены, что это ложе старца Патермуфия. Сбоку, в «головах» этой скамьи я заметила громадную, совершенно черную икону на толстой доске, и с трудом разобрала, что это — «Покров» Пресвятой Богородицы, в уголке иконы изображена Богородица как Посетительница больного.

Это изображение называется «Целительница».

Женщину, присматривающую за «домиком» и за лампадами, звали Мария Ивановна, и она там находилась с открытия до закрытия Тихвинского кладбища ежедневно.

Лампад стало очень много. Люди клали копейки на

Место погребения старца Патермуфия
возле северных ворот Тихвинского кладбища

масло. В окошке на широком подоконнике стоял канун, т.е. металлическое распятие, перед которым возжигали и свечи, принося их с собой, и всегда горела лампадка.

В домике царила атмосфера тишины, радости, дружелюбия. Душа там отдыхала... Я выпросила у Марии Ивановны маленькую, тоже старинную, но «фряжского» письма иконку «Целительницы», и хранила ее как благословение о. Патермуфия. Я немного умела рисовать и по просьбе Марии Ивановны стала писать на фанерных досочках маленькие иконки Ангела о. Патермуфия — египетского подвижника прп. Патермуфия, по 25, 35 и 50 копеек. Деньги тогда были дорогие, и этот мой труд был каким-то подспорьем в нашей убогой, почти нищенской жизни. Иконки раскупали охотно, а я все более связывалась духовно с почившим подвижником.

Господь привел мне прочесть о его жизни. Это был Христа ради юродивый, не имевший нигде обиталища. Долгое время он провел, сидя на дороге между С.-Петербурга и Новгородом, на месте, называемом Отня, во всякую погоду, без крова и почти без пищи. Только под старость он пришел в Александро-Невскую Лавру, принял монашество и остался в обители.

Прошло 4 года моего нахождения около «домика». Мария Ивановна и многие постоянные посетители заметили, что каменная плита-надгробие стала подниматься из земли; особенно это было заметно в ногах гроба старца. Люди стали получать по молитве своей помощь от о. Патермуфия. В «домике» уже горело 40 (!) лампад и число богомольцев все увеличивалось. Уже не бывало весною «половодья» на

пути к благодатному домику — в конце зимы весь снег по пути к могилке старца тщательно убирали и вокруг домика весь снег расчищался. Благодать Божия согревала сердца и утешала скорбные души верующего народа Его.

Так было до страшной ночи на 18 февраля 1932 года. В эту ночь по всему граду Петрову носились «черные вороны» и машины «скорой помощи», забирая всех иночествующих, всех настоятелей и служителей открытых храмов, кто был монахом. Забрали и всех «тайных» инокинь, трудившихся в хоре или на печении просфор для городских церквей. Также «очищены» были и все пригороды т. н. Ленинграда и незаконно закрыты все храмы (приходские, зарегистрированные) при еще существовавших подворьях.

Утро было для нас, верующих, без солнца и без света. Сколько погибло духовных библиотек, сколько дивных икон, сколько не могущих быть восстановленными святынь и реликвий! Все пожрал огонь бань и центрального отопления, обкрадено бандитами в форме НКВД из нашего бедного города.

Ограблен был и «домик» о. Патермуфия... Иконы увезли, как вредный хлам, а Марию Ивановну забрали. На нее был, конечно, написан донос. Арестован был и Сергей Афанасьевич, чтобы испытать чашу своего Владыки. Я уцелела. Мой нищенский «туалет» с чужих плеч и жизнь в вонючем подвале сберегли меня от зависти, а значит и от доносов. В лагерь я попала много позже, через 12 лет.

*Из воспоминаний Е. В. Шамоиной,
дочери прот. Владимира Шамоина*

Иеросхимонах Алексей (Шестаков)

Из времени святительства митрополита Серафима лаврская летопись сохранила память о посещении Императором Александром I лаврского схимника Алексея. Государь прибыл в Лавру пред отбытием в путешествие на юг России, где и окончил свою жизнь, — был торжественно встречен митрополитом с братией при колокольном звоне, слушал молебствие у мощей святого Александра Невского, посетил митрополита и от него и вместе с ним прошел к схимнику Алексею. У схимника келия была обита до половины черным сукном, у одной стены стояло большое Распятие с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом, у другой черная длинная скамейка. Пред иконами тускло горели лампы. За перегородкой стоял черный гроб с черным покрывалом и принадлежностями для погребения. Государь принял благословение от схимника, молился с ним, беседовал, и схимник говорил Государю: «До великой чумы в Москве нравы были чище, народ набожней; но после чумы нравы испортились. В 1812-м году наступило время исправления и набожности, но по окончании войны еще более испортились. Ты — Государь наш, и должен бдеть над нравами. Ты — сын православной Церкви, и должен любить и охранять ее. Так хочет Господь Бог наш». Государю очень понравились слова старца.

Место погребения иеросхимонаха Алексея на Тихвинском кладбище Лавры

Иеросхимонах Алексей, в мире Алексей Константинович Шестаков, был из дворовых людей. Будучи отпущен на волю, он в 1811 году, на 60 году жизни, поступил в Саввин Сторожевский монастырь близ Москвы, служил на Саввинском подворье в Москве, в 1816 году перешел в Троице-Сергиеву Лавру, здесь постригся с именем Антония и был рукоположен во иеромонаха. Служил в Москве на архиерейском подворье и был духовником митрополита Серафима. Вслед за митрополитом он перешел в Петербург, в Невскую Лавру, здесь тоже был духовником и в 1823 году принял схиму с именем Алексея. Он скончался 25 мая 1826 года и погребен на Тихвинском кладбище.

*Из книги С.Г. Рункевича
«Александро-Невская лавра. 1713–1913»*

А.В. Медведев

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР РОЖДЕСТВЕНСКИЙ И СОЗДАННОЕ ИМ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ

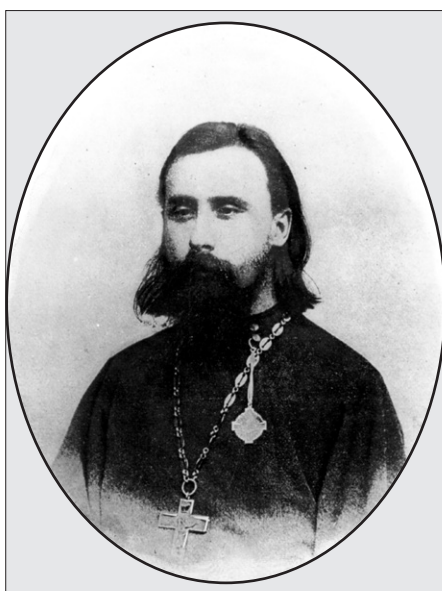
1. Церковный дом.

В 1888 году св. прав. о. Иоанн Кронштадтский осуществил мечту своей жизни, построив в Кронштадте первый в России «Дом трудолюбия». В этом «Доме» нуждающиеся и одинокие люди находили кров, пропитание, сильную работу, могли своим трудом заработать деньги и стать на ноги. «Дом трудолюбия» был наглядным образцом и примером для подражания в благотворительной деятельности для состоятельных людей и приютом всех кронштадтских обездоленных.

Пригласив в «Дом трудолюбия» влиятельного аристократа или богатого купца, о. Иоанн взывал к их душам и говорил примерно следующее: «Посмотрите в глаза слепых детей, посмотрите на этих сирот, больных, калек или убогих... Их я накормил, согрел, приобщил к труду... А вот вы вчера сколько сотен проиграли на скачках?! Сколько уплатили за племенных лошадей? Сколько потратили на певиц в ресторанах?! С чем придете к престолу Божию? Какой ответ дадите на Страшном Суде?!»

После таких обращений и вразумлений пастыря в разных уголках России стали открываться сиротские дома, приюты, богадельни...

В 1890-х годах о. Иоанн решил построить такой же «Дом трудолюбия» в С.-Петербурге. Он

вдохновил своей идеей Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Общество объединяло многих близких ему по духу людей — единомышленников, соратников и последователей. Возглавлял Общество близкий о. Иоанну священник Философ Николаевич Орнатский (1867–1918).

Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви было основано 4 апреля 1881 г. в память павшего в 1881 г. от рук злодеев Царя-Освободителя, Императора Александра II и просуществовало в северной столице более 37 лет. Состояло оно преимущественно из духовенства и образованных мирян, имевших духовное и светское образование,

и ставило задачу путем живого пастырского и печатного слова просвещать народ в духе Православной Церкви.

Первым председателем Общества, возглавлявшим его менее года, был Иосиф Васильевич Васильев († 27.12.1881). Вторым, являвшимся также одним из учредителей его, был настоятель Казанского собора протоиерей Михаил Ильич Соколов († 5.06.1895). Именно ему принадлежала идея создания первого просветительского центра Общества, которым стала выстроенная им церковь Св. Троицы на Стремянной с залами для бесед, лекций, книжными складами и магазинами.

Третьим, и последним, председателем Общества (с 1892 г.) был известный петербургский протоиерей Философ Николаевич Орнатский († 1918), будущий новомученик. Его главной заслугой было строительство второго просветительского центра Общества на берегу Обводного канала (у Варшавского вокзала), а также широчайшая просветительская и издательская деятельность Общества.

Общество объединяло несколько десятков тысяч человек, привлекавшихся к его работе в качестве Почетных и Пожизненных членов, включало в себя Религиозно-просветительский союз, Христианское содружество учащейся молодежи,

Александро-Невское Общество трезвости, Общество попечения молодых девиц, Кружок законоучителей, Книжное дело Общества. Обществом издавались журналы: «Отдых христианина», «Церковный голос», «Православно-Русское Слово», «Известия по Санкт-Петербургской епархии», «Кронштадтский пастырь» (с 1 января 1912 г.), с 1894 года о. Философ Орнатский редактировал журнал «Санкт-Петербургский духовный вестник», издававшийся до 1906 года.

На окраине города, в пьяном, трущобном, обездоленном районе, рядом с двумя вокзалами, о. Философ приобретает участок земли. Переносит на берег Обводного канала из центра города подлежащую сносу деревянную церковь-барак. Временный деревянный храм, первоначально выстроенный на Стремянной улице на месте Свято-Троицкой церкви и освященный 18 ноября 1891 г., после завершения постройки церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала был перенесен за Нарвскую заставу и переосвящен (в 1910 г.) в качестве Свято-Серафимовской церкви Общества. Рядом с этой скромной церковью строится

обширное трехэтажное кирпичное здание Церковного дома, в котором воплотились заветные мечты Иоанна Кронштадтского и о. Философа Орнатского. Это место в С.-Петербурге становится крупнейшим центром религиозно-нравственного просвещения.

Здесь в 1897 году открываются Воскресенские приходская и воскресная школы. Пользуются популярностью бесплатные курсы рукоделия, музыки, французского языка. Сотни (!) малообеспеченных получают счастливую возможность получить профессию, заняться делом и зарабатывать на жизнь.

Церковный дом стал первым такого рода в столице центром православной культуры. Здесь были не только все условия для творческого развития прихожан (читальный зал, зал для духовных бесед), в стенах Дома процветала издательско-просветительская деятельность. Св. прав. Иоанн Кронштадтский благословлял многих авторов; книги и журналы выходили с напутствием дорогого батюшки. О. Философ Орнатский является постоянным редактором и цензором всей духовной литературы, издаваемой в столице, и центром издательской деятельно-

сти стала именно Воскресенская церковь.

Именно в Церковном Доме было положено начало хоровому пению. О. Философ Орнатский в одном очерке вспоминает, как в начале духовных бесед читались, по обыкновению, молитвы и как однажды неожиданно молитву запели. Этот обычай понравился прихожанам, а священники не только поддержали начинание, но и пригласили профессиональных композиторов и музыкантов. Песнопения стали исполняться на профессиональном уровне. Желających петь Господу Моему являлись сотни: чернорабочие и солдаты, старики и молодые, мужчины и женщины слились в один стройный хор. Этот хор получил известность и стал называться Воскресенским церковно-народным.

Церковный дом был центром благотворительной деятельности: здесь находилась школа-питомник для нуждающихся подростков, которая давала образование, воспитание, обучала ремеслу. Бесплатная столовая при школе ежедневно кормила обедами до ста детей. В церковные праздники нуждающимся оказывалась денежная помощь. В Церковном доме располагались также квартиры для служащих в церкви.

II. Общество трезвости.

Воскресенский приход прославился тем, что на базе Церковного дома в 1898 году было создано Александро-Невское общество трезвости, сначала имевшее статус городского, а с 1914 года — Всероссийского.

Еще задолго до создания Общества трезвости в Обществе религиозно-нравственного просвещения занимались досугом бывших пьяниц. Организовывались чайные, в которые (после воскресной службы) приглашались страдающие недугом пьянства прихожане. С ними за столом, в домашней и непринужденной обстановке, за

Выход крестного хода трезвенников из старой Воскресенской церкви на Обводном канале

Отец Александр среди выборных трезвенников.

самоваром велись душевспасительные беседы. Популярность этих бесед была очень велика.

Видя это, св. прав. Иоанн Кронштадтский благословляет совсем молодого священника Александра Васильевича Рождественского на создание Александро-Невского общества трезвости.

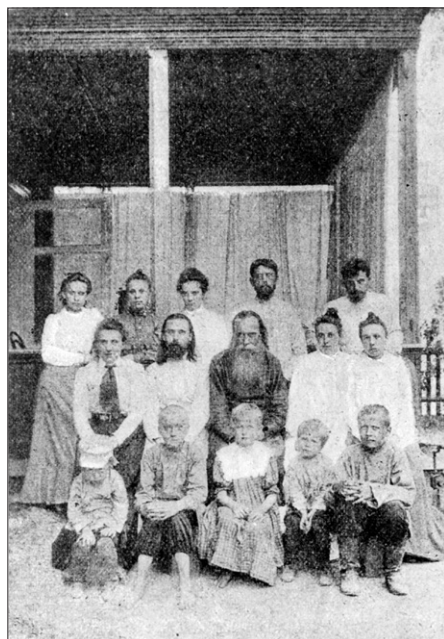
Александр Васильевич Рождественский родился 11 октября 1872 года в семье священника фабрично-промышленного села Орехова-Зуева Владимирской губернии протоиерея Василия Рождественского. Рождение было преждевременным:

— Мой сын вечно спешил, — говорил на похоронах сына убитый горем отец (протоиерей Василий Рождественский), — словно знал он, что ему назначение немного лет жить на земле, но много сделать. Он и родиться поспешил за два месяца до естественного срока. В вате на печи мы его отогревали несколько месяцев; думали, что из него ничего не выйдет. Но, видно, «сила Божия в немощи совершается».

В дошкольном возрасте Саша любил природу, часто уединялся в саду, в поле. Среди зелени и цветов чувствовал себя счастливым. Играя с детьми, был всегда уступчив, старался угодить, не искал первенства,

раздавал игрушки и вещи. Нищета, сиротство, горе и несправедливость его трогали до слез.

В девять лет он был отдан во Владимирское 4-классное Духовное училище. Окончив курс учения, продолжил образование во Владимирской духовной семинарии, где увлекся богословско-философскими науками. Его всегда видели роющим, подобно кроту, в книгах училищной библиотеки и вбирающим, подобно пчеле, мед знаний.

О. Александр Рождественский среди родственников

Во Владимире в это время процветало молодое Духовно-просветительское Александро-Невское братство. О. Александр очень интересовался делами его и тщательно прочитывал его годовые отчеты. Он впоследствии сам говорил, что это братство подало ему первую мысль основать в Петербурге Общество трезвости.

В 1893 г. о. Александр поступает в С.-Петербургскую академию. В северную столицу его тянуло не только учение, он стремился туда, как делатель пришедшей жатвы:

— Туда, где много дымящихся труб! — говорил он, — Там грохот колес и лязг металла глушат духовную сущность человека, стирают с него образ Божий... Там много горя... Там люди — камни... Поработаем!...

В 1897 году Александр Васильевич Рождественский блестяще оканчивает академию со степенью кандидата богословия и в том же году поступает на место штатного священника в Воскресенскую церковь Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви. Выбор этой церкви о. Александром был сделан неспроста: она находилась вблизи Варшавского вокзала в районе, заселенном фабричными рабочими и мелким торговым людом.

За 8 лет своего пастырского служения он успевает совершить громадное богоугодное дело. Отец Александр считался одним из лучших проповедников. Говорил просто, убежденно и пламенно... После бесед его обступали слушатели, задавали вопросы и выражали свое удовольствие.

Отец Александр отличался добрым и отзывчивым сердцем, чистой душой и простой речью. Удивительно быстро он находил подход к самому безнадежно павшему человеку, призывал его спастись, вразумлял, ободрял... К трезвенникам батюшка обращался не иначе как: «Друзья мои!..», при этом в его голосе звучали

тихие ласковые нотки. На отчаявшихся пьяниц смотрели добрые, грустные, умные глаза пастыря. И люди открывали сердца, получали надежду и не чувствовали себя одинокими. Общество численно быстро росло, бывшие пьяницы, вступая в него, давали обет трезвости, целовали св. крест и Евангелие.

На архивных фотографиях того времени видно, с какой гордостью трезвенник носил на пиджаке, на пальто или фуфайке круглый значок общества. Это был знак трезвенника, то есть в глазах общества — трудолюбивого, честного и порядочного человека. Таких людей ценили и с удовольствием принимали на работу. Наниматели ценили и опасались обижать их, так как Общество трезвости готово было не только поручиться за своего члена, но и всегда оказать ему юридическую поддержку.

Кроме проповеднического таланта у о. Александра был еще и талант редакторский: он издавал сразу три журнала: «Отдых христианина», «Трезвая жизнь»

и «Воскресный благовест». Проповеди его о трезвой жизни печатались массовыми тиражами, распространялись по Петербургу и окрестностям. Эти журналы отнимали у о. Александра все время, он просматривал статьи и корректуру даже за чаепитием.

— Я живу надеждой, — говорил он, что мои маленькие литературные труды сделают человека честнее, разумнее, отзывчивее, вообще — лучше. Если бы знал, что кто-то читал «Отдых христианина» и под его влиянием бросился в горящий дом и спас ребенка, или простил своему лихому врагу все его обиды, или лишний раз пришел в церковь и здесь глубоко умилился, или выстроил школу, открыл богадельню, — сказал бы искренно: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко!»

После вечерней службы ежедневно о. Александр проводил чтения с показом картинок из «Волшебного фонаря» в большом зале Церковного дома. Он был неисощим в темах: прочтет в книге, в газете, журнале что-нибудь хо-

О. Александр с членами редколлегии издававшихся им журналов на даче под Петербургом

рошее — непременно поделится с трезвенниками.

Волшебный фонарь — это диапроектор: в темном зале на висящую простынь экспонировали диапозитивы и при этом зрители слушали в тишине вдохновенные рассказы пастыря. Сто лет назад все это казалось чудом — народ был полуграмотным. Мероприятия эти назывались «Чтения с туманными картинками» (или со световыми картинками). Посетителей было так много, что взималась небольшая плата — от 3 до 10 копеек. Собранные деньги шли на содержание бесплатной детской комнаты при Воскресенской школе.

После утренней службы о. Александра поминутно «рвали на части»: требовали к началству, вызывали к телефону, приносили срочные деловые бумаги или спешные корректуры из типографии.

Однажды летом о. Александр взял отпуск и решил проехать пароходом по Волге до Астрахани. Но проехав только половину пути, не выдержал ничегонеделания, сел на поезд и вернулся домой. Спокойный ритм жизни, умеренный трудовой темп — все это было

Журналы, издававшиеся при Воскресенской церкви с участием о. Александра Рождественского

не для него. Богатый внутренний мир о. Александра требовал постоянного «кипения», вырываясь наружу, требуя безграничной сферы действия и приложения сил.

Надо отметить, что Общество трезвости не являлось самостоятельным и было создано на базе Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Вследствии этого «Трезвенники» свободно пользовались помещениями Церковного дома, печатным оборудованием и инвентарем.

Только в 1914–1915 годах Общество трезвости отделяется от общества религиозно-нравственного просвещения, получает самостоятельность и меняет свое название, став Всероссийским Братством трезвости.

III. 1905 год. Война. Революция.

Началась Русско-Японская война. О. Александр только и говорил, что о войне: в церкви, дома, на собраниях Общества. С увлечением и жаром он хвалил нашу армию и флот, вел переписку с воинами, находившимися в действующей армии, делился известиями из полученных им писем с фронта.

Напутствуя уходящие в Манчжурию войска, он говорил:

— Дорогие мои, вы идете на суд Христов. На поле брани решается участь не только Отечества, но и каждого из нас в отдельности. Так будьте же благоразумны, приготовьтесь к этому Страшному суду, как приготовляются вообще христиане к смертному часу, ведите себя трезво, чисто, свято и всегда помните, какой долг возложен на каждого из вас. А за самоотверженные подвиги ваши наградит вас царь на земле и Бог на небе.

Однажды его пригласили на молебен в вагоностроительную мастерскую, заполненную рабочими. Служили три священника. О. Александр горячо, на коленях,

прочитал молитву о даровании победы русскому оружию. Затем поочередно говорили речи. О. Александр закончил свое пламенное слово громким «Ура!» И вся тысячная толпа рабочих подхватила этот возглас и понесла его раскатистым громом за пределы мастерской.

Первоначально так радовавшийся победам, неустанно рассказывавший про первые столкновения с японцами, после неудач нашей армии в Манчжурии и падения Порт-Артура о. Александр стал печален и даже заболел.

А тут новое горе — забастовки на фабриках и заводах. О. Александр метался с одного предприятия на другое, всюду старался убедить рабочих не волноваться в это тяжелое для России время. Упрашивал их приступить к работе:

— Братцы! Вы, рабочие на заводах и фабриках, — необходимые помощники воинов. Без вашего участия они не могут победить. Если японская артиллерия победит русскую, если у русских не хватило снарядов, — знайте, что и вы в этом виноваты с вашими забастовками. Нежели в такие тяжкие дни испытания русского народа вы хотите стать в положение его врагов?

Увещевая рабочих, о. Александр сознавал, что они выдвигают и разумные, справедливые требования. Живя среди фабричных тружеников, беседуя с ними, входя в их жизнь, он отлично знал их быт и нужды.

Светская столица, тем временем, сверкала огнями и витринами; вечера и ночи город гудел, сотрясался от грохота и визга оркестров, от пьяного топота, от плясок цыган, от хохота и визга веселящихся...

Отец Александр переживал и недоумевал:

— Каждый вечер Петербург веселится, — говорил он, — азиатские полчища уже на окраинах родины, а внутри России простой народ просит улучшения жизни! Как бесполезно расходуются силы,

время, деньги...

Авторитет о. Александра среди простонародья был необыкновенным, его уважали и удостаивали полным доверием. Батюшка уповал на пробуждение народа; надеялся на добрый исход его из тяжелого состояния. Порой поведение светской молодежи приводило его в скорбь и уныние: он видел поднимающийся в ней нигилизм и ростки будущей революции:

— Тяжелы не несчастья в мире, а то, что наша молодежь шумит и бунтует. Горный институт закрыт на два года. Высшие женские курсы также закрыты. Чем больше знакомишься с рассказами о «подвигах» этих наших «революционеров», тем больше убеждаешься, что это ужасающие эгоисты. В них нет ни любви, ни жалости. Они готовы идти по трупам родных. Батюшка, который отпевал Н.К. М-го*, сообщил мне, что курсистки стояли задом к образам и ели в церкви колбасу.

IV. Крестные ходы и паломничества.

Одной из заслуг о. Александра было создание новых традиций Общества трезвости: крестные ходы и паломничества. Каждый год на Светлой седмице из храма совершались крестные ходы в Александрово-Невскую лавру, к раке св. благоверного князя Александра Невского; в июне — в Троице-Сергиеву пустынь в Стрельне, и 13 сентября — в Казанский собор; в конце мая паломники всем приходом отправлялись на Валаам.

Не жалевший сил в беспримерных трудах своих, о. Александр не любил обращаться к врачам. В мае 1905 года доктора дали предписание: отдых в течение всего лета.

* В 1904 г. в Петербурге на Волковом кладбище состоялось отпевание известного в России деятеля левого толка, публициста, социолога и литературного критика Н.К. Михайловского (1842–1904), кумира революционной молодежи. Похоронен на Литераторских мостках.

— Это невозможно! — волновался о. Александр, — от отдыха я скорее умру, чем от работы. И он продолжал возиться допоздна с бывшими пьяницами, ездил к ним в их «углы» и смрадные конуры, напутствовал больных... Болезнь помешала ему отправиться в паломничество на Валаам, но предстоял еще пеший крестный ход в Троице-Сергиеву пустынь.

— Ради Бога, не ходите завтра крестным ходом, — упрасивали его накануне, — ведь вы можете окончательно слечь в постель.

Казалось, что-то останавливало о. Александра. Как будто Ангел хранитель нашептывал ему: «Не ходи!» Но всплыло воспоминание, как несколько лет назад он поздно возвращался домой и остановил извозчика. В пути разговорились, и случилось так, что не священник, а простой извозчик спросил батюшку о жизни и печалях.

— Все слава Богу! Все хорошо! — доверился священник незнакомому человеку, — только вот почему-то Господь нам с женой детей не посылает.

— Знаете, батюшка, — улыбнулся извозчик, — у моего племянника тоже был такой случай. Так он отправился пешком в паломничество в Троице-Сергиеву пустынь,

что в Стрельне ... молился, и Господь услышал: теперь у племянника уже двое детей...

Разговор с извозчиком запомнился, и о. Александр последовал совету — отправился на богомолье в святую обитель. И чудо свершилось: через год после паломничества в семье о. Александра Рождественского появился сын. И теперь о. Александр считал, что обязан своим семейным счастьем прп. Сергию.

И на этот раз он отвечал просившим его остаться дома:

— Что вы, разве это возможно, чтобы я не пошел на крестный ход? Каждый год ходил, а теперь вдруг не пойду. Это невозможно! А что я нездоров, то это пустяки: восемнадцать верст пешком пройду — все как рукой снимет!..

На утро, как только солнце осветило набережную Обводного канала, о. Александр с балкона церковного дома любовался, как трезвенники толпами стекаются к храму.

— А, кажется, Бог и в этом году посылает нам хорошую погоду? — говорил о. Александр. — Вот замечательно: как крестный ход, так и погода прекрасная!

— Как ваше здоровье? — спрашивали его.

— Слава Богу! Хорошо, — отвечал он бодро и весело. — Смотрите, народу-то сколько! А вы говорите не ходить с ними: разве это можно?!

12 июня 1905 года больной пастырь отправился с трезвенниками в свое последнее паломничество в Троице-Сергиеву пустынь.

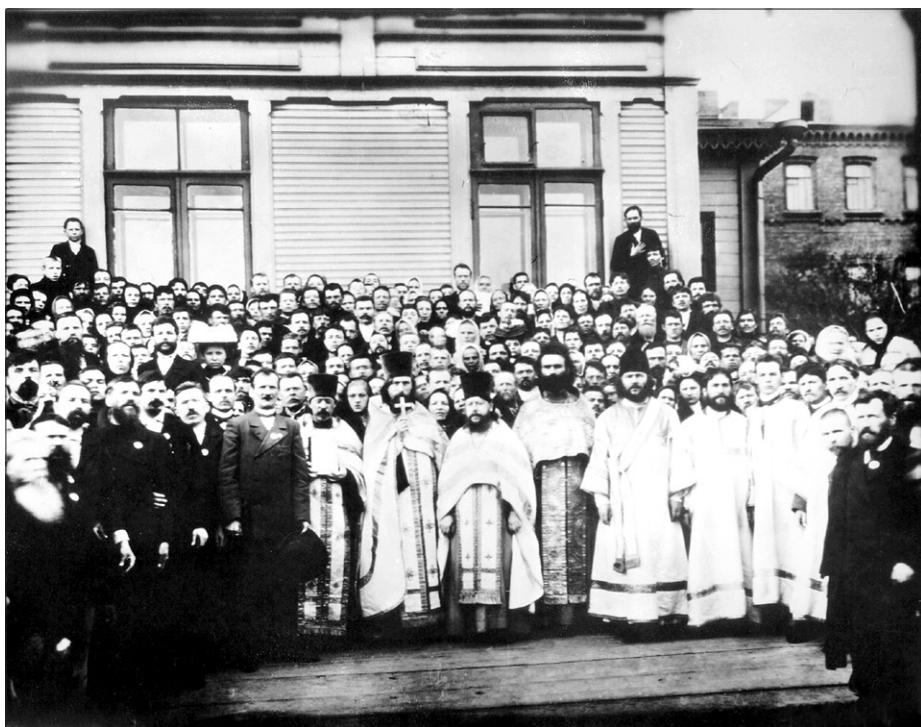
И вот он уже в облачении, с крестом в руках, окруженный духовенством и трезвенниками. Еще минута, и крестный ход двинулся. Под торжественный звон колоколов заколыхались и за сверкали на солнце сотни крестов и хоругвей, вытягиваясь посреди несметной толпы в одну протяженную пеструю линию. Отец Александр торжествовал, он совершенно забыл о своей болезни. На его исхудалом бледном лице сияла улыбка счастья. Выходя на набережную Обводного канала, он первый затянул победную песнь: «Спаси, Господи, люди Твоя!..» Трезвенники дружно подхватили, и вскоре не совсем стройное, но мощное и восторженное пение разлилось по всей многотысячной толпе богомольцев...

Несмотря на жару и страшную пыль, о. Александр на протяжении всего почти двадцативерстного пути ни разу не выказал признаков утомления и усталости. Глядя на него, нельзя было подумать, что это идет человек, страдающий тяжким недугом нервного переутомления и брюшным тифом... Всю дорогу он то запевал, то подтягивал вслед за непрерывно поющими трезвенниками. Во время этого крестного хода он пел, как никогда, и это была его последняя песнь Богу!

Прибыв в пустынь, о. Александр, как обычно после посещения храма и поклонения святыням, отправился в баню, где, не думая о болезни, напился холодного квасу!.. Во время Божественной литургии батюшка почувствовал себя плохо, мучило удушье: «Голова страшно болит... — бормотал он, — как бы не свалиться».

Крестный ход Александро-Невского братства трезвости

*Духовенство Воскресенской церкви перед началом крестного хода
в Троице-Сергиевую пустынь в июне 1905 г.
В центре, с крестом — о. Александр Рождественский*

Уже дома, в кругу своих друзей, успокаивал себя:

— Поеду на дачу, отлежусь, — и все пройдет... Я всегда так делаю: как только почувствую, что дело скверно, — выплюсь и болезнь проходит...

На исповеди у о. Философа перед причастием сказал, что чувствует приближение смерти, попросил обеспечить вдову и ребенка. Жалел, что ничего не скопил для них, раздавая все. Потом отец Философ скажет в своей прощальной речи: «Этот крестный ход, можно сказать, стоил ему жизни. Он истинно пал за плугом, на любимой ниве своей».

V. Прощание.

Смерть о. Александра Рождественского оказалась для всех совершенно неожиданной. Умер он 5 июля 1905 года в возрасте 31 года, прослужив священником всего 8 лет. Его называли апостолом трезвости: 70 тысяч человек состояли членами в его Обществе. Все последующие движения за трезвость проходили с его именем.

Высокопреосвященный Ан-

тоний, митрополит С.-Петербургский, узнав о безвременной кончине о. Александра Рождественского, написал председателю Совета общества в духе Православной церкви от 5 июля 1905 года: «Сейчас мне сказали о смерти о. Александра Рождественского. Как тяжело мне было услышать эту горестную весть! В лице его столица и епархия потеряли незаменимого, энергичного и умного работника и на все светлое и доброе отзывчивого. От всего сердца жаль мне его. Выразите от меня соболезнование супруге его. Помогите ей Господь перенести великое горе, а почившего упокой, Господи, во Царствии Своем со лики святых и праведных. Я сердечно любил почившего».

С вечера 7 до утра 8 июля народ не расходился из церкви. Утром 8 июля в 10 часов началась заупокойная литургия, которую совершил преосвященный Кирилл в сослужении архимандрита Троице-Сергиевой пустыни Михаила, протоиереев Ветвеницкого, Дернова, Орнатского и других протоиереев, иереев и диаконов.

Более двух часов продолжался величавый чин отпевания. Потом началась небывалая по своей величественности похоронная процессия. Предводимый архиереем собор пастырей, облаченных в белые пасхальные ризы, поднял гроб на свои рамена!.. Многочисленные толпы провожали белый гроб до Никольского кладбища Александро-Невской лавры. Он тихо плыл, как по волнам, среди моря обнаженных голов. Сперва его обнесли вокруг церкви, а затем вынесли на улицу и в предшествии нескольких десятков хоругвей, несомых Путиловскими хоругвеносцами, процессия направилась по Измайловскому проспекту, через 1 роту, по Загородному и Владимирскому проспектам, Стремянной и Николаевской улицам и Невскому проспекту далее — на Никольское кладбище лавры.

Несметные толпы народа загроутили улицы по пути следования похоронной процессии. У каждого храма, встречавшегося на пути, процессия останавливалась и вышедшие из него с хоругвиями духовенство с народом служило сообща литию и пело «Вечную память...».

Тело о. Александра было внесено в Троицкую церковь на Стремянной улице, где после литии перед ним настоятель сего храма прот. о. П. Лахостский сказал слово.

— При разлуке обычно прощаются, — обратился к усопшему протоиерей Павел Николаевич Лахостский, деятельный член Общества, возглавлявший действовавшее при нем Христианское содружество учащейся молодежи и редактор издававшегося Обществом журналов «Церковный голос» и «Православно-Русское слово». — Чем длиннее разлука, тем искреннее и трогательнее прощание, и уже нет места лицемерию и случайным чувствам. Бесценный о. Александр, мы расстаемся навеки. Что сказали бы мы тебе, если бы ты мог попросить у нас прощания? Сказали бы: не в чем прощать тебя. Ты был так

добр, незлобив, доброжелателен, что не мог обидеть никого из нас. Прости нас, что мы вовремя не поддержали тебя, твой пыл и твою ревность... Видит Бог, мы любили и ценили тебя...

Белоснежный гроб три раза обнесли вокруг храма, и он, поддерживаемый руками трезвенников, плыл над черной траурной толпой до самого Никольского кладбища Александро-Невской лавры.

Из Стремянной Троицкой церкви преосвященный Кирилл уехал в Лавру, чтобы там с братией выйти крестным ходом навстречу процессии. От Стремянной гроб несли уже не священники, а трезвенники, о чем они усердно ходатайствовали.

На кладбище к служению литии вышли еще два святителя: Антонин и Димитрий. Когда тело о. Александра опустили в могилу, прощавшиеся приспустили над могилой хоругви, те самые, под сенью которых еще недавно, 12 июня, почивший о. Александр торжественно шел со своими трезвенниками-паломниками в Троице-Сергиеву пустынь...

VI. Памятник.

Осиротевшие и растерянные трезвенники толпились у храма и не могли свыкнуться с мыслью, что их любимого пастыря уже нет в живых. В то время многие заболели тифом, однако в его возрасте легко переносили болезнь, никто от нее не умирал. Казалось, еще вчера все слышали его вразумляющий голос:

«Друзья мои! Вы — храмы Духа Святого, — говорил апостол трезвости. — А вы что с собой сделали? Ведь вы давали обет трезвости! Клялись и плакали, открывали свои наболевшие раны, изливали реки тяжкого горя! У кого вы просили исцеления? Господи! Вразуми заблудших! Подкрепи ослабших! Спаси погибших...»

«Какая, все же, странная эта жизнь! Она идет безостановочно... Вон звучит в далеке большой

Погребение о. Александра Рождественского

монастырский колокол, серебристый звук которого заглушает стук промчавшейся по улице пролетки, и крик рыжего парня: «Мо-ро-же-ное!»; в окно летит поднятая лошадью пыль; барышня за столом что-то записывает в тетрадку; мальчик тоненьким голоском спрашивает сочинения Жюль-Верна... Жизнь неизменно идет своим шагом, такая складная, размеренная, стройная. Что же это за диссонанс ворвался в нее? Гром среди ясного ночного неба!» — писал в начале века о колокольном звоне известный духовный писатель Е.Н. Погожев (Поселянин), сотрудник редакции журнала «Отдых христианина».

Вдруг все вспомнили заветную мечту батюшки: соорудить на собранные пожертвования трезвенников громадный колокол для новой каменной церкви.

— Мы умрем, — говорил в проповеди о. Александр, — а колокол будет звучать... Зайдет богомолец на колокольню, прочтет надпись: «Колокол трезвенников», и вспомнит нас, боровшихся с беспробудным народным пьянством.

Прихожане единодушно решили собрать деньги и заказать колокол

в память отца Александра, осуществив задуманное им при жизни:

— Сооружение колокола, — говорили трезвенники, — не терпит отлагательства, необходимо его поднять на новую колокольню теперь же, пока внутри еще не заделаны своды.

Крест на могиле о. Александра Рождественского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры

Сразу же приступили к сбору средств. Набрали 1,5 тысячи рублей — по тем временам большую сумму. Но вот опять возникла проблема: Петербург и Москва охвачены революцией 1905 года. Пришлось представителям трезвенников ехать в Ярославскую губернию на завод Оловянишникова, где революционные настроения были не так сильны, как в больших городах.

Ярославские умельцы обрадовались заказу, но оценили колокол в 20 тысяч рублей. Поторговавшись, договорились приступить к изготовлению гиганта после внесения аванса в 8 тысяч рублей, с обязательством внести оставшуюся сумму за отливку в течение трех лет. Вновь нужны были средства, пожертвования, благодетели...

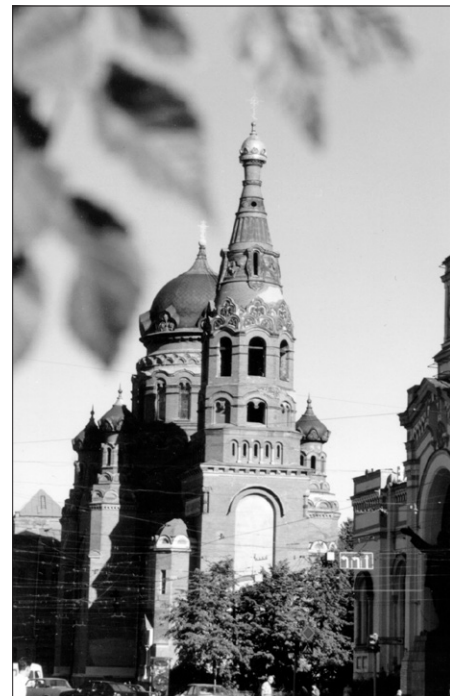
Пожертвует, что можем
От праведных трудов
И колокол воздвигнем
Мы в тысячу пудов.
Пусть благовест могучий
Людей во храм манит,
Пусть голос «Александра»
О батюшке твердит.

11 мая 1906 года на новую колокольню, еще опутанную строительными лесами, поднимали колокол. У самого храма была настоящая давка. Многие залезали на крыши соседних деревянных строений, взбирались на заборы и деревья. Большой крестный ход направился после литургии из временного Воскресенского храма к западной стороне строящейся

колокольни. Многочисленным духовенством был совершен особый чин, предшествующий поднятию колокола. Произносились речи, несколько хоров исполняли песнопения. Используя целый ряд блоков, преодолевая технические трудности, колокол поднимали наверх внутри колокольни.

Но не долго голос «Отца Александра» оглашал северную столицу, радуя прихожан. Настали новые времена, и революционные власти уничтожили колокол-памятник. Сбросить его с колокольни было невозможно — не проходил в проемы звонницы. Предварительно его разрезали на части и многопудовые куски сбрасывали вниз на ступени храма.

Обратите внимание на отколотую облицовочную плитку в проемах звонницы Воскресенского храма — это следы варварской расправы над колоколом-памятником отцу Александру. Вероятно, что это происходило на глазах трезвенников (которых, впрочем, поле революционного переворота 1917 года стали называть передовым рабочим классом). Были ли слезы на глазах тех, кто отдавал последний рубль на памятник любимому батюшке, или нет, сегодня трудно сказать. Что творилось в их сердцах, в их мыслях — нам не дано узнать. Только известно, что ходила молва (или легенда), что те осколки от колокола не отправили в переплавку сразу, а отвезли на какой-то из заводов, где они долго лежали. После Великой Отече-

*Храм Воскресения Христова
у Варшавского вокзала.
Современный вид.*

ственной войны именно из них был отлит памятник «вождю мирового пролетариата», который теперь стоит рядом с храмом, на месте часовни Спасителя, перед фасадом Варшавского вокзала.

К счастью, сохранился другой колокол-памятник — надгробный, на могиле о. Александра на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Находится он совсем рядом с Братским участком. Надгробие и крест сделаны из светло-зеленого полированного камня, и кто-то уже в наше время любовно прикрепил к памятнику фотокарточку незабвенного пастыря.

ПРОПОВЕДЬ

Архиепископ Иоанн (Максимович)

ЩИТ РУСИ НА РЕКЕ НЕВЕ

1240 год... Разрушен стольный град, мать градов Русских — Киев. Несметные полчища татар заливают Русскую землю, разрушая ее города, сжигая селения. Гибнут одно за другим воинства отдельных русских княжеств, осмелившихся вступить в борьбу с ними.

Но вот новая беда — и с запада двинулись враги на Русь Православную. Шлют на нее рать шведы, а за ними оттачивают свои мечи тевтонские и ливонские рыцари. У них общая цель — завладеть не только землей, но и душой Русского народа, поработить тело русского человека иноземной власти, а душу — Римскому престолу.

Вот приблизился решительный час.

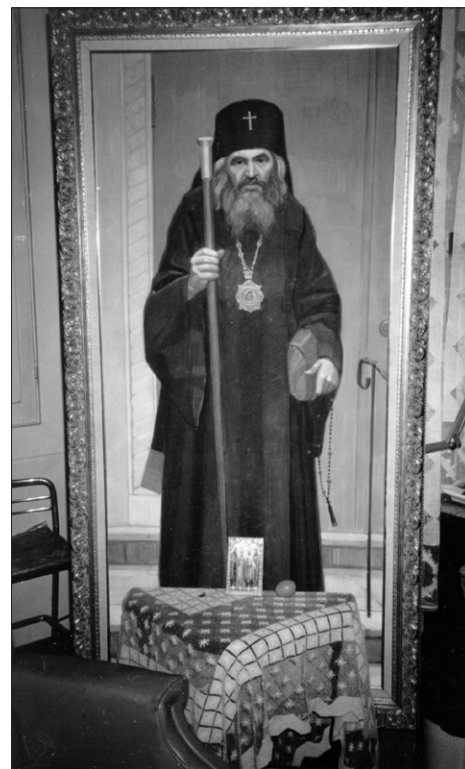
Шведские войска уже высаживаются в новгородских пределах.

Что делать? — покориться им или вступить в бой, рискуя погубить все немногочисленное новгородское войско?

Правил Новгородом тогда благочестивый князь Александр Ярославович. Понимает он, что покорностью спасет жизнь новгородцев и их имущество, но потеряна будет не только государственная, но и духовная свобода, что — где насильем, а где хитростью уловят пришельцы в сети римские русскую душу и что потеряет Русь Православную Веру! Знает князь Александр, что Православие есть истина и является бесценным бисером, ради которого нужно всем жертвовать. Верит он, что Бог не оставит тех, кто подвизается за истину и правду и решается вступить в битву.

15 июля 1240 года, в день кончины крестителя Руси Великого князя Владимира, нападает он на только что высадившееся шведское войско и с помощью Божией разбивает его наголову. С поспешностью покидают остатки иноземных войск Русскую землю, а князь Александр вскоре затем отражает и иных неприятелей с запада.

С востока тем временем движутся на Русь все новые татарские полчища. Но не страшится их Александр: татары, облагая русское население данью, не вмешиваются во внутренний уклад его жизни. Видит князь Александр, что бороться с ними силой сейчас

*Архиепископ
Иоанн
(Максимович)*

невозможно, но знает, что если сохранится православная душа русского человека, настанет время, когда он сбросит с себя иго татарское.

Зрит он в татарах бич Божий, ниспосланный на Русь за грехи ее, и решается смиренно переносить Божие испытание. Покорно едет он в Орду, исполняет все веления хана, уговаривает русских людей не противиться татарской власти, а копить в себе силы духовные и возлагать упование на Бога.

Нелегко было унижаться перед ханом славному Невскому победителю, нелегко было убедить и русских людей следовать его примеру. Но подвиги святого Великого князя Александра, мужественное стояние его за Православную Веру и смирение при Божием испытании дали плоды свои, хотя и не вскоре. Сохранивший Православие русский народ окреп, находясь под татарской властью, которая постепенно слабела.

Настал день — выпрямилась Русь Православная и сбросила с себя татарское иго. И, неся свет Православия, двинулись сами русские люди в места, населенные татарами.

Вот пал и сильнейший оплот бывшего татарского царства — Казань — в день Покрова Пресвятой Богородицы. Немедленно вслед за присоединением Казани к России прибыли туда православные проповедники и много татар приняло святое крещение.

Прошло почти 27 лет после покорения Казани, и благочестивая девушка Матрона как-то увидела во сне Пречистую Божию Матерь, повелевшую ей возвестить церковным и гражданским властям, чтобы откопали Ее икону в указанном Ею месте. Явление то повторилось трижды, и девушка исполнила Ее приказание.

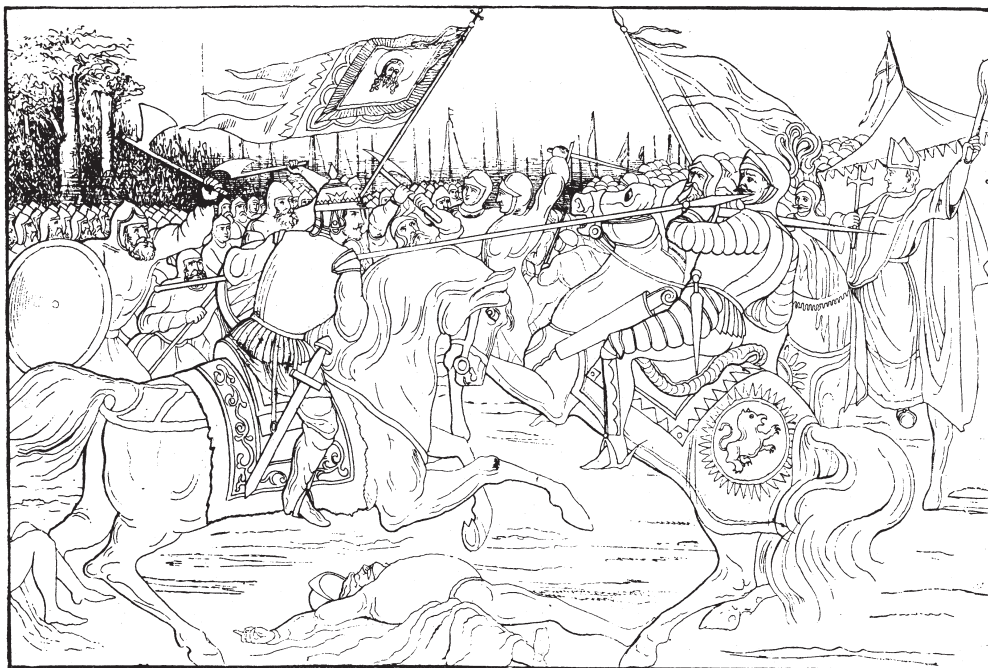
Когда 8 июля 1579 года стали копать в указанном Богородицей месте, нашли зарытую там икону. Священник храма свт. Николая, по имени Ермолай, вынул из земли икону и перенес ее в свой храм.

Вскоре икона та прославилась многими чудесами и стала по всей Руси известна как чудотворная икона Казанская.

Священник Ермолай, овдовев, вскоре затем принял монашество с именем Ермогена, впоследствии был митрополитом Казанским, а в Смутное время стал Патриархом Всероссийским и столпом Земли Русской. Уже после кончины свт. Ермогена, умучен-

ного голодом врагами России за его стойкость, его грамоты, разосланные по Руси вместе с письмами архимандрита Троице-Сергиевой Лавры преподобного Дионисия, сделали свое дело. Они всколыхнули Русь, и из Нижнего Новгорода двинулась рать на освобождение Руси от захвативших ее поляков. С собой она несла принесенную из Казани икону Божией Матери, обретенную некогда святителем Ермогеном. С ней она освободила Москву и торжественным крестным ходом русская рать вошла в Москву, неся впереди чудотворную Казанскую икону в 1612 г. 22 октября, каковой день стал праздноваться с тех пор и празднуется ныне всей Россией.

В память того в Москве была построена церковь, в которую доставлен точный список иконы. А когда Царь Петр вернул России берега Невы, утерянные ею в лихолетье, и построил там новую столицу, в ней была устроена и обитель имени св. Александра Невского. Туда, на берега, прославленные мужеством святого князя Александра, были перенесены из Владимира его святые мощи, а в построенный величественный собор во имя Казанской Божией Матери была поставлена чудотворная Ее икона, обретенная в бывшей столице царства татарского, пред которым некогда смирился Великий князь Александр, подготовивший своим смирением победу над ним, объединение и величие Земли Русской.

Битва на реке Неве. 1240 г.

Свящ. Владислав Кумыш

СИЯЕТ ИМЯ ЕГО В ВЕКАХ

Торговля отечеством — распространенное явление времени св. блгв. кн. Александра Невского. Боярская партия Новгорода, где он начал княжить, нередко прогоняла князей из города, меняя их по своему произволу. Ни один из русских князей, за исключением св. Александра Ярославича, не удерживался на новгородском столе более пяти лет. Преследуя эгоистические цели, бояре ловко играли настроениями толпы. Под видом борьбы за свободу и независимость они возбуждали народ отстаивать свои исконные права и вольности в борьбе с удельными князьями, стремившимися будто бы к порабощению Новгорода. Искусно управляя мнением народа и продавая отечество тому или иному князю, боярская аристократия оберегала свою власть и свои интересы в новгородских землях. В тех же случаях, когда князь и его дружина оказывались сильнее, новгородская знать шла на сговор с иностранцами, позволяя им в качестве платы за помощь грабить свою же родину.

Удельные князья были не лучше. На удел смотрели как на средство обогащения. Престижные города и области были предметом бесконечных кровавых междоусобий. Единственно, к чему стремился древнерусский удельный князь — это занять удел побогаче. Даже татарское иго не повлияло на эту психологию правителей Древней Руси. Более того, оно послужило поводом к еще большему их распутству. При монголах не обязательны были ни таланты, ни дарования, ни умения, ни патриотизм. Для получения ярлыка требовался подкуп приближенных хана и обещание щедрой дани правителю орды. Если при этом необходимо было предать еще и свою веру, то шли и на это. Многие князья, говорит летопись, «... идяху сквозе огонь, и кланяхуся кусту и идолам, славы ради света сего, и прошаху койждо себе власти; они же без возбранения даяхут им, да прельсят я славою света сего» (Софийск. врем. 1, 261). Мораль, идеалы, убеждения, отечество, вера — все приносилось в жертву идолу властолюбия и сребролюбия.

Такая власть не в состоянии была заняться «обустройством» Руси. «Бесперывное перехождение с места на место князей, бояр, воевод и самих поселян — и нигде никакого установленного твердо порядка», — такова была картина русской жизни к моменту монгольского нашествия (Погодин. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 2. С. 1355). Тотальная разобщенность и предоставленность самому

себе, отсутствие единого жизненного уклада, разгул вседозволенности и безвластие при наличии внешних форм правления — вот те некоторые черты, которые характеризуют условия жизни простого человека удельно-вечевой Руси.

Нечего и говорить, что этот внутренний распад и разложение безмерно усугубился игом татарского хана, тем страшным опустошением, которому подверглась Русь с пришествием Батыя. Огромная масса варваров двинулась на Россию в XIII веке с единственной целью беспощадного убийства и грабежа. Зрелище погибающей родины разворачивалось перед взором древнерусского человека и вызывало в нем нравственное потрясение сокрушительной силы. Густым, мрачным облаком ужаса и уныния, беспросветной мглой заволакивало просторы русского бытия с юга на север и с запада на восток.

В этот трагический момент и явился в нашей истории человек, не желавший, а лучше сказать, не умевший подчиняться жесткому, беспощадному диктату разворачивающихся событий. Нет, он не повернул истории вспять и не изменил ее неумолимого русла. В условиях глубочайшего кризиса он просто жил и правил в соответствии со своими высокими убеждениями. Несмотря на отсутствие перспективы исторического развития, он управлял страной неподкупно, благородно и в высшей степени разумно. Он не имел реальных оснований для исторического оптимизма и вынужден был совершать свое служение отечеству без всякой уверенности в грядущую плодотворность и полезность своей деятельности. Но кажущаяся бесцельность созидания как будто не проникала в глубину его святой души. Он исполнял свой долг перед Богом и родиной, повинаясь голосу совести, а не законам страшного времени. Он был ответственен перед высшим законом и судом за качество своего государственного делания, и только этой ответственностью измерял каждый свой поступок. Он правил так, как будто вечность простиралась перед Россией, а монголы с их игом, удельная раздробленность и разобщенность были явлениями преходящими, мимолетными, никак не определяющими сути русской жизни и будущности его родины. Это было удивительно, слишком необычно, чудно и никак не помещалось в рамки общечеловеческих понятий и представлений. Какая-то особая, таинственная печать высоты лежала на этом человеке, влекла к нему серд-

ца соотечественников и вызывала неподдельное восхищение даже в хане-варваре, заклятом враге всякой цивилизованности. «Правду говорили мне: нет князя, равного этому», — произнес искушенный и много повидавший правитель дикой орды, когда пред ним предстал св. князь Александр.

Не распознал только в нем этого неподкупного величия папа римский, горделивый предстоятель «апостольского престола». Иначе не послал бы к великому князю Владимирскому своих легатов с предложением принять католичество и, в обмен на помощь в борьбе с татарами, покориться всеильному владыке Запада. Расчет Рима представлялся безошибочным. Папа знал, что освобождение от ига было самым заветным желанием независимого князя, горячо любящего свое отечество. Ему ли, возложившему печать на лице самого Биргера, унижаться перед главарем кочевников, руководствовавшихся в своей жизни самыми низкими инстинктами падшего человеческого

естества? Ему ли не страдать душой от беспрестанных бедствий своей отчизны? Знал папа и то, что помощи Александру ждать больше неоткуда. Киевская южная Русь была поделена литовцами и поляками, западная — пленена ливонцами, центральная — опустошена и разорена Батыем, с севера теснили шведы и немцы. Что мог предпринять его полководческий гений при такой расстановке сил? Абсолютно ничего. Откуда же ему черпать силы в этом слишком неравном поединке? Его земля раздроблена и расчленена, лишена единства и приведена в состояние глубочайшего внутреннего распада. Ни физически, ни морально Русь не способна к сопротивлению. И все это — не временное явление. И нет у нее никаких иных возможностей вырваться из этих железных оков истории. Вот уже доблестный князь Даниил Галицкий, современник св. Александра, дал клятвенный обет покорности римской Церкви и принял королевский венец от «папы своего Иннокентия». Разумный внешнеполитический шаг, ибо у него не было иного выхода.

«Слышите, посланницы папжестии и прелестницы преокаяннии!» Учение православное, семью соборами утвержденное, «... все добре сведаем, а от вас учения не принимаем!» — таков был ответ Александра Великого. На первый взгляд он мог показаться выплеском эмоций человека, оказавшегося в отчаянном положении. Ведь папа не поднимал вопросов вероучительных и не настаивал на истинности дог-

*Икона св. блгв. кн. Александра
Невского из Митрополичего корпуса
Александров-Невской лавры*

матов католичества. Он предлагал военную и материальную помощь. Но слова св. Александра не были безотчетным порывом негодования. Его пронизательный ответ не только содержал в себе указание на главную опасность папского предложения. Он обнаруживал всю глубину великокняжеского упования, всю тайну Александрова противостояния условиям абсолютной безысходности. «От вас учения не принимаем!» Не только и не столько пределы Северной Руси защищал благоверный князь Невский, спасая начатки российской государственности, как любят повторять школьные пособия. Не в этом главная заслуга его и не здесь следует искать источник его несокрушимого вдохновения. Прежде всего, он защищал ту Истину вселенского значения, которая нашла себе убежище в пределах северо-восточной Руси. «От вас учения не принимаем!» Сколь бы ни было безнадежным и непоправимым положение России, измена чистоте Истины для нее не-

возможна. Только в неповрежденном хранении этой Истины — залог ее будущей неуничтожимости и неприкосновенности. В твердом исповедании чистоты Православия полагал св. Александр несокрушимость и долговечность российского бытия. Не на помощь союзников опирался он, не в политическом расчете искал выход, не на земные силы полагался в своем единоличном противостоянии распаду русской жизни. «Не в силе Бог, а в правде», в правде исповедания вселенского Православия. И тот, кто свято хранит его неповрежденность и чистоту, вправе ожидать Божией помощи там, где нет никакой надежды на избавление. Эта истина была обретена им в битве со шведами. В этом сражении проявился его военный гений и гений религиозный, нашедший ту высокую точку опоры, которая не только обеспечила ему блистательную победу на берегах Невы, но и снискала ему вечную славу. Это откровение мистического, иррационального порядка и стало основой его противоборства гибельному разложению русской действительности.

Историческая роль русского князя Александра Невского не ограничивается рамками его времени. Своей жизнью он явил образец служения Богу и человеку в условиях хаоса, растерянности, подавленности, невероятного разгула сил зла и лжи. Потому и сияет имя его в веках, являясь надежным ориентиром всем, оказавшимся в непроглядной тьме всеобщего отступления от Истины.

ОРДЕН И КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Имя Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского занимает важное место в государственной, культурной и духовной традиции России. Одним из аспектов этой традиции является история учрежденного в 1725 г. Ордена Св. Александра Невского, ставшего, как известно, третьим по времени возникновения Российским Орденом (после Орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Екатерины).

Следует сразу же пояснить, что традиционное понятие «Орден» не имеет ничего общего с современным аналогичным понятием, широко распространенным в России еще с советских времен. Мы, к сожалению, привыкли подразумевать под этим термином всего лишь наградной знак, тогда как в действительности сама этимология слова «Орден» (от латинского *ordo* — порядок, разряд, чин) показывает, что здесь, прежде всего, имеется в виду та или иная корпорация или организация. Таких организаций история Западной Европы знает несколько разновидностей: монашеский Орден, духовно-рыцарский Орден, светский Орден.

Светский Орден, о котором, собственно, и идет речь, — это учрежденная правящим Монархом почетная организация Кавалеров (т.е. Рыцарей), принадлежность к которой являлась наградой. Монарх стоял во главе данного почетного Ордена, будучи его Гроссмейстером. Принадлежавшие к Ордену Кавалеры каждой степени носили в особо торжественных случаях специальный Орденский костюм, а в прочее время — Орденские знаки поверх военной или гражданской одежды. (Известны и женские Ордена, причисленные к ним особы именовались «Дамами Ордена»).

Именно в этом традиционном смысле западноевропейское понятие «Орден» в конце XVII в. было привнесено в Россию Царем Петром I, Который впоследствии, уже в конце Своего правления, и вынашивал идею создания Ордена во имя Св. Александра Невского.

Еще в 1710 г. в Санкт-Петербурге по воле Петра I был основан Александро-Невский монастырь (впоследствии

*Знак ордена св. блгв. вел. кн. Александра Невского
над входом в Свято-Троицкий собор
Александро-Невской лавры*

Лавра). А 30 августа 1724 г. состоялось торжественное перенесение из старинного Владимира мощей Святого Благоверного Князя в означенную петербургскую обитель.

Как известно, новая столица России, Санкт-Петербург, возводилась на берегах реки Невы, где 15 июля 1240 г. Князь Александр Ярославич во главе новгородского войска одержал победу над шведами. Данный поход шведов на Неву отнюдь не следует рассматри-

вать, как это зачастую ошибочно делается, в качестве крестового похода, будто бы организованного католическими странами, включая Швецию, против православных русичей. Документов папской курии о провозглашении такого похода в 1240 г. не существует.

Скорее всего, Невская битва являлась эпизодом пограничной войны на русских северо-западных рубежах, описанием событий которой заполнены наши летописи. Характерно также, что из всех русских источников (скандинавские источники молчат) лишь I-я Новгородская летопись старшего извода и «Житие» Св. Александра упоминают о Невской битве. Почетное наименование «Невский» в память об этой битве было дано Князю Александру уже московскими летописцами XV в., т.е. значительно позже самого события. Все сказанное наводит на мысль о сравнительно небольшом масштабе данного сражения, впрочем, это отнюдь не умаляет заслуг Князя Александра Ярославича.

Огромная значимость Святого Благоверного Князя Александра для последующей исторической и, самое главное, церковной традиции привела к особому вниманию потомков к означенной битве, тем более, что в первой четверти XVIII в. Царю Петру I пришлось выдерживать многолетнюю Северную войну против Швеции за возвращение России выхода к Балтийскому морю. Так что желание Петра Великого учредить Орден Св. Александра Невского, жалуемый исключительно за военные заслуги, представляется вполне естественным. Но Император, скончавшийся в 1725 г., так и не успел осуществить Своего намерения.

Император Петр Великий

Первые пожалования в Кавалеры Ордена Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского состоялись 26 мая 1725 г. в царствование Императрицы Екатерины I, пытавшейся продолжать политику Своего покойного Супруга. Поводом для этих пожалований явилось бракосочетание Дочери Петра I и Екатерины. Царевна Анна Петровна сочеталась браком с Герцогом Карлом-Фридрихом Шлезвиг-Голштинским (в последствии Карл-Фридрих учредил Орден Св. Анны в память Своей Супруги). Среди восемнадцати человек, ставших в день свадьбы Герцога Карла-Фридриха и Царевны Анны Петровны Кавалерами Ордена Св. Александра Невского, оказались не только военные чины (сухопутные и морские), но и гражданские лица, включая четверых голштинских придворных. Таким образом, в отличие от замысла Петра Великого новый Российский Орден изначально стал жаловаться не только за военные заслуги, но и за государственную службу.

30 августа 1725 г., в первую годовщину перенесения из Владимира в Санкт-Петербург мощей Александра Невского, Императрица Екатерина I, будучи Гроссмейстером Ордена Святого Благоверного Князя, возложила на себя знаки сего Ордена. В тот же день в Кавалеры данного Ордена был пожалован двадцать один человек, включая двух европейских Монархов — Короля Польши Августа II и Короля Дании Фредерика IV, а также Российского Канцлера Графа Г.И. Головина, Генерал-Фельдмаршала кн. А.Д. Меншикова и др.

Интересно, что Императрица Екатерина II, учреждая 26 ноября 1769 г. Орден Св. Георгия, жалуетый исключительно за военные заслуги, возложила на Себя его знаки по примеру Екатерины I. Эти и подобные им символические церемонии, совершаемые Гроссмейстерами Российских Орденов, отнюдь не следует отождествлять с «самонаграждениями».

Что же представляли собой знаки Ордена Св. Александра Невского? Орденским знаком был золотой крест, изначально покрываемый красным граненым стеклом, а с 1816 г. — красной эмалью с лицевой и оборотной стороны. На лицевой стороне, в медальоне — изображение благословляемого выходящей из облаков рукою Св. Александра Невского верхом на коне. В медальоне оборотной стороны — вензель «SA» (St. Alexander) под Княжеской Короной. Между

концами креста расположены Коронованные Императорские Двуглавые Орлы. Этот крест носили у правого бедра на шелковой муаровой ленте также красного цвета, одеваемой через левое плечо. На левой стороне груди носили вышитую серебром (впоследствии зачастую просто серебряную) восьмиконечную звезду, в медальоне которой — тот же вензель «SA» под Княжеской Короной, сопровождаемый по окружности Орденским девизом «За Труды и Отечество». Этот девиз представляется несколько странным с точки зрения грамматики русского языка (правильнее было бы, например, «За Труды ради Отечества»). Однако для противоречивой и неоднозначной эпохи реформ Петра I игнорирование норм литературного русского языка даже в официальных документах являлось делом вполне обычным. В 1797 году появились Орденские знаки, украшенные бриллиантами. Вручение этих знаков стало особым, более почетным видом награждения. С 1855 г. Орденские знаки, вручаемые за военные заслуги, стали украшаться скрещенными мечами, проходящими через середину креста и звезды.

Орден имел одну Кавалерскую степень. Орденской церковью являлся храм в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре, где покоились мощи Святого Благоверного Князя. В день 30 августа, когда Русская Православная Церковь молитвенно воспоминает перенесение мощей Св. Александра Невского (этот же день считался Орденским праздником), в Петербурге от Казанского собора к Александро-Невской Лавре должна была двигаться торжественная процессия, сопровождаемая Кавалерами Ордена.

Невозможно, да и нет прямой необходимости перечислять в кратком обзоре всех Кавалеров данного Ордена. Так, всего в царствование Императрицы Екатерины I состоялось шестьдесят три пожалования.

При следующем Императоре и Гроссмейстере, Петре II, в Кавалеры Ордена был в 1728 г. пожалован Царь Картли Вахтанг VI, грузинский политический деятель, писатель и ученый, эмигрировавший с Семьей в Россию вследствие происков турецких и персидских властей.

В дальнейшем Александровским Кавалером стал, например, фаворит Императрицы Анны Иоанновны influentialный Э.И. Бирон (1730 г.), с именем которого последующая историографическая традиция зачастую связывала «немецкое засилье» в России, что, од-

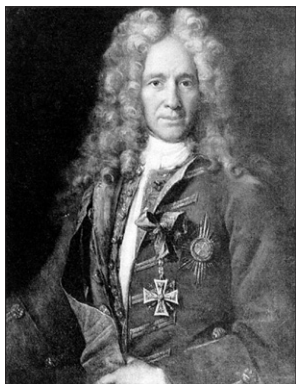
Императрица Екатерина I

Орден св. блгв. кн. Александра Невского. Учрежден в 1725 г.

Генерал-фельдмаршал
князь А.Д. Меншиков

Канцлер граф Г.И. Головкин

Генерал-фельдмаршал граф
П.А. Румянцев-Задунайский

Генерал-аншеф
В.И. Суворов

нако, является неверным, т.к. многие важные посты в государстве занимали деятели предыдущих царствований. Другим видным представителем означенной эпохи, пожалованным в Александровские Кавалеры, стал Граф Б.Х. Миних, выдающийся полководец времен Анны Иоанновны. Характерно, что после кончины Императрицы в 1740 г. Граф Б.Х. Миних возглавил переворот, приведший к отстранению от власти и лишению всех наград Э.И. Бирона, однако в связи с очередным изменением политической ситуации сам Миних вскоре также утратил свое положение и награды. Таковы реалии характеризующей XVIII столетие “эпохи дворцовых переворотов”, явившейся следствием отмены Петром I четкого порядка наследования Верховной Власти. В 1762 г. Император Петр III вернул Э.И. Бирону и Б.Х. Миниху все их награды.

Из числа лиц, также пожалованных в Кавалеры Ордена Св. Александра Невского Императрицей Анной Иоанновной, можно упомянуть последнего выборного украинского Гетмана Даниила Апостола (1731 г.) и Польского Короля и Саксонского Курфюрста Августа III (1736 г.).

В царствование Императрицы Елизаветы Петровны пожалования продолжались, в частности, во времена участия России в союзе с другими европейскими государствами в войне против Пруссии и ее Короля Фридриха II Великого (Семилетняя война). Любопытно, что с 1743 г. (т.е. с первых лет царствования Елизаветы Петровны) Король Фридрих Великий также являлся Кавалером Ордена Св. Александра Невского.

В 1759 г. Александровским Кавалером стал ко-

мандовавший дивизией в кровопролитном сражении при Кунерсдорфе Генерал-Поручик П.А. Румянцев, будущий великий полководец, впоследствии прославившийся в первую русско-турецкую войну. Характерно, что, отличившись при Кунерсдорфе в победоносном сражении против войск Пруссии, П.А. Румянцев всегда оставался большим почитателем Короля Фридриха Великого и его военной системы. (Кстати, отец П.А. Румянцева Александр Иванович еще в 1726 г. также был пожалован в Кавалеры Ордена Св. Александра Невского).

В 1760 г. Кавалером сего Ордена стал Генерал-Аншеф Абрам Петрович Ганнибал, знаменитый «арап Петра Великого», прадед поэта А.С. Пушкина. В том же году в Кавалеры Св. Александра Невского был пожалован отец будущего великого российского полководца А.В. Суворова — Генерал-Поручик Василий Иванович Суворов, Губернатор Кенигсберга и Командующий войсками, расположенными на Висле (в годы Семилетней войны Восточная Пруссия, занятая Русской Армией еще в начале кампании, входила в подданство Российской Империи).

В число гражданских лиц, пожалованных в елизаветинскую эпоху в Александровские Кавалеры, входили, например, такие деятели, как К.Г. Разумовский, Президент Академии Наук (1746 г.), И.И. Шувалов, один из учредителей Московского Университета и первый его куратор (1751 г.), а также И.И. Бецкой, известный просветитель и общественный деятель, длительное время стоявший во главе Академии Художеств (1760 г.).

Всего до времени воцарения в 1762 г. Императрицы Екатерины II пожалования Ордена Св. Александра Невского совершались различными Российскими Монархами около трехсот раз. Сама же Екатерина Алексеевна после Своего воцарения жаловала означенный Орден наибольшее в XVIII в. число раз — более двухсот пятидесяти.

Среди Александровских Кавалеров екатерининской эпохи следует особо упомянуть таких выдающихся государственных и военных деятелей России, как Григорий Александрович Потемкин и Александр Васильевич Суворов. Примечательно, что Суворов, родившийся в 1729 г., был назван именно в честь Св. Александра Невского, ставшего, таким образом, его небесным покровителем.

В ноябре 1768 г. А.В. Суворов, который до этого в течение нескольких лет командовал пехотным полком, был направлен в Польшу. Здесь Русские войска вели боевые действия против Барской конфедерации — провозглашенного в городе Бар союза мятежной польской шляхты, боровшейся с Королем Станиславом-Августом, Которому Россия в данном случае оказывала помощь и через Которого добивалась защиты «диссидентов» — т.е. православного населения, притесняемого в католической Польше. Ситуация осложнялась еще и тем, что в это же время Турция объявила войну России.

Война против польских конфедератов носила партизанский характер, а сам Суворов находился тогда на раннем этапе своей боевой деятельности. Тем не менее, именно к этой кампании относится производство Суворова в Генерал-Майоры (на сороковом году жизни) и первые пожалования в Кавалеры различных Российских Орденов, включая Орден Св. Александра Невского.

12 сентября 1771 г. при Столовичах Суворов одержал блестящую победу над примкнувшим к Барской конфедерации Литовским Великим Гетманом Огинским (род-

*Генералиссимус
граф А.В. Суворов*

стенником польского композитора Огинского, автора знаменитого полонеза).

За эту победу Суворов и стал Кавалером Св. Александра Невского. На своем первом прижизненном портрете, выполненном неизвестным художником в 1780 г. в Астрахани с натуры (до наших дней сохранилась лишь копия с этого портрета), Суворов изображен в чине Генерал-Поручика со знаками Кавалера Св. Александра Невского и Св. Георгия 2 степени. В 1789 г. деревянная

церковь, построенная Суворовым для своих крестьян в селе Кончанское Новгородской губернии, была освящена также во имя Святого Александра Невского — небесного покровителя полководца. Впоследствии в этой церкви длительное время хранились суворовские награды, включая и указанные Орденские знаки. А пока, самые вершины полководческой славы были для Суворова еще впереди.

Также в эпоху Екатерины II в Александровские Кавалеры были пожалованы, например, следующие лица: Генерал от Инфантерии М.И. Кутузов, Вице-Адмирал Ф.Ф. Ушаков, Тайный Советник А.И. Мусин-Пушкин, известный историк и собиратель древних рукописей, среди которых находилось и знаменитое «Слово о полку Игореве». Кавалерами Ордена становились и фавориты Императрицы, например А.Г. Орлов, или уже упоминавшийся выдающийся государственный и военный деятель Г.А. Потемкин, а также последний фаворит Императрицы П.А. Зубов. Фаворитизм был обычным явлением для всей Европы XVIII в., игравшим заметную роль в тогдашней политике.

В царствование Императора Павла I Орденам в России придавалось огромное значение. Была учреждена особая комиссия из шести Кавалеров Св. Александра Невского для наблюдения за опекаемыми Орденом «пристанищами для бедных», инвалидными домами и школами. Средства на содержание этих заведений складывались из взносов в двести рублей, которые делал в Орденскую казну каждый из вновь пожалованных Кавалеров. Иными словами, причисление к Орденским Кавалерам (Рыцарям) не только означало причисление к привилегированному сословию (дворянству), но и сопрягалось с определенными обязанностями.

В день Своей Коронации Император Павел I обнародовал «Уставление для Российских Орденов», которое объединяло Ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны в «единый Российский Кавалерский Чин или Орден, которого различные наименования не иначе разумеемы быть имеют как разные одного класса». Таким образом, в павловскую эпоху наименования указанных Орденов стали обозначать степени единого Имперского Ордена. Этот порядок был упразднен новым Императором Алек-

сандром I, восставшим самостоятельностью каждого Ордена, но с тех пор сохранилось правило, что пожалованный в Кавалеры высшего Российского Ордена Св. Андрея Первозванного становился также и Кавалером Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1 степени и Св. Станислава 1 степени. Знаки четырех перечисленных младших Орденов вручались Кавалеру Св. Андрея Первозванного вместе со знаками этого высшего Ордена.

Впрочем, такое случалось далеко не часто, и в первую очередь относилось ко всем мужским Представителям Российской Императорской Фамилии, становившимся Кавалерами Св. Андрея Первозванного по праву рождения, а в остальных случаях в Кавалеры высшего Российского Ордена обычно жаловались лица, как правило, уже до этого являвшиеся Кавалерами младших Орденов.

При Императоре Александре I за кампанию 1812–1814 гг., приведшей, как известно, к отречению Наполеона, пожалования в Кавалеры Св. Александра Невского за военные заслуги совершались сорок восемь раз, включая четырнадцать случаев пожалований Орденских знаков с бриллиантовыми украшениями. Кавалерами Ордена стали: Д.С. Дохтуров, М.А. Милорадович, А.И. Остерман-Толстой, Н.Н. Раевский, П.П. Коновницын, М.Б. Барклай-де-Толли, А.П. Ермолов и др. Атаман М.И. Платов стал Александровским Кавалером еще в кампанию 1806–1807 гг., а в указанное время получил знаки с бриллиантовыми украшениями. Перечисленные имена достаточно хорошо знакомы всем.

В начале царствования Императора Николая I в Александровские кавалеры были пожалованы те лица, которые во время известного выступления декабристов сохранили верность Престолу: Граф К.Ф. Толь за усердие в день 14 декабря 1825 г. и Л.О. Рот, за усмирение взбунтовавшегося Черниговского полка.

В 1862 г., при Императоре Александре II, Кавалером Ордена стал Адмирал М.Н. Станюкович, отец писателя К.М. Станюковича, изобразившего своего родителя под видом героя повести «Грозный Адмирал».

В 1881 г. в Кавалеры Св. Александра Невского был пожалован замечательный исследователь Центральной Азии Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский.

В ходе Февральской революции 1917 г. Император Николай II, Гроссмейстер всех Российских Орденов, был вынужден отречься от Престола. Монархия некоторое время продолжала формально сохраняться. Сохранялись и Российские Ордена, со знаков которых Временное правительство убрало монархическую символику. Вскоре, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, Временное правительство поспешило про-

*Генерал-фельдмаршал
князь М.И. Кутузов*

Д.С. Доктуров

Граф М.А. Милорадович

Граф М.Б. Барклай-де-Толли

Граф А.П. Ермолов

возгласить Россию республикой, но и тогда Капитул Орденов и сами Ордена продолжали по-прежнему существовать (точно так же, как Департамент Герольдии и дворянство). Очевидно, Временное правительство рассчитывало сохранить некую преемственность традиции в наградной системе, но без Орденского Гроссмейстера это, разумеется, было абсолютно незаконно. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики и вовсе «упразднили» все прежние Ордена. Однако история Ордена Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского по-прежнему продолжалась, правда, теперь уже в среде русской эмиграции.

Дело в том, что согласно международным нормам, Глава Династии, пусть даже и лишенной Престола, сохраняет все права Гроссмейстера Своих Фамильных Орденов, включая и право пожалования в Орденские Кавалеры. Соответственно, с юридической точки зрения, Гроссмейстером Российских Императорских Орденов является Глава Дома Романовых в изгнании. Впрочем, из истории Династии в эмиграции известны лишь относительно редкие случаи пожалований в Кавалеры дореволюционных Орденов. Например, ныне здравствующая Праправнучка Императора Александра II Освободителя — Великая Княгиня Мария Владимировна, Глава Российского Императорского Дома, пожаловала Графа А. Цехановецкого в Кавалеры Ордена Святого Александра Невского.

История Ордена Св. Александра Невского показывает, что в эпоху Российской Империи имя Святого Благоверного Великого Князя вдохновляло многих людей на служение Отчизне. И не случайно впоследствии,

в 1940-х гг., советский режим в годы войны активно пытался использовать в своих целях это имя, учредив награду, называвшуюся «Орден Александра Невского».

В те годы советская пропаганда Александра Невского достигла больших размеров, достаточно вспомнить вышедший тогда на экраны художественный фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский», ничего общего, впрочем, не имеющий с исторической действительностью. Ведь события, приведшие к битве на Чудском озере 5 апреля 1242 г., были на самом деле вызваны противоборством между Псковом, Новгородом и Владимиро-Суздальской землей (к Владимирским Князьям принадлежал и Князь Александр). В условиях соперничества городов-государств Псков стремился сохранить полученную самостоятельность, а Новгород и Владимир пытались вернуть его под свой контроль, причем новгородцы иногда объединялись с псковичами в противостоянии Владимирским Князьям. В этом противоборстве наиболее слабый Псков опирался на своих немецких союзников, заключив в 1228 г. договор о дружбе и взаимной военной помощи с Ригой и Орденом Меченосцев, объединенным впоследствии с Тевтонским Орденом. При этом в 1230-х гг., в самом Пскове с переменным успехом шла постоянная внутренняя борьба между немецкой и суздальской партиями. От хода этой борьбы во многом зависела и ситуация на границе между псковскими и немецкими землями.

Когда в 1240 г. Псков осадило объединенное войско немцев, датчан и русских, в городе вновь взяла верх немецкая партия, открывшая осаждавшим ворота. Ничего подобного убийствам немцами псковичей или сожжению детей, т.е. тому, что показано в фильме «Александр Невский», источники не сообщают. Союзные псковичи и немцы вступили в Новгородскую землю, поставив в центре Водской земли крепость Копорье. В Новгороде победила суздальская партия, в 1241 г. призвавшая вновь Князя Александра, ранее изгнанного из города. Александр Ярославич отбил Копорье, Псков и, как сообщает «Житие», разорил немецкие земли. Выступившее против него немецкое войско потерпело поражение на Чудском озере («Ледовое побоище»).

Во времена, когда учреждался советский орден Александра Невского, указанные события излагались зачастую не исторично и весьма упрощенно. Понятно, что и религиозный аспект также полностью игнорировался. Никакого обозначения Александра Невского как Святого Благоверного Великого Князя в названии советского ордена, разумеется, не было. Гораздо важнее была чисто пропагандистская сторона во время тяжелой для СССР войны с Германией (в 1942 г. исполнялось семьсот лет со дня битвы на Чудском озере).

Под словом «орден» в те времена понимался исключительно сам наградной знак, а не кавалерская организация. Орден Александра Невского предназначался для награждения за военные заслуги командного состава среднего звена (от командиров взводов до командиров дивизий). Всего было около сорока тысяч награжденных. Первым награжденным советским орденом Александра Невского стал командир батальона морской пехоты И.Н. Рубан — за успешное отражение атаки превосходящих сил противника. Но это уже совсем другая история.

БЫЛОЕ

В.В. Антонов

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ БРАТСТВО И ТАЙНЫЕ МОНАШЕСКИЕ ОБЩИНЫ В ПЕТРОГРАДЕ

Всего семь лет назад в нашем городе скончалась последняя участница самой крупной тайной женской общины монахинь в мире, действовавшей в 1920-х гг. в Петрограде. Я еще успел побеседовать с Лидией Александровной Мейер (1901–9.11.1993), дочь известнейшего руководителя «Воскресения» — нелегального религиозно-философского кружка, разгромленного в 1928 году ленинградскими чекистами. Она вспомнила интересные подробности о своей жизни в «общежитии» на Конной ул. 8, но главные сведения об этой и других подобных общинах я почерпнул из следственных дел, которые хранятся в УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. На них прежде всего и основан рассказ об еще одной неизвестной странице истории православного Петрограда. (1)

Этот шестиэтажный доходный дом на Конной улице хорошо виден со Старо-Невского проспекта. Он выстроен в 1911–1912 гг. в стиле модерн по проекту малоизвестного архитектора Л.Я. Наткина и украшен фронтоном, на котором некогда находились часы. Весной 1922 года в доме, на верхнем этаже, поселились духовные дочери молодого лаврского архимандрита Гурия (Вячеслава Михайловича Егорова, 1891–1965), настоятеля митрополичьей Крестовой церкви. Многокомнатную квартиру им предоставил управдом, член Александро-Невского братства, работавшего при лавре. Поначалу в общину вошли всего три молодые женщины: Костецкая, Киселева и Миллер. Руководить ими Гурий поставил свою тетю — Марию Карловну Шмидт (1880–10.2.1953), бывшую бестужевку, которая была много старше и имела постриг.

Хотя в конце 1925 года Евгения Сергеевна Миллер (1896) ушла в Пятогорский монастырь, а Вера Николаевна Киселева (1898) — в Творожковский, община не распалась, ибо еще раньше в квартиру № 22 на Конной пришли новые сестры: в 1923 — учительница Анастасия Яковлевна Аристовна (1895-), только что приехавшая из Ельца; в следующем — Лидия Александровна Мейер, окончившая музыкальные классы Консерватории, и Александра Сергеевна Борисова (1901–5.7.1958), учившаяся в Богословском институте. После них сюда тоже приходили подвижницы, жаждавшие в советских условиях жить монашеской жизнью.

К концу 1928 года в общине находились: Шмидт, Костецкая, Мейер, Борисова, М.С. Маракушина (1876–

Дом по Конной ул., 8, в котором находилась тайная монашеская община

11.3.1959), К.И. Степанова (1901-?), З.П. Денисова и Е.Г. Помылева (1900-?) — всего восемь человек. В большинстве своем они входили в Александро-Невское братство, которое, возникнув в 1918 и пережив в 1922 году разгром, продолжало в уменьшенном составе действовать полулегально. В тяжелом для Православия 1930 году община пополнилась двумя новыми членами — в нее вступили Мария Александровна Тихомирова (1893-), родом дворянка, и Екатерина Георгиевна Ауэрхан (1890-), десять лет проработавшая в сельской больнице близ недавно закрытого Творожковского монастыря. Первую привела в общину Костецкая, вторую — Борисова. (2)

Обычно «после получения согласия решившегося поступить в общину, вопрос согласовывался со всеми сестрами» и с духовником. Прием происходил на собрании, но никакого протокола на нем, понятно, не велось. Покинуть общину можно было в любой момент, после предварительного оповещения. В итоге ее состав был довольно текучим и потому ко дню ареста «ветеранами» оказались лишь три сестры: Костецкая, Аристовна и Борисова, т.е. четверть всей общины.

Старшая сестра Костецкая, энергичная и способная женщина, играла в общине главную роль. Родилась Ольга Осиповна в 1894 году в семье чиновника благотворительного ведомства учреждений Ведомства Императрицы Марии Феодоровны. Окончив Женский

Педагогический институт, она преподавала в Николаевском сиротском институте, а после революции работала в разных учреждениях машинисткой, учась одновременно в университете и в Богословском институте. С 1920 года Костецкая участвовала в работе Александро-Невского братства, за что при «изъятии церковных ценностей» в 1922 году была арестована и два с половиной месяца провела на Шпалерной. Именно по ее инициативе была создана община на Конной и были выработаны правила внутренней жизни, одобренные архимандритом Гурием незадолго до своего очередного ареста 1 июня 1922 года. (3)

Эти правила гласили: «общность имущества, общая касса, общий стол, общая молитва, обязательное посещение церкви, обязательное воздержание от посещения кино и театров, воздержание от употребления мяса и спиртных напитков, строгое соблюдение постов, воздержание от общественной работы, которая направлена к разрушению религии». Конечной целью принятых правил было: «подготовить себя к монашеству и впоследствии уйти в монастырь», хотя достичь ее удалось не всем и не скоро.

Некоторые сестры не разделяли названную цель, считая «достаточным для спасения осуществление монашества внутри себя, не постригаясь», т.е. изначально и целиком были ориентированы на монашество в миру, которое вынужденным образом стало распространяться в связи с продолжавшимся закрытием монастырей. В результате в 1930 году в общине возник конфликт, из-за которого ее покинули Шмидт, перешедшая к архимандриту Вениамину (Эссену), и Мейер, склонная — как ей казалось — к монашеству, принимать которое архимандрит Гурий, однако, не рекомендовал. Лидия Александровна в конце концов благополучно вышла замуж. (4)

Повторяя наставление своих духовных отцов, Аристова заявила на следствии: «Чтобы соблюдать правила монашеской жизни, оставаясь в миру нужно: 1) обязательное руководство священника; 2) быть абсолютно верным Православной Церкви и не участвовать

*Иеромонах Гурий
(Егоров) –
один из
создателей
Александро-
Невского
братства. 1922 г.*

в расколах; 3) быть покорным гражданской власти до того момента, пока не требуется отречение от Бога и Церкви; 4) не порывая с миром, внутренне строго соблюдать заветы монашества». В приведенных указаниях §§ 2–3 прямо относятся к тогдашней действительности, и сестры полностью их соблюдали (в меру своего понимания). (5)

Как протекала обычная жизнь в общине? Ежемесячно сестры сдавали Костецкой 60–80 руб., из которых одна часть шла на питание, другая — на квартиру, третья — на помощь заключенным духовникам. Общей у монашествующих была утренняя и вечерняя молитва; утром все ходили к ранней обедне на Творожковское подворье или в Феодоровский собор, где служили наставники сестер. Евангелие каждая сестра читала в своей комнате. Совместной трапезы в обед не было, только вечером все вместе пили чай.

По признанию Маракушиной, «жизнь наша в общении проходит в монашеском бдении и, по возможности, в молитве. В театры мы не ходим, безбожной и советской литературы не читаем, светских песен не поем и по клубам не ходим... Разница между нами и монахинями заключается только в том, что мы не пострижены». Была, конечно, и другая разница — сестры жили не изолировано от мира. (6)

Чтобы существовать, они в этом миру еще и работали. Маракушина, Ауэрхан и Денисова — медсестрами, Помылева — картотекарем на почтамте, Степанова — кассиршей трампарка, Борисова — секретарем месткома, Тихомирова — счетоводом в детдоме. Мейер давала уроки музыки; Буйлова и Костецкая шили дома одеяла. Шмидт была инвалидом и получала пенсию. Часть сестер постоянно пела в хоре Феодоровского собора, некоторые частным образом преподавали Закон Божий детям в верующих семьях.

Жизнь в общине была посвящена труду и молитве, келейной и церковной, и шла под постоянным руководством духовников: архимандрита Гурия и архимандрита Варлаама (Сацердотского), даже если они находились в узах. Из заключения регулярно при-

*Архимандрит
Варлаам
(Сацердотский),
окормлявший
Александро-Невское
братство. Фото ок.
1924 г.*

ходили письма с советами, назиданиями и утешениями. Письма Варлаама, но более поздней поры, до нас частично дошли. (7)

Выйдя в очередной раз из тюрьмы и предчувствуя новый скорый арест, архимандрит Гурий 29 ноября 1928 года написал краткий устав для опекаемой им общины. Точнее, он зафиксировал правила, которые сестры получили от него раньше и уже соблюдали:

«1. Ходить в храм, по возможности ежедневно.

2. Присутствовать неуклонно на домашней молитве (утренняя и вечерняя молитва, повечерие и др.) и выполнять ее благоговейно, строго придерживаясь установленных часов.

3. Аккуратно выполнять свое личное правило, как молитвенное, так и библейское.

4. Говорить только необходимое.

5. Между собой хранить мир и дружбу, относиться друг к другу терпимо, снисходительно, благожелательно и услужливо.

6. Без моего благословения не предпринимать ничего серьезного. Где бы я ни был, за мною остается главное руководство.

7. Старшей подтверждаю сестру Марию (Шмидт — В.А), которую прошу вести дело со всеми в согласии; если же она по какой-либо причине «выйдет из строя», тогда сами изберите на время, до моего указания».

Одновременно Гурий дал строгий наказ своим духовным чадам:

«В храм ходите на буднях не реже двух раз в неделю.

Ходите в храмы, где держатся богослужебного устава.

Исповедуйтесь у о.Л(ьва Егорова) или о.В(арлаама Сацердотского) или о.Х(ристофора) или лаврского о.Гурия.

Не оставляйте Иисусовой молитвы.

Каждый день читайте Библию, Псалтири или что-либо духовно-нравственное.

Забойтесь друг о друге».

Кроме этих духовно-нравственных правил в общине имелись и другие, конкретно-материального свойства:

1). «Помощь церкви как денежная, так и личным трудом.

2). Служение ближним путем оказания медицинской, моральной и материальной помощи.

3). Занятия с детьми по Закону Божьему.

4). Помощь заключенным». (8)

В монашеском общежитии на Конной преобладали интеллигентные женщины молодого и среднего возраста, сформировавшиеся как личности в основном до революции. Шмидт два года училась на Бестужевских курсах, Костецкая закончила Педагогический институт, Помылева и Степанова — гимназию, Тихомирова — Николаевский сиротский институт. Только Буйлова не имела среднего образования. Но и она могла сравнивать жизнь в России без большевиков и при них.

Вдохновителем и руководителем общины всегда — даже сидя в лагере или отбывая ссылку — оставался архимандрит Гурий. Он успел окончить в 1917 году Петроградскую Духовную академию, несмотря на то, что в годы Первой

мировой, будучи с 1915 года иеромонахом, пошел медбратом на фронт. Поступив в братию лавры, Гурий вместе со своим старшим братом иеромонахом Львом (Леонидом Михайловичем, 1889–1942), выпускником университета, был организатором Александро-Невского братства. По делу братства он был сослан в 1923 году на три года в Туркестан.

Вернувшись, архимандрит Гурий с 1925 года служил в церкви лаврской киновии на правом берегу Невы. Арестованный снова 27 мая 1927 года по делу Богословско-пастырского училища, он просидел на Шпалерной полгода, но был выпущен. Правда, на свободе находился всего год и 24 декабря 1928 года еще раз попал в тюрьму, откуда на пять лет отправился в Белтбалтлаг.

Следовательно, о.Гурий лично руководил общиной четыре года — в 1925–1928 гг., да и то с перерывом; остальное время он делал это при помощи писем. К сожалению, во время своего последнего ареста Гурий не устоял и уже на первом допросе выдал адрес и состав своей общины. Допросили тогда однако одну Шмидт, которая 10 января 1929 года подтвердила следователю сообщенные сведения. Других сестер чекисты трогать не стали, но установили, вероятно, над ними оперативное наблюдение, длившееся три года.

Когда архимандрит Гурий находился в заключении, духовником общины в 1922–1923 гг. и в 1928–1932 гг., вплоть до ее разгрома, был собрат Гурия по лавре и братству архимандрит Варлаам (Сацердотский, 1896–1937), который в те годы (до 1930 года) служил в Троицкой церкви Творожковского подворья. Василий Михайлович был сыном священника и окончил в Новгороде семинарию, после чего был направлен в 1914 году в Московскую Духовную академию, но революционные

*С.-Петербург.
Феодоровский
собор –
юбилейный храм-
памятник 300-летия
Дом Романовых,
где часто
молились
сестры общины
на Конной ул.*

события заставили его прервать обучение и удалиться в деревню Треповка Саратовской губернии.

В 1921 году юноша вернулся в Петроград, активно включился в работу Александро-Невского братства и стал слушать лекции в недавно открытом Богословском институте. 17 февраля 1922 года митрополит Вениамин постриг его в монахи с именем Варлаам, а краткое время спустя епископ Венедикт (Плотников) рукоположил в иеромонахи. После ареста 1 июня 1922 года руководителей братства молодой иеромонах встал во главе его, оставаясь на этом месте до собственного ареста 2 февраля 1924 года и последующего заключения на Соловках, где он провел два с половиной года.

По словам Варлаама, «конечной целью руководимого мною братства было духовное самоусовершенствование путем полной преданности Церкви. Наиболее религиозные члены братства организовали монашеские общежития, целью которых было готовить себя к монастырю и жить иноческой жизнью, оставаясь в миру... Правила жизни в общинах сводились к совместной молитве, общекоммунальной жизни и воздержанию от общения с миром, посещение монастырей».

Вернувшись из Соловков на Творожковское подворье, иеромонах Варлаам вернулся и в братство, которое к 1930 году распалось на четыре группы: вокруг Феодоровского собора и женскую общину на Конной, а также вокруг Троицкой церкви в лаврской киновии и Тихвинской церкви Лютикова подворья в Лесном. (9)

Продолжая традицию братства, на Конной в 1925–1928 гг. собирався руководимый Гурием молодежный кружок, куда ходили молодые прихожанки Феодоровского собора: медсестра Александра Сергеевна Грацианова (1906–), дочь священника; Тамара Михайловна

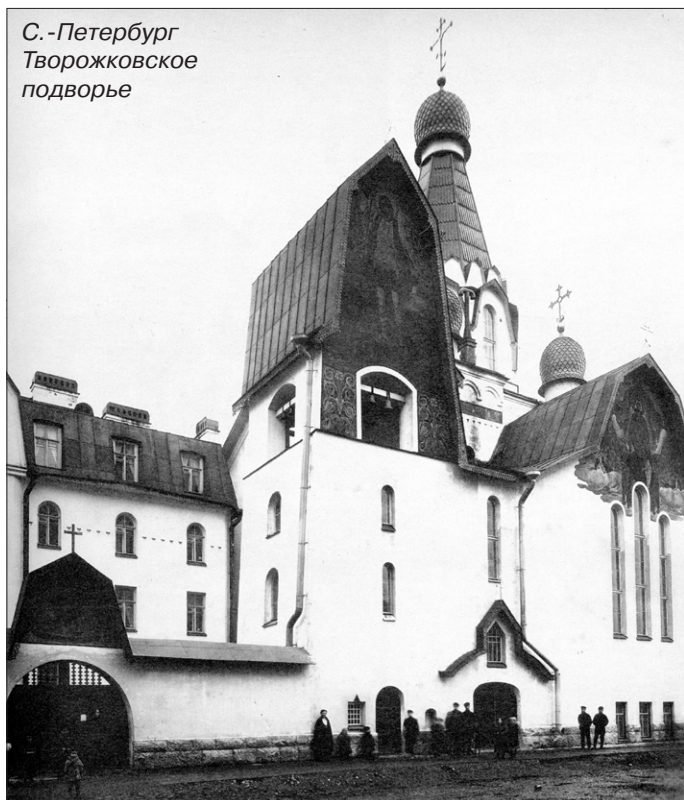
*Настоятель
Феодоровского
собора архимандрит
Лев (Егоров)*

Шиллинг (1907–), студентка Медицинского техникума; Лидия Александровна Никитина, Серафима Владимировна Буйлова (1903–), из крестьянской семьи, Елена Зотова и еще несколько девушек. Они «изучали религиозно-художественное творчество Достоевского, читали Евангелие и жития святых... Занятия иллюстрировались картинками древних соборов, монастырей». Некоторые из девушек (Никитина и Шиллинг) входили в Александро-Невское братство, другие (Буйлова) со временем вступили в саму общину. (10)

В том же 1922 году в Старом Петергофе возникла еще одна женская община, организованная медсестрой Ниной Сергеевной Яковлевой (1898–22.1.1965), которая, как и Костецкая, была участницей Александро-Невского братства. Общиной руководил молодой иеромонах Варсонофий (Владимир Сергеевич Веревкин, 1894–26.7.1939), служивший в местной церкви прп. Серафима Саровского при Серафимо-Дивеевском подворье.

Он был родом из Гатчины и до революции успел окончить реальное училище, два курса Технологического института и Духовную академию. В годы гражданской войны юноша служил переписчиком в военно-строительной части Красной армии, а вернувшись в Петроград, поступил в начале 1922 года в лавру, где через полгода был пострижен и рукоположен. С июня того же года иеромонах Варсонофий непрерывно служил в церкви Серафимо-Дивеевского подворья, причем с 1930 года — в сане игумена. К сожалению, игумен страдал «сонной болезнью», что иногда сказывалось на ходе службы. Его помощником по храму был с 1926 года юный иеродиакон Нектарий (Николай Васильевич Панин, 1906–30.3.1933), мать которого состояла в «двадцатке». (11)

С самого начала в общине было всего пять молодых сестер: Яковлева, Анастасия Сергеевна Заспелова (1899–5.9.1982), Евгения Иосифовна Фалькевич (1904–1966), Елена Васильевна Белова (1902–26.7.1933), Александра Андреевна Литовченко (1896–21.10.1978), которые сознательно не принимали других желающих, «так как боялись, что если нас будет много, нас обна-

*С.-Петербург
Творожковское
подворье*

ружат и вышлют». Подобная тактика имела успех — чекисты долго ничего не знали о петергофской общине.

По своему составу и образу жизни она заметно отличалась от общины на Конной. Все сестры были из простых семей и революцию большинство из них пережило в юном возрасте. Только Яковлева и Литовченко имели среднее образование: первая закончила гимназию, вторая — коммерческое училище. До переезда в Петергоф Фалькевич работала кустарем, Литовченко — счетоводом, Белова служила в Наркомпросе. После создания общины никто из сестер на советскую власть не трудился. Даже в Петроград они выезжали редко и лишь по крайней необходимости.

При поступлении в общину иером. Варсонофий каждую сестру «благословлял молитвою, четками и монашеским пояском», хотя пострига сестры не принимали и мантийных монахинь в общине никогда не было. Тем не менее, правила монашеской жизни были в ней строже, чем на Конной. «Заключались они в ежедневном обязательном хождении в церковь, общем котле и общей трапезе, в запрещении читать советскую литературу, ходить в кино, театры, клубы и вообще принимать участие в советской жизни». Варлаам так образно говорил о монашеском опыте: «монах только тот, кто, как лапти, всеми отбит и обтрепан». Да и общее настроение в самой общине было более апокалиптическим — «среди сестер ходили разговоры о «Протоколах сионских мудрецов», в которых будто бы предсказано все, что сейчас делается». (12)

У сестер был свой огород, где они выращивали овощи. Кроме того, некоторые из них постоянно пели в подворской церкви, получая за это вознаграждение. Заспелова шила одеяла, Яковлева работала белошвейкой. Продукты и деньги жертвовали прихожане. Большая часть времени отводилась келейной и церковной молитве. Евангелие здесь читали все вместе. Принимали сестры и гостей: инокинь и братиц с Конной, из Феодоровской церкви, кинонии и Лесного, вместе с которыми приезжали их священники: архим. Варлаам, архим. Лев и игумен Серафим (Суторихин), иером. Сергей (Ляпунов), архим. Вениамин (Эссен). Бывал в Старом Петергофе и архиепископ Полоцкий и Витебский Гавриил (Воеводин), служивший на покое в Творожковском подворье. Обычно эти посещения ради конспирации обставлялись как «совместные чаепития» или «обеда».

Такой же маленький тайный монастырь, но никак не связанный с вышеназванными общинами, действовал в эти годы в дачном поселке Вырица под Петроградом, где во время Первой мировой войной открылось подворье Успенского Моквинского (Кавказского) женского монастыря. Оно размещалось в двух деревянных зданиях на Саратовской улице. При нем обитали шесть монахинь-иосифлянок, которые зарабатывали на жизнь, трудясь на огородах и в советских учреждениях. На местной почте работали, например, Пелагея Степановна Мануйлова (1891-) и Татьяна Петровна Петрова (1901-). Обвинение усмотрело в этом факте «зашифрование своего тайного монашества», хотя таких небольших общин из монашествующих закрытых большевиками монастырей и подворий было довольно много в Петрограде и его окрестностях до роковых

*Церковь
прп. Серафима
Саровского
при Серафимо-
Дивеевском
подворье
в Старом
Петергофе*

дней 17–18 февраля 1932 года, когда ОГПУ провело на них облаву в рамках всесоюзной акции по ликвидации монашества. Арестованные в Вырице пошли по одному делу с вышеописанными общинами.

Самую пожилую вырицкую монахиню Марию Трофимовну Артемьеву (1869–1933) следствие обвинило в том, что она «устраивает чтение Евангелия и в беседах на религиозные темы проводит антисоветскую агитацию». Впрочем, аналогичные обвинения предъявлялись всем инокиням — чтение Евангелия вменялось в преступление. В поселке монахини жили незаметно: никуда не ездили и никого не принимали, только трудились и молились в Успенской подворской церкви. Они вышли из рабочих и крестьянских семей, были малограмотными и в разные годы попали в общину: Артемьева и Матрена Дорофеевна Дорофеева (1899-) жили в ней с 1918, Петрова — с 1923, а Мануйлова — с 1927 года. Всех их Господь объединил в служении Себе. Окармливал общинку живший в соседнем доме иеромонах Пафнутий (Васильевич Акиншин, 1868-), которого арестовали еще раньше, в начале 1931 года, и отправили в лагерь за иосифлянство.

18 марта 1932 года настал черед вырицких инокинь. Сильнее всех чекисты наказали старшую монахиню Артемьеву — она получила три года ссылки в Казахстан. Дорофеевой дали «минус три», что означало запрет жить в Ленинградской и Московской областях; Петрову и Мануйлову вообще освободили. Во время войны в Вырицу из-под Великих Лук прибыли новые монахини, но с ними советская власть тоже расправилась. (13)

Во время операции против монашествующих 17 февраля 1932, по адресу: наб. р. Фонтанки 76 кв. 12, был арестован старый и маститый профессор ботаники Василий Васильевич Маркович (1865-?), который, как знали чекисты, был в 1921 году пострижен на Новом Афоне в монахи с именем Нестора. Окончив Полтавский сельскохозяйственный институт, Маркович до 1925 года трудился в Сухуми — вначале на опытной станции, затем директором ботанического сада. Из Сухуми ученый, вероятно, часто ездил в Симоно-Кананитский мужской монастырь на Новом Афоне, пытаясь — по его

собственным словам — найти после смерти жены в 1920 году утешение в религии.

Переехав в Ленинград, Маркович стал сотрудником известного Всесоюзного института растениеводства, которым руководил академик Н.И. Вавилов. В 1926–1928 гг. он был послан институтом в большую научную командировку и побывал в Китае, Японии, Индии и Палестине, где, изучая субтропические культуры, посетил Святую Землю и «познакомился с архиепископом Анастасием (Грибановским, 1873–1965 — В.А.), главой Духовной миссии, прожив на ее подворье два с половиной месяца». По пути из России профессор побывал и на Афоне. Вернувшись на родину, он не боялся переписываться с одной из монахинь Елеонского монастыря, а будучи в Японии, даже рискнул встретиться «по вопросам религиозно-философского характера» с женой известного белогвардейского атамана Семенова.

Обладая гражданским мужеством и отказавшись поэтому выдать своих верующих знакомых, Маркович тем не менее не только сочувствовал советской власти, но и был убежден, что «между христианством и коммунизмом много общего». В связи с этим он мечтал «создать духовные колхозы, действующие по правилам общины», и в 1924 году написал даже «устав христианской селско-хозяйственной трудовой общины». По его искреннему мнению, колхозы, «которые объединяют большие массы крестьян, уничтожают в них чувство собственности и тем создают благоприятные условия для превращения их в духовные христианские коммуны».

Об этой утопии ученый вспомнил в 1931 году, когда узнал, что в Ярославской области, близ станции Бахланка, существует трудовая коммуна им. Крупской, «где верующими руководил скрывающийся среди них священник». Он просил разузнать, «нельзя ли провести в коммуне месячный отпуск в качестве агронома». Из-за ареста отпуск в коммуне Марковичу провести не удалось, зато ОГПУ интенсивно начало искать названного священника. По-видимому, симпатии тайного монаха Нестора к коммунизму проистекали из его прошлого — в 1905–1917 гг. он состоял в партии эсеров и от бывших идеалов полностью не отрешился. Впрочем, христианский социализм был до революции довольно популярен в кругах богословской интеллигенции.

Перед арестом старый профессор все больше тяготился своей научной деятельностью и мечтал, выйдя на пенсию, «посвятить себя богословским занятиям». Очевидно, он сильно интересовался религиозными вопросами и не только о них размышлял, но и писал, так как давал свои заметки архим. Льву (Егорову) «для подготовки проповеди в Страстную седмицу». Отца Льва монах Нестор считал «человеком очень умным и энергичным» и относился к нему с большим уважением.

Нестор, вероятно, тщательно скрывал свое монашество и никого не собирал у себя и вокруг себя. Однако он уговорил принять постриг свою помощницу, которая занималась библиографией. Ее звали Нина Александровна Дмитриева (1894-?), и она по окончании Высших сельскохозяйственных курсов трудилась сперва в Туркестане, с 1923 года — у Марковича в Сухуми, который

давал ей читать духовную литературу, «беседовал с ней о Боге и загробной жизни». Другой наставницей Дмитриевой в Сухуми была Ирина Николаевна Назаренко.

Переселившись из Сухуми в Ленинград, Нина Александровна «вела тайное послушание по указанию Марковича» и в 1929 году была пострижена в лавре игуменом Феодосием. По ее словам, она перед этим случайно прочла дневник Марковича, чем «вызвала его гнев и требование, под угрозой разрыва, принять постриг». В следующем году монахиня Нина отправилась на Новый Афон, где встречалась с тайным монахом Александром Михайловичем Левицким, которого чекисты вскоре выслали в совхоз под Тифлисом на принудработы. В совхоз Дмитриева ежемесячно посылала пять рублей.

По совету своего духовного отца, молодая монахиня «хотела уехать в Палестину и поступить в Горенский монастырь, для чего обратилась с письмом к епископу Анастасию и получила согласие». Непонятно, каким образом думала она перебраться в Палестину, ибо выехать за границу в это время было уже очень сложно. Вместо Святой Земли Дмитриевой пришлось отправиться в лагерь в Казахстан. (14)

История ученого иеромонаха Нестора и его духовной дочери уникальна, ибо немного было профессоров, которые, став монахами, не только продолжали спокойно трудиться в советских организациях, но и занимались в них обращением в Христову веру. В 1931 году профессор сумел даже в предисловии к вышедшей в Ленинграде брошюре «Сыроедение» призвать к монашескому аскетизму, хотя цензура в это время уже была всеохватной.

Профессор Маркович в 1937 году вернулся из заключения и жил в Малой Вишере. Вавилов помог ему с пенсией. После того как осенью 1941 года немцы на некоторое время заняли поселок, Марковича этапировали куда-то на север, где он и сгинул.

Следствие по делу тайномонашествующих длилось всего месяц, и 19 марта 1932 года ОГПУ утвердило обвинительное заключение, где всех объединило в единую мифическую «организацию», придумав для нее «идейную базу»:

«Организация ставила себе целью объединение верующих и создание общественного движения против советской власти путем систематической антисовет-

Иеромонах Варсофоний (Веревкин), окормлявший монашескую общину Серафимо-Дивеевского подворья. 1920-е гг.

ской пропаганды и создания нелегальных ячеек как в г. Ленинграде, так и в провинции.

Деятельность организации развивалась в следующих направлениях:

1). Насажение тайного монашества как религиозно-политической силы в советских учреждениях, вузах и колхозах;

2). Организация тайно-монашеских женских и мужских общежитий-«коммун»;

3). Создание церковных кадров и богословское воспитание молодежи;

4). Организация систематической материальной и моральной помощи репрессированному за контрреволюционную деятельность духовенству;

5). Организация связей в различных областях СССР, а также за его пределами, в среде церковников-белогвардейцев.

В основном деятельность организации сводилась к объединению под религиозным покровом монархически настроенных элементов и созданию из них воинствующего ордена «истинно-православных людей» по типу «Союза Михаила Архангела» с прямым подражанием наиболее деятельным и реакционным орденам римско-католической церкви». (15)

Действительность в этом обвинении отражают только §§ 2–4, с оговоркой, что инкриминируемой работой никто централизованно не управлял. Все остальное — обычная чекистская фальсификация. Правда, использована «новинка» — фантастический «орден», образцом которого, кроме «Союза Михаила Архангела», намеренно объявлены «реакционные» католические ордена, ибо в это время заметно обострились отношения с Ватиканом, критиковавшим религиозные преследования в СССР.

22 марта 1932 года выездная сессия ОГПУ огласила свой приговор по «монашескому делу». Объявленные руководителями архимандриты Лев, Варлаам, Вениамин, игумен Варсонофий, иеромонах Нестор получили по статье 58–10 и 11 по максимуму — 10 лет лагеря с конфискацией имущества. Костецкую, Киселеву, Аристову, Маракушину, Дмитриеву отправили в казахстанский лагерь на пять лет; Яковлеву — на три года, тогда как большинство сестер (Борисову, Степанову, Тихомирову, Буйлову, Помылеву, Ауэрхан, Белову, Заспелову, Литовченко, Никитину, Артемьеву) в Казахстан на три года только выслали. Туда же сослали и иеродиакона Нектария, через год умершего на р. Или от астмы. Мейер, отказавшуюся давать показания, вообще не судили. Наиболее жестоко расправились чекисты с общиной на Конной и мягче всего — с инокинями-иосифлянками из Вырицы. Очевидно, сказался классовый подход — интеллигенцию следует карать сильнее, чем рабоче-крестьянский элемент. (16)

Как позднее сложилась судьба сестер? Она известна лишь частично. Костецкая после карагандинского лагеря жила в Средней Азии при Владыке Гурии, сперва в Фергане, затем в Ташкенте, где и скончалась как монахиня Макария. Таким же образом протекала и закончилась жизнь и других духовных дочерей Владыки: Киселевой, Борисовой, Маракушиной (монахиня Александра) и Шмидт. Помылева после ссылки жила в Чимкенте, а позднее переехала в Солыцы, откуда немцы

угнали ее в Германию. Вернувшись на родину, инокиня после смерти матери поступила в 1952 году в Пюхтицкий монастырь, где и отошла ко Господу. Яковлева умерла монахиней Серафимой в Крыму, последовав туда в 1961 году за митрополитом Крымским и Симферопольским Гурием. Заспелова (монахиня Сергия) скончалась позже всех, в Ленинграде.

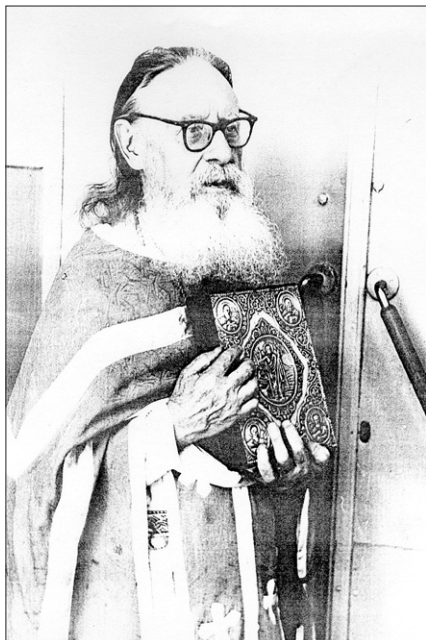
Архимандрит Варсонофий недолго находился в заключении: уже в мае 1933 года его освободили из лагеря как инвалида первой группы, и несколько месяцев он провел в ссылке в Вологде и Сыктывкаре. Осенью того же года пришло извещение о полном освобождении, и о. Варсонофий выехал в Новгород, где за ним ухаживала Е.И. Фалькевич. Он умер своей смертью и похоронен на местном Петровском кладбище.

В марте 1932 года, вскоре после ареста тайных монахинь, чекисты взяли на Шпалерную также членов полулегального Александро-Невского братства, которые уцелели от разгрома, учиненного десять лет назад. ОГПУ следило за ними при помощи своего агента — некоего «отца Константина» из Нового Петергофа. В братстве, из коего происходили монахини, насчитывалось в это время около тридцати человек (согласно Сацердотскому, «не более 50»), в основном женщин, которые жили отдельно или небольшими ячейками, по двое-трое, занимаясь главным образом благотворительностью. В первую очередь они оказывали помощь болящим, для чего учились в санитарных кружках и работали в больницах (прежде всего в Боткинской), а «кроме того помогали самим больным материально и морально».

Другим направлением работы братства была денежно-материальная поддержка заключенного духовенства. «Деньги, вещи и продукты собирались в общежитиях (на Конной и в Старом Петергофе — В.А.), в Феодоровском храме; затем поступали к Селюгиной и Волковой для передачи Иннокентию (епископу Ладозскому — В.А.), остальная часть передавалась Марии Карловне Шмидт для Гурия...» Делалось это регулярно и организованно, что особенно взбесило следствие. Посылки отправляли по почте и через знакомых проводников. Ольга Георгиевна Нелидова (1897–9.2.1965), дочь камергера, отдельно помогала Макарьевской пустыни, и в ее квартире в Озерном пер., 2 останавливались приезжавшие

Храм прп. Серафима Саровского на Петергофском подворье Серафимо-Дивеевского монастыря. Интерьер

Архимандрит
Серафим
(Суторихин).
1976 г.

из пустыни иноки. За это ей дали пять лет Караганды. В 1937 году Нелидову, как репрессированную, выслали с семьей в Горький, где она, став монахиней, работала медсестрой и там же умерла.

Братство вообще поддерживало довольно тесные связи с монастырями епархии: Макарьевской и Троице-Сергиевской пустынями, Черемнецким и Кикеринским монастырям — в них братчицы регулярно бывали для богомолья. «Сацердотский ездил на Кавказ (к тайным монахам — В.А.)..., вновь принятых в монашество отправляли для ознакомления с монашеской жизнью. Некоторые в этих монастырях совсем оставались, например, Женя (Миллер — В.А.), девица с высшим образованием, оставшаяся в Кикеринском монастыре».

Братчицы, «если к этому представлялась возможность, руководили религиозным воспитанием детей у родителей, которые желали воспитывать своих детей в религиозном духе. Делалось это путем практики частных уроков». Этим, например, занималась Надежда Николаевна Павинская (1897-после 1956), из семьи священника, слушательница Богословских курсов, и Наталья Густавовна Хаккевиц (1898–1985), дочь царского генерала, которая, утратив позже веру после лагеря, учительствовала в Сибири. Хотя религиозное образование в семье действовавшим законом формально допускалось, власти все равно усматривали в нем антисоветскую пропаганду.

До 1928 года полулегальная жизнь братства носила «более или менее организованный характер. Устраивались собрания, на которых читалась аскетическая литература с последующим толкованием. Устраивались чаепития с хорошим угощением и последующими беседами». Дванадцатые праздники встречали все вместе в храме и за столом. В братство старались привлечь новых людей. «Заметив, что молодой человек или девушка часто ходят в храм, к ним присматривались более внимательно; затем следовали беседы Льва Егорова или других лиц из актива, которые окончательно устранили содержание посещавшего». «Новенькие»

поручались «старшим». После 1928 года с окончанием НЭПа, когда религиозная политика ужесточилась, собраний и чтений уже больше не было и встречались члены братства в основном в храме и на спевках. (17)

О том, как до 1928 года проходили указанные чтения, вспоминал позднее профессор Н.А. Мещерский (1906–1987), учившийся тогда в университете. «Философский кружок работал под руководством о. Варлаама и собирался у нас в квартире по воскресеньям, через неделю. Начали мы со «Столпа и утверждения истины» Флоренского — требовалось реферировать главы книги и беседовать о них. Потом намечались: «Свет невечерний» Трубецкого, «Два града» С. Булгакова, что-то из Бердяева. Кто принимал участие? Ростислав Лобковский, Иннокентий Астанин, о. Афанасий Карасевич, Федя Кисловский, учившийся в Институте истории искусств в одной группе со Львом Успенским. Приходил мой двоюродный брат Борис Форш, который не был православным, но весьма интересовался Православием и его философской стороной».

Два года подряд, в 1926–1928 гг., под руководством того же о. Варлаама, а потом и о. Гурия, собирался монашеский кружок, организованный Лобковским и Мещерским. «Каждый раз мы правили канон Иоанну Лествичнику, обязательно читали главу из «Лествицы» с комментариями. Затем, по очереди, делали доклады по истории русского монашества XVIII–XIX вв.: о Серафиме Саровском, Амвросии Оптинском, Игнатии Брянчанинове. Иннокентий Астанин подготовил доклад о Павле Прусском, старообрядческом монахе... Кто принимал участие? Примерно все те же: Ростислав Лобковский, Иннокентий Астанин, Афанасий Карасевич, а также Б.С. Ляпунов, М.М. Тычинин, П.В. Дмитриев, другие — эпизодически». Как можно заметить, оба кружка были чисто мужскими и братчицы там не бывали. Занимались в них самообразованием на уровне студенческих семинаров. В те годы это было довольно опасно и рассматривалось как контрреволюционная деятельность. (18)

На допросах Мещерский, к сожалению, дал обширные показания и подвел под следствие «идейную» базу. Духовных чад Гурия и Варлаама он, например, охарактеризовал «как наиболее фанатично и контрреволюционно настроенных», в то же время о сторонниках Льва написал: «признающие компромиссы и даже лояльность по отношению к советской власти». Проанализировал арестованный аспирант и работу самого братства, точно указав ее основные направления:

- 1). «Организация богословского просвещения молящихся путем церковных богослужений сугубо уставного характера и церковных проповедей;
- 2). Подготовка богословски образованных церковных кадров путем индивидуальной и групповой обработки верующих, особенно молодежи;
- 3). Подготовка и организация тайно монашествующих для укрепления церкви и подготовки священников, которые не были бы связаны семьей;
- 4). Организация самодеятельности верующих путем устройства общенародного пения во время службы, специальных хоров и т.д.;
- 5). Организация материальной и моральной помощи высланному духовенству».

*Игумения Серафима (Нина Сергеевна
Яковлева, 31.10.1898 — 22.1.1965).
Ташкент, 1951 г.*

По мнению Мещерского, «молодежь или постепенно отходила от церкви, или все более проникалась прозелитизмом, иногда порывая все связи со светским миром, уходя в явное монашество или же молча протестуя против революции, относясь формально к своей советской службе, всего себя отдавая Церкви». В этом поведении несомненно проявлялось духовное сопротивление безбожному строю, хотя в церковном отношении братство стояло на примиренческих позициях митрополита Сергия (Страгородского). (19)

Группировалось братство вокруг архимандритов Льва и Гурия (Егоровых), и на его базе, напомним, возникли общины на Конной и в Старом Петергофе. Лев окормлял большинство братиц (при приеме он вручал им белые платки) — они пели у него в Феодоровском соборе («левый хор более по своему составу и настроению близок к монашеству»), а желающих он тайно постригал. Кроме того, после 1926 года Гурий постриг также несколько молодых людей, которые вскоре приняли сан. Всех их арестовали по одному делу. Это были: Сергей (Ляпунов), Афанасий (Карасевич) и Серафим (Суторихин).

Самым юным был иером. Афанасий (Георгий Михайлович Карасевич), родившийся в 1908 в семье офицера. Кончив школу, он с 1926 года — ближайшее духовное чадо о. Льва, а после пострига в 1930 году — иеродиакон у него в Феодоровском соборе. Ездить в храм ему приходилось из Дибунов, где он жил в общежитии (дома в Гатчине была тяжелая обстановка). По словам Мещерского, Карасевич «играл особенно большую роль в работе с молодежью, преподавая иностранные языки и одновременно Закон Божий; его ученик Лев Поляков был послушник у Вениамина». Этот девятнадцатилетний Лев помогал Вениамину по хозяйству.

Судьба о. Афанасия была печальной. Он получил пять лет концлагеря и, выйдя из заключения в 1936

году, на свободе провел всего год, служа в церкви дер. Никандрово Новгородской области. Там в апреле 1937 года его снова арестовали и вскоре расстреляли. (20)

Столь же трагично закончилась жизнь и двух других сподвижников о. Льва — Вениамина и Сергия. Архимандрит Вениамин (Владимир Михайлович Эссен, 1902–1938) происходил из старинной семьи остзейских дворян. Детство он провел в Польше, где его отец служил офицером. До революции Эссен успел кончить гимназию, а затем, вероятно, сражался в Белой армии, однако из Севастополя не эвакуировался. Красные его арестовали, но жизни не лишили, и юноша перебрался в Туапсе, где работал в лесничестве. Мать и брат Николай тем временем успели уехать в Ревель.

Перебравшись в Ленинград к другому брату, юноша кончил Художественный промтехникум, но по специальности работать не стал, а, «будучи религиозным с детства», принял в 1927 году постриг от епископа Сергия (Зинкевича). Став иеродиаконом, а затем иеромонахом, о. Вениамин в следующем году начал служить в Феодоровском соборе, где познакомился с архимандритом Львом. Когда в 1930 году молодого иеромонаха перевели в Тихвинскую церковь в Лесном, из собора он «увел с собой много братиц», которых привлекали его талантливые проповеди. По словам арестованного архимандрита Никандра (Иевлева, 1877–), вокруг Вениамина образовалось «особое братство его поклонников ... в Тихвинский храм приходили даже польские ксендзы» послушать его. За это последнее обстоятельство ухватились чекисты — им нужна была связь с католиками. За активную пастырскую деятельность архимандрита приговорили к 10 годам лагеря в Потьме, где 4 июня 1938 года расстреляли. (21)

На квартире Эссена арестовали молодого иеромонаха Сергия (Бориса Сергеевича Ляпунова, 1901–1936). Его отец был известным композитором и профессором Консерватории, а также старостой ее домово́й церкви. Университет Борису Сергеевичу закончить не удалось — в 1919–1921 гг. он находился в Красной армии. Проработав затем библиотекарем и служащим в Академии наук, юноша в начале 1928 года принял постриг и стал иеромонахом и помощником о. Гурия в церкви лаврской киновии. Когда через несколько месяцев Гурий был арестован, о. Сергей занял его место.

На допросе молодой настоятель держался очень твердо. Он заявил следователю: «в Церкви, в Евангелии есть законы, которые выше законов государственных. Эти Божии законы, в некоторых случаях, оправдывают неподчинение государственной власти и, в частности, в данном случае — советской в лице ОГПУ». Тем не менее, как и большинство арестованных, иеромонах Сергей советскую власть признавал и возражал лишь против ее антирелигиозной политики. Его отправили в Темниковский лагерь, где новомученик Сергей умер от болезни. (22)

Удачнее сложилась судьба другого иеромонаха — Серафима (Сергея Михайловича Суторихина, 1901–1979), который окончил свои дни не в лагере, а настоятелем церкви в Самарканде. Сын священника в г. Слободском прибыл в Ленинград в 1927 году и, поступив на Богословско-пастырские курсы, стал слу-

*Иеромонахи Лев и Гурий (Егоровы),
архимандрит Иннокентий (Тихонов). Фото 1921 г.*

жить псаломщиком в Феодоровском соборе. Юноша влюбился в красивую певчую Лизу Смирнову, но та отвергла предложение стать его женой и через две недели, 12 апреля 1929 года, о. Лев постриг Сергея с именем Серафим. Молодой монах стал помогать своему духовному наставнику вначале как иеродиакон, а затем как иеромонах, управляя хором правого клироса. Немногим более года прослужил иеромонах Серафим в соборе. Его арестовали 13 марта 1932 года и приговорили к пяти годам лагерей.

Из 30 членов братства, которых удалось выявить чекистам (значительную часть их назвала на допросе Костецкая), половина была осуждена на три-пять лет лагеря или ссылки. Больше всех — 10 лет лагеря дали почему-то работавшей в роддоме Вере Васильевне Клочковой (1900-), которая подвизалась в братстве с самого его начала. Видимо, ей припомнили участие в 1922 году в протестах против ареста митрополита Вениамина. По пять лет Караганды получили брат и сестра Киселевы: Николай Николаевич (1901–1942) и монахиня

Вера, тоже старые члены братства. За работу в Спасском братстве Киселев, учившийся в Богословском институте, уже провел два года (1924–1926) на Соловках. Вернувшись, он до 1929 года был иподиаконом у архиепископа Гавриила (Воеводина), а затем посещал его в Витебске. Имея право бесплатного проезда по железной дороге, молодой братчик много ездил по стране, чтобы встречаться с разными священнослужителями. В Москве он был у епископа Мануила (Лемешевского), в Киеве — у схииериепископа Антония (Абашидзе), в Белеве — у епископа Игнатия (Садковского) и у его брата иеромонаха Георгия. Возвращаясь в родной город, Киселев делился своими впечатлениями с членами братства. (23)

Аресты 1932 года окончательно разгромили Александро-Невское братство, старейшее и крупнейшее в свое время в Петрограде. Оставшиеся на свободе братчики и братчицы уже больше не рисковали ни собираться вместе, ни заниматься организованной благотворительностью. С этим было покончено на долгие десятилетия. Помощь узникам и занятия Законом Божиим, конечно, продолжались, но исключительно индивидуальным образом и в строжайшем секрете. Члены братства морально и материально поддерживали друг друга в заточении и на свободе, переписывались меж собой и со своими духовными наставниками и старались хранить верность братским правилам.

Сильный удар был нанесен и по монашеству в миру. Хотя оно тоже позднее продолжалось, но в Петрограде число постригаемых или живших по-монашески заметно уменьшилось, и монашествующие стали меньше общаться с окружающим миром и между собой. Часть из репрессированных уже никогда больше не вернулась в город и навсегда осталась в далекой провинции, где, однако, не уставала проповедовать Слово Божие. Память о подвижниках сохранилась в сердцах людей, их знавших, и в архивных документах, но главное — она сохранилась в памяти Господа, Который давал им силу и крепость выстоять в дни гонений и испытаний.

Примечания

1. УФСБ по СПб и Ленинградской обл., д. П-71897 в 5 томах, известное как дело «Воскресенья» (см. Антонов В.В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. // Невский архив. Вып. 4, СПб, 1999, С. 288–326) и д. П-68567 в 4 томах.
2. д. П-68567, Т. 4, Л. 351–359, 375.
3. То же, Т. 2, Л. 73–82; Синодик Санкт-Петербургской епархии XX век. СПб, 1999, С. 635. Там же, д. 20682, Т. 2, Л. 33; д. П-68567, Т. 2, Л. 73–74; Т. 4, Л. 429.
6. д. П-68567, Т. 4, Л. 446; Т. 2, Л. 204.
7. То же, Т. 4, Л. 368.
8. Там же, д. 14284, Т. 1, Л. 311–312.
9. д. П-68567, Т. 2, Л. 15–22 Архим. Варлаам (Сацердотский). Письма из заточения к духовным детям. // Минувшее. Вып. 15, СПб, 1994, С. 464–517; Синодик... С. 99.
10. д. П-68567, Т. 4, Л. 421.
11. То же, Т. 1, Л. 211, 233.
12. То же, Т. 1, Л. 216–242.

13. То же, Т. 1, Л. 254–270; Синодик..., С. 16, 22; И.И. Осипова. «Сквозь огонь мучений и воды слез...» М., 1998, С. 293.
14. То же, Т. 2, Л. 43–59; Т. 4, Л. 243–263.
15. То же, Т. 4, Л. 436.
16. То же, Т. 1, Л. 18–21.
17. То же, Т. 2, Л. 57, 73–80; Т. 4, Л. 279–283; В.В. Антонов. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы). // Минувшее. Вып. 15, М.-СПб, 1994, С. 424–442.
18. Н.А. Мещерский. Отрывки воспоминаний. // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991, Вып. 6, С. 34.
19. То же, Т. 4, Л. 279, 292.
20. То же, Т. 2, Л. 149; Т. 4, Л. 283; Синодик... С. 56.
21. То же, Т. 2, Л. 32–38, 87; Синодик... С. 122 1; Осипова, указ. соч., С. 363. Автор ошибочно причисляет к иосифлянам оо. Вениамина, Варсонофия (Веревкина), Серафима (Суторихина) и Сергия (Ляпунова).
22. То же, Т. 2, Л. 61–66; Синодик... С. 71.
23. То же, Т. 2, Л. 117, 107–108, 204; Синодик... С. 58.

НАШИ ХРАМЫ

П.Е. Сорокин

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В УСТЬ-ИЖОРЕ

Ингерманландия — Ижорская и Водская земли Новгородского, а затем Русского государства, ограничивалась на западе рекой Наровой, на юге собственно Новгородскими землями, на востоке — Ладогой и Карелией на севере. Издревле ее населяли два финских племени — ижора и водь.

Существует несколько версий появления этнонима «ижора». Согласно одной из них, он происходит от названия одноименной реки Ижора, одного из левых притоков Невы. По другой, от личного княжеского имени Игорь-Ингвар¹ или от имени принцессы Ингигерд, жены Ярослава Мудрого. По мнению Ю. А. Шегрена, в наименовании земли ижор — иначе ингров (Ingerinmaa) заключалось понятие «земли Ингрин», владелицы Ладожского ярлства, куда, по-видимому, входили и земли вдоль Невы в 1020–1050 гг. Затем в XVII в., когда эти территории некоторое время входили в состав Шведского королевства, к существующему названию было присоединено еще одно слово — «земля» (на этот раз шведское — land). Таким образом, Ижорская земля стала называться Ингерманландией².

Впервые в письменных документах об ижоре говорится в булле римского папы Александра III к упсальскому епископу Стефану в 1164–1181 гг., призывающей к распространению католичества на прибалтийско-финские народы. Затем под 1221 г. ижора упоминается в Хронике Генриха Латвийского в связи с вторжением немецких рыцарей в ее земли. Новгородская летопись в 1228 г. повествует об участии ижоры в отражении набега финского племени емь в Приладожье. К этому же времени, то есть к концу XII в. — началу XIII в. относятся первые немногочисленные археологические памятники, обнаруженные на некотором удалении к югу и северу от Невы и связываемые с ижорой.

Около 997 г. норвежский ярл Эрик Хаконарссон «разрушил Альдейгьюборг³ и взял там много богатства». Позже в 1020 г. Ярослав Мудрый дал своей жене Ингигерд в качестве свадебного подарка Альдейгьюборг и все то ярлство, которое к нему принадлежало. Великокняжеским наместником здесь стал родственник Ингигерд ярл Рёгнвальд, у которого часто находили свое пристанище скандинавские конунги, изгнанные во время междоусобных войн. История распорядилась так, что его сын Стейнкиль стал родоначальником новой шведской королевской династии, и Ладожская земля превращается в

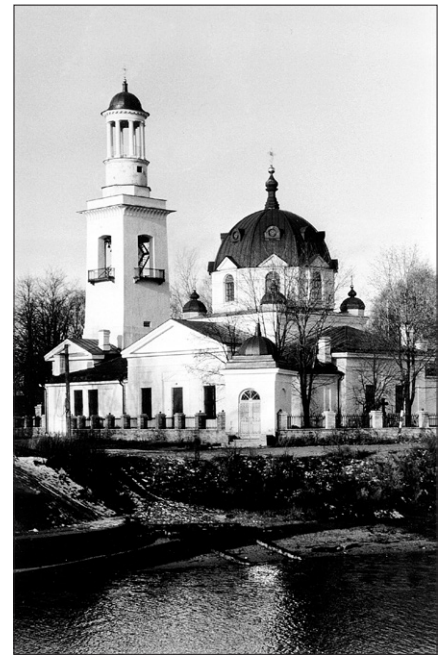
постоянный предмет шведско-русских конфликтов⁴.

К этому времени в состав Новгородского государства уже входили финские племена корела, водь и ижора на правах федератов. Они платили Новгороду дань и принимали участие в совместных с ним военных акциях. При этом, за исключением ижорского плато, расположенного к юго-западу от Невы и относящегося к водской

земле, территории расселения этих племен не были колонизованы русским населением. Следовательно, организация торгового судоходства на Неве и охрана его, по-видимому, уже в это время возлагалась на ижору.

Финское племя ижора, судя по всему, было достаточно надежным союзником Новгорода, о чем свидетельствует полное отсутствие в летописях сообщений о каких-либо столкновениях между ними и тот факт, что охрана такого важного участка трансевропейского торгового пути, как Нева, находилась под контролем ижорян. Рассказ о Пелгусии, жившем «посреде роду своего погана»⁵, фиксирует начальный этап затянувшегося на долгие столетия процесса распространения среди ижоры христианства, когда родоплеменная знать, находившаяся в тесных отношениях с новгородским боярством, уже начинает принимать новую веру. Писцовые книги рубежа XV–XVI вв. сообщают нам о деревнях Пелкуевых, или Пелгуевых, в Ижорской земле. Не исключено, что жили там потомки того самого Пелгусия⁶.

До начала экспансии западноевропейских держав на восток новгородские границы были достаточно размыты, поскольку собственно новгородские земли, населенные

Усть-Ижора. Вид места Невской битвы с колокольни церкви св. Александра Невского. Фото 1920-х гг. (Слева: вид в сторону Петербурга, справа: вид вверх по течению Невы)

преимущественно русским населением, были окружены землями финских племен, находившихся в различной степени зависимости от Новгорода.

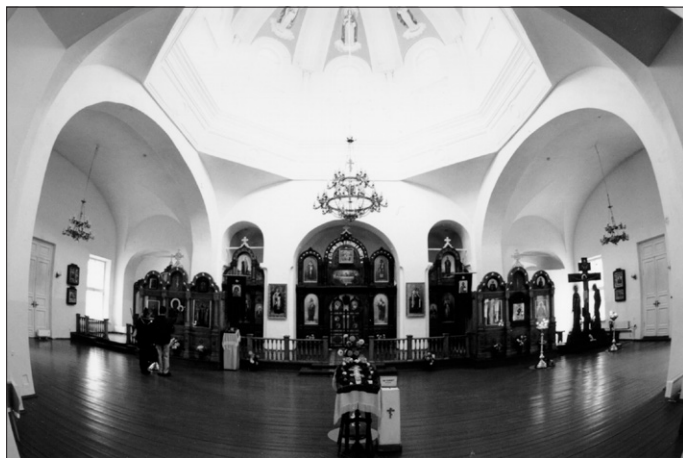
Кровопролитная борьба на северо-западных рубежах, по-видимому, оказала влияние и на характер новгородской колонизации, основным направлением которой становится северо-восток. Что касается северо-западных окраин, то здесь плацдарм в южном приладожье, заселенный еще в пору славянского расселения, дополнился заселением в XI в. ижорского плата в Водской земле, получившее свое название в позднее время, когда сюда стала переселяться ижора. Собственно Ижорские земли по течению реки Невы, находившиеся между этими территориями, в силу их неблагоприятности для земледелия длительное время оставались населены лишь немногочисленным ижорским населением. Продвижение сюда русских колонистов началось в XII–XIII вв., что документируется археологическими памятниками в верховьях р. Ижоры. Массовое освоение этих земель новгородцами протекало, по-видимому, уже в XIV в.

Писцовая книга Водской пятины 1500 г., включавшая сведения об административно-территориальном делении, поселениях, их жителях, содержит документальное подробное описание этих земель. Территория пятины делилась на уезды, центры которых находились в городах. Земли по течению р. Невы традиционно входили в Ореховецкий уезд. В свою очередь уезды делились на погосты, центрами которых были крупные села, где обычно располагалась церковь. В конце XV в. на северо-западе Русского государства преобладали мелкие деревни — так свыше 70% селений новгородских пятин имели 1–2 двора. При этом здесь существовал гнездовый способ расселения, обусловленный природно-почвенными особенностями местности⁷. Одно из таких гнезд, включившее 5 деревень, существовало в устье Ижоры. Две из них назывались просто «на Усть Ижеры», три других — Карино, Заречье и на Кюллине на Коитине. В этих пяти деревнях было всего 10 дворов. Своеземцы и черносошные крестьяне платили налоги денежные и натуральные: рожью, ячменем, луком, баранами, пивом, хлебами. Было здесь и два больших двора, один из которых принадлежал князю Ивану Темке-Ростовскому; второй — дворянам братьям Бровцыным Куземке и Андрейке. В совместном их владении была «Тоня Олхова на

реце на Неве пониже устья Ижерского», дававшая богатые рыбные уловы. Иван Темка попал в Ижорскую землю после великой рокировки, произведенной царем Иваном III, включившим в 1477 г. Новгород в состав Московского государства. Для прекращения сепаратных тенденций значительная часть земель новгородского боярства была конфискована, а многие бояре были переселены в центральные районы страны. Земли эти были переданы в поместное землевладение после того, как «князь великий москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье». Темка, происходивший по прямой линии от Мономаховичей, первоначально владел Борисоглебской стороной Ростова и землями в окрестностях города, затем продал эти владения Ивану III и получил земли в Водской пятине. Будучи воеводой, он погиб 8 сентября 1514 г. в битве с литовцами под Оршей⁸.

Православная Церковь с большими трудностями утверждала свое влияние в этих землях. На протяжении всего XVI в. ею предпринимаются меры по искоренению языческих верований в Водской пятине.

Согласно народному преданию, в Усть-Ижоре сразу же после битвы, в ее честь, была воздвигнута часовня, а затем в XVI веке, уже после общерусской канонизации св. блгв. кн. Александра Невского, совершенной в 1547 г. в царствование Иоанна Грозного, — церковь. В писцовых книгах эти памятники не упоминаются, хотя что касается

Интерьер храма. Современный вид

часовен, то они чаще указывались здесь для привязки к местности — например, «деревня Воронье у часовни», «...Подгорье у часовни». Для деревень в устье Ижоры была более надежная географическая привязка — поэтому даже если часовня и существовала, она могла быть не упомянута. Обычно часовни ставились в местах чудесных и памятных событий, или просто в гнездах деревень, в некотором роде заменяя их жителям церковь. По праздничным дням здесь могла служить обедница, совершаться требы.

В начале Северной войны (1700–1721) Ижорские земли были возвращены России. 13 августа 1702 г. здесь, на берегу Ижоры, произошел бой между русскими войсками и частями шведского генерала Крониорта, отступившего после боя за Ижору к Дудоровой мызе (Дудергофу).

После основания С.-Петербурга (1703) и устройства здесь корабельных верфей, Усть-Ижора становится перевалочным пунктом по сплаву леса в Петербург. В 1707 г. земли в устье Ижоры были пожалованы А.Д. Меншикову, получившему по личной просьбе Петра I от австрийского императора Иосифа титул «Князя Ижорского» за заслуги перед империей.

В том же году было принято решение выстроить по южному берегу Невы между Петербургом и Шлиссельбургом несколько малых крепостей на расстоянии 4–5 верст друг от друга для защиты от неприятеля. Такая земляная фортеция с 4 бастионах была выстроена и в Усть-Ижоре, на том самом мысу, где в 1240 г. произошла битва. Рядом с ней возводится Усть-Ижорская резиденция кн. Меншикова с «деревянным с двух порталентах с двумя малыми шпицами» дворцом, построенным из старых хором «Шведского построения королевского дому», перенесенных из Шлиссельбургской крепости. Рядом с домом был разбит обширный сад.

С левым берегом Ижоры мысовую резиденцию светлейшего связывал разводной деревянный мост. Здесь в 1711 году «...заложена была церковь деревянная, во имя Святого благоверного князя Александра Невского по имянному Его Императорского Величества указу, на память, что... на сем месте при устьи Ижоры реки святой Александр Ярославич великий князь российский одержал над шведами победу. Того ради Государь Петр Великий в память сего Ижорского места повелел построить церковь во имя святого благоверного князя Александра

Восстановление Александро-Невской церкви. 1992–1993 гг.

Невского, которая в 1712 г. по совершении ее февраля 4 числа освящена преосвященным Иовом митрополитом Новгородским и протчими архимандритами, на котором освящении изволили быть сам Его Императорское Величество Петр Великий со всем генералитетом⁹. Судя по изображению на одной из карт первой четверти XVIII в., церковь эта имела центральную колокольню с шатровым завершением. С востока к ней примыкала алтарная часть с глухими стенами, обшитыми доской по вертикали, и с запада притвор с оконцами. Обе эти части были крыты двускатной тесовой крышей.

Уже в первой четверти XVIII в. село Ижорское, раскинувшееся по обе стороны реки вокруг описанного комплекса, было «...величиной на версту или малым чем более, с первых лет оное было князя Меншикова, который из разных своих вотчин, переведенных на той Ижоре поместил крестьян, так же и в протчих около нея местах довольно крестьян населил».

После опалы кн. Меншикова постепенно приходит в упадок и бывшая его Усть-Ижорская резиденция, переданная к тому времени в распоряжение Императорской Дворцовой конторы. В 1726 году сгорела от удара молнии церковь св. Александра Невского. И только в 1730 году на прежнем месте по указу Императрицы Анны Иоанновны была сооружена новая деревянная церковь. «Перед той церковью паперть на столбах большая да с правой стороны малая. На той церкви крест железный вызолоченный с цепями. Колокольня рубленая восьмиугольная, на ней колокола медные... Она церковь и колокольня крыты тесом, погорожены в круг решеткою деревянною в пазы и выкрашены краскою червленою. В той церкви и в алтаре, и в трапезе девять окошек, стеклянные в замазанных рамах, затворы столярной работы. Да в верху три окошка малых, в том числе два круглых». Церковь имела два придела, посвященных архангелам Михаилу и Гавриилу. «Над царскими дверьми три образа в иконах Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи... В алтаре престол, на нем одеяние камчатое, трафчатое двуличное кресту позументу серебряного. На престоле Евангелие, оклеянное бархатом красным, дарохранительница и дарственный», в стороне «жертвенник на нем сосуды». Стены

Князь-Владимирская кладбищенская церковь, где были возобновлены богослужения в 1989 г. (вид до реставрации)

церкви были расписаны на сюжеты Страстной Господних и жития прп. Варлаама Хутынского¹⁰. Была здесь и икона свт.Николая Чудотворца — покровителя путешественников и мореплавателей, напоминавшая об извечной роли Усть-Ижоры на путях древнего судоходства.

В 1797 году церковь в Усть-Ижоре вновь сгорела от удара молнии, а в 1798—1799 гг. по просьбе и при участии местных жителей, на их средства, при содействии казенных кирпичных заводов, была построена новая каменная церковь с колокольной, с деревянной крышей и куполом, без отопления. Она была огорожена каменной оградой с чугунной решеткой. Для нее был отлит колокол весом 269 пудов 35 фунтов. Приход церкви в это время составлял уже 110 дворов (783 души), а служили в ней 1 священник и 2 дьячка. С 1800 по 1861 гг. Усть-Ижора и Александро-Невская церковь состояли в ведении Александровской мануфактуры, которая была учреждена по указу Императора Павла I в 1797 году¹¹.

В течение XIX в. Усть-Ижорская церковь св.Александра Невского пережила две перестройки. В 1835—1836 гг. она была увеличена в длину путем пристройки трапезной и новой колокольни. Автором перестройки был архитектор Громов. Деньги на постройку собирались по подписке. 300 рублей было пожертвовано графом Шереметевым, владевшим в Усть-Ижоре несколькими крестьянскими дворами.

Последняя перестройка церкви производилась в 1871—1875 гг. и была вызвана необходимостью увеличить площадь церкви в связи с ростом населения села. Перестройка проводилась на добровольные пожертвования. Автором ее был известный мастер в области церковной архитектуры М. А. Щурупов. Церковь была увеличена за счет двух приделов в ширину, деревянный купол был заменен деревянным же, но большего размера. Расширение происходило за счет территории кладбища, в результате чего часть могил оказались в пределах церкви (10). Боковые приделы были освящены в честь свт.Николая Чудотворца и Усекновения главы Иоанна Предтечи.

В 1889 г. на бывшем холерном кладбище вместо деревянной часовни, приписанной к церкви, была выстроена каменная (арх. М.А.Щурупов), во имя св. князя Владимира, позднее действовавшая как церковь и закрытая к 1941 г. Другая часовня, также каменная, была выстроена в церковной ограде.

Значительные пожертвования на ремонт церкви выделяла семья богатых кирпичных заводчиков-крестьян Захаровых, ежегодные доходы которых составляли 65 тыс. рублей. Однако не только кирпичное и лесозаготовительное производство было распространено в Усть-Ижоре. Она, как и весь С.-Петербургский уезд в начале XX в., славилась своим ядовитым садоводством. Распространен здесь был и кустарный промысел вязания мереж, косяков и рыболовных сетей. Вязали почти исключительно женщины, и хотя труд их вознаграждался скудно, брались они за него охотно, так как происходил он в свободное от других работ время¹².

В начале века приход Усть-Ижорской церкви насчитывал более двух тысяч человек. Причт храма составляли два священника и два псаломщика. Среди настоятелей храма следует назвать священника Иакова Лабеецкого, служившего здесь в 1837—1847 гг. и открывшего первую в селе школу. (Со второй половины XIX в. в селе действовало также сельское училище). Затем здесь настоятельством протоиерей Владимир Георгиевич Никольский, начавший в 1879 г. служить здесь диаконом, позже — священником. Удостоенный 6 мая 1913 г. сана протоиерея, он служил здесь и до переворота 1917 г. В 1898—1907 гг. вторым священником служил кандидат богословия, выпускник Киевской Духовной академии о. Митрофан Владимиров. К 1917 вторым священником был иерей Василий Лебедев, диаконом — о.Анатолий Муретов. В 1920—1932 гг. настоятелем церкви служил протоиерей Вячеслав Петрович Исполатов, позже, в 1938 г. расстрелянный¹³.

В 1934 году Усть-Ижорская церковь была закрыта, первоначально она была отдана под клуб, затем под

Усть-Ижора.
Празднование 750-летия
Невской битвы

склад, просуществовав в этом качестве до 1960-х годов. В годы войны (1941) советскими войсками была взорвана колокольня церкви под предлогом, что она является ориентиром для противника. В начале 1970-х гг. рухнул купол храма. К концу 1980-х церковь сохранялась в полуразрушенном виде. С 1987 года за ее восстановление взялось добровольное объединение «Невская битва», поставившая вопрос о реставрации как самого храма, так и всего исторического поселка, связанного со многими знаменательными событиями.

В 1989 г. была зарегистрирована община церкви. Первоначально богослужения были возобновлены в кладбищенской церкви-часовне во имя св. князя Владимира на улице Верхняя Ижорка. Освящение ее было совершено митрополитом Алексием (нынешним Патриархом Московским и всея Руси) в сослужении викарного епископа Тихвинского Арсения, четырех протоиереев и двух диаконов 31 декабря 1989 г. На следующий день, 1 января 1990 г., в храме была совершена первая Божественная литургия. С этого дня богослужения здесь стали регулярными. Настоятелем храма с 1989 г. становится протоиерей Анатолий Мороз.

Летом, 14 июля 1990 г. в Усть-Ижоре широко было отмечено празднование 750-летия Невской битвы, ознаменовавшееся грандиозным крестным ходом из С.-Петербурга с мощами св. блгв. кн. Александра Невского, которые незадолго до того (3 июня 1989 г.) были возвращены Церкви. В молебне св. Александру Невскому, совершенному прямо под открытым небом сонмом архипастырей, приняло участие многочисленное петербургское духовенство при стечении нескольких тысяч молящихся.

После возобновления богослужений в церкви-часовне св. кн. Владимира маленький кладбищенский храм по воскресным и праздничным дням был всегда переполнен, многим богомольцам приходилось молиться снаружи. У паствы существовала огромная потребность в обширном храме, поэтому параллельно начинается реставрация церкви св. Александра Невского. Почти уничтоженный храм-памятник приходилось поднимать буквально из руин. В 1991 г. распоряжением мэрии С.-Петербурга он был передан епархии. Настоятелем храма с 13 мая 1992 г. становится также протоиерей Анатолий Мороз. Реставрация, оплачиваемая частично из государственного бюджета, но чаще — за счет добровольных пожертвований, велась медленно, но неуклонно в течение шести лет. При этом приходилось сталкиваться со множеством трудностей и решать возникавшие проблемы. Иногда из-за нехватки средств и по вине подрядчиков строительство замирало, но благодаря усердию пастыря и прихожан возобновлялось вновь.

Освящение главного придела храма по полному чину последовало в праздник св. блгв. князя Александра Невского 12 сентября (30 августа) 1995 г. и было совершено архиепископом Новгородским и Старорусским Львом (Церпицким). Позже был освящен южный придел св. Иоанна Предтечи. Освящение северного придела во имя

Скульптор А. Козенюк († 1998) в своей мастерской за работой над памятником св. Александру Невскому для Усть-Ижоры и С.-Петербурга. 1990 г.

свт. Николая Чудотворца последовало 19 сентября 1999 г. и было совершено митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром.

В восстановленном во всей своей красе храме-памятнике св. Александра Невского регулярно совершаются богослужения. Литургия по воскресным и праздничным дням, а также один-два раза в неделю по будням, всенощное бдение — в канун воскресных и праздничных дней. По воскресеньям после вечернего богослужения совершается чтение акафистов. При храме действует воскресная школа и православная библиотека (с 1991 г.).

Примечания:

¹ Попов А.И. Следы времен минувших. Л., 1981. С.90.

² Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VII-VIII вв. Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С.75.

³ Старая Ладога.

⁴ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С.215.

⁵ Т. е. языческого.

⁶ Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли Новгородского государства из, 1940.

⁷ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV-XVII вв. Л., 1980. С.37.

⁸ Экземплярский, СС.125–129.

⁹ Богданов Г., Рубан В. Историческое географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб, 1749. С.198,199.

¹⁰ РГИА, ф.470, оп., д.235, л.79–82.

¹¹ Гусарова Е.В. Рукопись "Предварительная историческая справка по церкви Александра Невского в пос.Усть-Ижора". Л., 1987. Архив треста Леноблреставрация.

¹² Там же.

¹³ Семенов П. П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Озерная область. т 111, СПб, 1900. С. 179,199.

¹⁴ М.Ю.Мещанинов. Храмы и часовни города Колпино. СПб, 1998.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Л. И. Соколова

МОНАХИНИ КАШИНСКОГО ПОДВОРЬЯ — НОВОМУЧЕНИЦЫ И ИСПОВЕДНИЦЫ

Церковь св. блгв. великой княгини Анны Кашинской (в иночестве Евфросинии) — единственный храм в нашем городе, посвященный этой святой. Расположенный на Выборгской стороне, на Сампсониевском пр., 57, он исторически принадлежал подворью Сретенского Кашинского женского монастыря Тверской губернии. Город Кашин лежит в 148 км к востоку от Твери и в 204 км к северу от Москвы на притоке Волги, реке Кашинке. Здесь в 1423 году благоверным тверским князем Георгием Александровичем был основан Сретенский женский монастырь, просуществовавший почти 500 лет. С ним связано имя молитвенницы и заступницы земли Русской — великой княгини Анны Кашинской.

Святая благоверная великая княгиня Анна родилась во второй половине XIII века. В 1294 году она вышла замуж за тверского великого князя Михаила, племянника св. блгв. вел. кн. Александра Невского. В 1318 году князь Михаил был замучен в Орде, пострадав за веру Православную и Отечество. Впоследствии он был причислен к лику святых. После гибели мужа, как и полагалось православным женам на Руси, не выходящим замуж второй раз, княгиня ушла в монастырь, приняв постриг с именем София, а после принятия схимы была наречена Анной. 2 октября (15 октября) 1338 года схимонахиню Анну Кашинскую призвал к Себе Господь. Она была погребена в Успенском монастыре города Кашина. От ее мощей начали происходить чудеса и исцеления. Житие этой великой русской подвижницы и молитвенницы подробно описано в посвященной ей книге¹. 12/25 июня 1650 года в присутствии царя Алексея Михайловича было торжественно совершено перенесение ее мо-

щей в Кашинский Воскресенский собор. В 1649 блгв. вел. кн. Анна Кашинская была причислена к лику святых. Храм в честь этой русской святой построен в С.-Петербурге в начале XX века. История его такова.

В 1891 году потомственный почетный гражданин Филипп Павлович Кручинин построил на своей родине в городе Кашине каменную церковь и школу, а затем решил основать в столице подворье женского Кашинского монастыря. Место для него на Выборгской стороне было выбрано не случайно. Дело в том, что в 1874 году в Петербурге появился протестантский проповедник английский лорд Редсток. Поначалу он проповедовал в великосветском обществе, а затем и в среде рабочих. Его проповеди — типичная для протестантов ересь, заключалась она в том, что все уверовавшие во Христа спасутся, для этого не нужны святые иконы, духовенство и церковные таинства.

Эти взгляды разделял и отставной полковник гвардии Василий Александрович Пашков, по имени которого секта и получила свое название. Секта пашковцев появилась в С.-Петербурге в 70-е годы XIX столетия. Именно здесь, на Выборгской стороне, фабричной окраине, они имели сильное влияние на рабочих. Пашков содержал здесь «столовые, где читались проповеди, причем какими-то мальчишками-студентами, нередко людьми совсем темными во всех отношениях, неизвестными и поэтому мало располагавшими к себе доверием»², — отмечала пресса того времени. Петербургское духовенство беспокоила пашковская секта, деятельность которой активно распространялась. В 1877 году В.П. Пашкову было запрещено устраивать религиозно-назидательные беседы, церковные власти призвали его оставить

свои заблуждения, покаяться в ереси и вернуться в лоно Православной Церкви. Впоследствии общество его было закрыто, а сам его руководитель уехал за границу. Поэтому именно здесь, на Выборгской стороне, купец Кручинин, горячо любивший Россию и Православную Церковь, для спасения заблудших христианских душ и укрепления в них веры православной в 1891 году купил участок земли 130 сажень с каменным двухэтажным домом и деревянным флигелем во дворе, чтобы устроить женское монастырское подворье. В этом доме поселились сестры из Сретенского женского монастыря города Кашина.

Поначалу на подворье была построена часовня в память чудесного спасения при покушении в 1891 г. на жизнь Наследника престола, будущего Императора Николая II. Ее освятили 3 апреля 1894 года в честь свт. Николая Чудотворца. В часовне находилась особо чтимая икона Черниговской Божией Матери. Иконостас был деревянный, золоченый, а все иконы выполнены в русско-византийском стиле. Часовня была пристроена арх. Е.С. Бикарюковым к дому Кручинина. Со стороны улицы она имела отдельный вход и два окна, позже, когда был построен храм, в ней сделали выход в притвор церкви.

Через несколько лет, в 1901–1902 годах, для сестер обители был построен во дворе трехэтажный флигель по проекту арх. А.П. Аплаксина. Нельзя не остановиться на личности этого замечательного архитектора, построившего 18 храмов и монастырских подворий в С.-Петербурге и различных губерниях, шесть жилых домов, три школы и реставрировавшего четыре собора.

Андрей Петрович Аплаксин (1879–1931) родился в С.-Петербурге, и вся его жизнь была связана с этим городом. Немалое влияние на него оказало близкое общение с митрополитом Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским), племянницей которого была его жена. Определением епархиального начальства от 8 октября 1906 года гражданский инженер А.П. Аплаксин, согласно прошению, допущен к исполнению обязанностей С.-Петербургского епархиального архитектора³. Незаслуженно забытый в наше время, он в начале столетия активно призывал к возрождению русского зодчества. «Утверждаю, — писал архитектор, — эпоха Русского Возрождения настала, верую в ее истинный прогресс. ...Сектантство разных видов и направлений с непостижимой быстротой развивается в народе, ищущем Бога помимо Церкви. Русское духовенство стремится противостоять наплыву еретичества... Призываю всех к возрождению русского искусства»⁴.

Свои взгляды он также высказал в докладе, прочитанном на IV съезде русских зодчих в присутствии Е.И.Высочества Великого Князя Петра Николаевича 8 января 1911 года. Этот доклад под названием «Русское церковное искусство и его современные задачи» был опубликован в «Известиях по С.-Петербургской

Кашин. Мощи св. блгв. кн. Анны Кашинской. Современный вид

епархии» в том же году. 4 декабря 1906 года Св. Синод издал указ о постройке церкви на подворье Сретенского Кашинского монастыря, а затем утвердил представленный Аплаксиным проект.

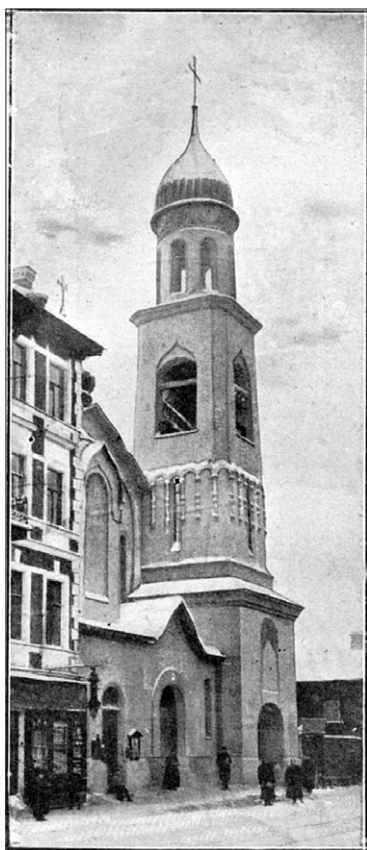
Средства на строительство церкви с весны 1907 года собирала монахиня Александра — первая заведующая подворьем. Средства на создание подворья на Выборгской стороне одним из первых внес известный своей благотворительностью батюшка Иоанн Кронштадтский, пожертвовавший 150 рублей. Роль св. прав. о. Иоанна Кронштадтского в возрождении и укреплении женского монашества на Северо-Западе огромна. Не было в городе ни одного значительного для православного народа события, которое не поддержал бы Всероссийский пастырь.

Строительство храма осуществлялось при содействии Преосвященного Алексия, архиепископа Тверского и Кашинского с благословения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония. Как и полагалось в то время, для строительства церкви был создан Комитет, который следил за сбором средств и строительством. Председателем этого Комитета был член Госсовета гофмейстер Императорского двора Борис Владимирович Штюмер.

23 июня/6 июля 1907 года, в 3 часа дня, монахиня Александра положила первый камень в фундамент церкви, рядом с часовней, в августе фундамент уже был готов. 2/15 сентября 1907 года состоялась закладка храма. Совершил чин закладки Преосв. Сергей (Старгородский), ректор С.-Петербургской Духовной академии. При закладке храма присутствовали благочинный монастырей архимандрит Александро-Невской Лавры Никифор и благочинный Выборгской стороны протоиерей А. Каменский.

22 марта 1909 года был освящен нижний придел храма во имя Спаса Нерукотворного, который через семь лет был упразднен.⁵

12 июня 1909 года в стране было восстановлено почитание св.блгв. княгини-инокини Анны

Церковь св. блгв. вел.кн. Анны
Кашинской. Фото 1910-х гг.

Кашинской. В городе Кашине по этому поводу прошли особые торжества, в которых приняла участие Вел. Княгиня Елизавета Федоровна и представители С.-Петербургской епархии. За несколько дней до этого события, 8 июня, в Воскресенский Кашинский собор, где почивают мощи святой, была отправлена икона св. блгв. вел. кн. Александра Невского, освященная на его мощах. Сопровождал икону Смольного собора священник всех учебных заведений о. С. Архангелов.

Торжественные богослужения по случаю восстановления почитания прошли во всех храмах и домовых церквях С.-Пе-

тербурга: 11 июня — всенощное бдение, а на другой день — торжественная литургия с молебном. В том же 1909 году указом Св. Синода от 29 июля за № 10374 при С.-Петербургском подворье Кашинского монастыря Тверской епархии была открыта священническая вакансия, содержание священника определено исключительно на «изысканные местные средства». ⁶ Священником подворья был назначен иерей Михаил Дубенский.

Михаил Семенович Дубенский родился 24 июня 1876 года в Старой Ладоге в семье псаломщика. В 1898 году он закончил Духовную семинарию в Петербурге. С этого времени вся его жизнь была посвящена служению Господу и людям. Будучи диаконом, 22 февраля 1903 года он был утвержден в «должности законоучителя 2-х классов второго Выборгского смешанного с четырьмя классами училища». ⁷ В 1911 году отец Михаил, налаживавший приходскую жизнь храма, «совершал молитвенные беседы в полицейских и арестантских домах Выборгской части С.-Петербурга и был утвержден законоучителем Выборгской женской школы». ⁸

В 1912 году его наградили скуфьей за усердную службу и утвердили в должности законоучителя Александро-Мариинского детского приюта И. Базилевского. Отец Михаил очень любил церковное пение и мог руководить церковным хором. 11 ноя-

бря 1909 года он был награжден набедренником за руководство общенародном церковным пением в Исаакиевском соборе». ⁹

Отец Михаил с семьей жил в монастырском доме, который соединялся с храмом специальными переходами, так что из своей квартиры батюшка мог пройти в церковь. Матушка отца Михаила — Людмила Александровна — высокая, стройная и худощавая женщина, занималась домашним хозяйством. Она была моложе мужа на четыре года и воспитывала пятерых детей: трех сыновей и двух дочерей. Старший сын Михаил, 1899 года рождения, впоследствии (в 1921 г.) работал в автобусном парке, после женитьбы стал жить отдельно от родителей, на Захарьевской улице. Второй сын Сергей родился в 1902 году и был рабочим на Василеостровском заводе, проживал с братом Михаилом. Младший из сыновей Алексей, 1913 года рождения, — токарь, работал на заводе им. Карла Маркса. Старшая дочь Валентина, миловидная, добрая и улыбочивая, родилась в 1908 году и служила делопроизводителем на том же заводе. Младшая дочь Ольга, 1909 года рождения, жила с родителями на подворье. Она была худенькая, неразговорчивая, тихая девочка. Впрочем, все женщины в этой семье, как и полагается православным женщинам, были молчаливы.

Батюшка на прихожан производил впечатление человека серьезного и строгого. Однажды, в 1920-е годы, когда в их доме жили несколько мирских семей, старшие ребята устроили на сеновале пьянку. Младшие были тут же, рядом. Они ели арбузы и бросали корки в окно. Одна из них попала в монахиню Афонию и та пожаловалась батюшке. Он пришел к ребятам и высек их прутом, когда они спускались по лестнице с сеновала.

17 декабря 1910 года митрополитом Антонием в сослужении Преосвященного Кирилла, епископа Гдовского, благочинного церквей женских монастырей архим. Макария, настоятеля Петропавловского собора митрофорного протоиерея А.А. Дернова и иного духовенства был совершен чин освящения главного придела храма во имя св. блгв. вел. кн. Анны Кашинской.

Первую литургию в храме совершил митрополит Антоний (Вадковский) в сослужении благочинного Выборгского округа протоиерея А.Ф. Каменского, священников А.И. Преображенского, С.А. Архангелова и о. М.Дубенского. На торжество приехала настоятельница Сретенского Кашинского монастыря игуменья Вера (Милорадович). В этот день митрополит Антоний удостоился получить от Государя Николая II, которому принадлежала немалая заслуга в повторном прославлении святой кн. Анны, телеграмму следующего содержания: «Прошу Вас, Владыко, принять и передать всем бывшим на освящении храма во имя св. Анны Кашинской,

мою сердечную признательность за молитвенные благожелания. Искренне благодарю гофмейстера Штюмера и всех вложивших свою лепту и труд на сооружение в столице новой святыни. Николай».

Строительство храма обошлось в сумму около 80 тысяч рублей. Двухэтажный храм с двумя приделами был рассчитан на 1500 человек молящихся. Он сооружен в стиле русских церквей XVII столетия, украшен керамическим фризом, выполненным в мастерской П.К. Ваулина. Иконостас в церкви был позолоченный деревянный, украшенный резьбой; иконы нижнего и верхнего придела располагались в три яруса. Алтарь освещался через витраж с изображением Спасителя. Особым почитанием пользовалась икона св. блгв. вел. кн. Анны Кашинской. Она находилась в особом киоте и перед ней впоследствии каждый день служили молебен. На втором этаже находились хоры, где 15 октября 1911 года был освящен придел в честь Николая Чудотворца и свт. Алексия, митрополита Московского. (9а)

Храмовые праздники отмечали всегда торжественно. Так, в третью годовщину воспрославления благоверной княгини Анны Кашинской, как отмечали «Известия по Санкт-Петербургской епархии», — «накануне всенощное бдение совершил архимандрит Александро-Невской лавры Макарий в сослужении прот. Смольного собора о. С. Архангелова, местного священника М. Дубенского и прочего духовенства, при трех диаконах. Перед местной иконой св. кн. Анны Кашинской с частицей ее мощей был прочитан акафист. Прекрасно пел хор монахинь и общенародный хор под управлением отца Михаила. На следующий день, в сам праздник, те же лица совершили Божественную литургию и молебен».¹⁰

На подворье жили 30 сестер. Это были простые русские женщины, которые с ранней юности, а некоторые и с детства решили посвятить себя Богу. Они всем сердцем стремились постичь духовную мудрость о спасении души через стяжание благодати Святого Духа. Полностью отрекаясь от всего земного, никогда не оглядываясь на прежнюю жизнь, они уходили в послушницы, чтобы стать невестами

Христовыми, монахинями. Так, например, жить на новом подворье получила благословение инокиня Калерия, которая была певчей. Она пришла в Сретенский монастырь десятилетней девочкой, и с 1908 года и до закрытия монастыря находилась на подворье. С ней в келье проживала монахиня Мария (Тулицынова), певчая. В том же 1908 году получила благословение жить на подворье и монахиня Елена (Самушкина).

За жилым монастырским домом находились сараи, курятник, скотный двор, сеновал, а за ними начинались огороды. Подворье едва отстроилось, окрепло и наладило монашескую жизнь, как наступил 1914 год, началась Первая Мировая война. Монахини подворья, как и других монастырей, помогали госпиталям, шили одеяла для раненых, возносили непрестанные молитвы за Отечество. Затем наступили трагические февральские события 1917 года, отречение Государя, смута, рекой полилась кровь русских людей...

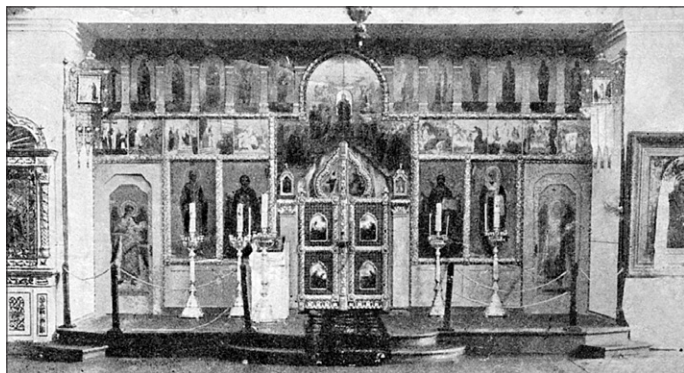
В 1917 году игумения Сретенского Кашинского монастыря мон. Нина благословила уехать из Кашина на подворье в Петроград монахинь и послушниц: Андрианову, Яковлеву, Филиппову, Зеленову.

После известного декрета большевицкого правительства об отделении Церкви от государства и школы от Церкви началось открытое гонение на Русскую Православную Церковь. Первые новомученики за веру, изъятие церковных ценностей, расстрел митрополита Вениамина, обновленческий раскол — все было направлено на уничтожение Церкви. Началось физическое истребление лучших представителей русского духовенства.

Церковь Анны Кашинской, как и другие храмы города, подверглась разграблению в период изъятия церковных ценностей. В 1924 году была составлена подробная опись церковного имущества, включавшая 254 наименования на 17 листах на сумму 14439 рублей. Из описи имущества храма видно, что на подворье было большое количество сосудов из серебра, церковной утвари, ценных икон и книг, а также бронзовые люстры, вазы, облачения и т.д.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что православный народ не только не разрушал сам свои святыни в период изъятия церковных ценностей, как это принято считать, а напротив, защищал и отстаивал их, за что не раз платил своей жизнью.

В 1925 году советское правительство издало специальное распоряжение о закрытии монастырей в России, что означало уничтожение монашества. Все знали об этом распоряжении и последствиях его невыполнения, но почти никто из иноков и инокинь города не покинул свою обитель, продолжая жить обычной монашеской жизнью, нести послушания, исполнять свои обеты.

*Иконостас храма св. блгв. кн. Анны Кашинской
на Петербургском подворье*

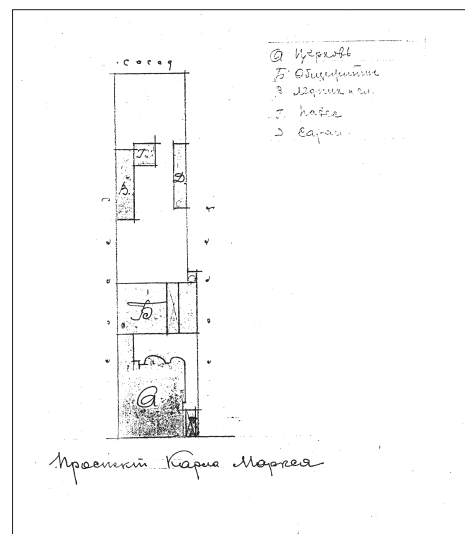
Из Никольского монастыря Калужской губернии, закрытого и превращенного в колхоз большевиками, на Кашинском подворье оказались послушницы Агеева, Жеба, ее подруга Бунакова. Сначала, после разорения монастыря, сестры уехали домой в деревню, но мирская жизнь настолько тяготила их, что они после переписки с монахинями Кашинского подворья вскоре оказались в Петрограде, поселившись сначала у знакомой монахини Наталии, которая жила на Охте, а потом перебрались на подворье.

История всех монастырей этого периода похожа: монашествующих оставляют без средств к существованию, земли монастырей конфискуются государством, счета в банках аннулируются, документы, печати по требованию властей сдаются в так называемый Стол управления церковными делами при районных исполкомах. Власть повсеместно проводит опись монастырского имущества, изымает ценности и отбирает инвентарные книги. Юридически монастыри перестают существовать. Верующим, чтобы иметь возможность молиться в храме, было заключать договор с властями на использование церковного здания и имущества. Договор могла заключать церковно-приходская община (двадцатка) в качестве общественной организации. На кашинском подворье такая двадцатка была создана. В состав ее вошли прихожане и монахини, которые составляли церковный хор и работали в храме. Каждый желающий вступить в двадцатку подавал в церковный стол собственноручное заявление о своем желании. Договор между верующими и церковным столом Выборгского района был заключен. Таким образом, сестры, вошедшие в общину, продолжали жить на подворье прежней жизнью.

Со временем, чтобы поддержать немощных сестер обители, которые не могли работать, некоторые монахини устроились на работу в мир, принимая эту необходимость как послушание. Они работали трикотажницами в артелях «Кустарь», «Труд»; монахиня Гусева пошла трудиться няней, Бугрова — кондуктором, Магдалина (Чернова) трудилась на фабрике, послушницы Жеба, Агеева и Яковлева — в артели «Трудовое содействие». Как правило, монахини сами создавали артели, в которых работали. Поступая на работу в мир, они скрывали свое монашество, мало общались с мирскими, никогда не занимались никакой общественной деятельностью, лишь единицы из них вступали в профсоюз. «Лучше монашеской жизни ничего нет, — говорила Матрена Гусева, примкнувшая впоследствии к иосифлянам, — но истинно православным сейчас жить негде».¹¹

Несмотря на гонения и бушевавшее кругом безбожие, службы в церкви Анны Кашинской проходили ежедневно, а в праздничные дни — даже два раза в день. Постриги в монастыре совершались до 1927 года, когда в монахини были пострижены Мария Ронженова с именем Анна и Бычегова с именем Се-

План земельного участка на Выборгской стороне (Сампосониевский пр., 67) с храмом и постройками Кашинского подворья

рафима. Чем активнее власти уничтожали Церковь, тем настойчивее и тверже становились православные. В 1930 году они активно подавали заявления о принятии в общину подворья. Полностью полагаясь на волю Божию, заявления подали: домохозяйка А.С. Михалина, кондуктор М.П. Изотов, Т.И. Козлова, рабочий М.В. Машков, инвалид В.Е. Арсеньев, рабочие В.П. Сатов, В.П. Петров, П.М. Матвеева, В.Ф. Федоров, В. Сотов. 10 июня 1930 года инспектор по делам культа Выборгского района П.М. Щербаков, техник Выборгского РКО Н.М. Полозов и председатель религиозного общества П.Л. Герасимова осмотрели помещение церкви на предмет ремонта в текущем 1930 году и приняли решение о частичном ремонте. 25 ноября 1930 года здание церкви передается верующим в бесплатное пользование. Под этим договором подписались 20 человек верующих.

В 1931 году, когда в городе начались репрессии, некоторым монашествующим, по милости Божией, удалось избежать ареста. Монахини Кашинского подворья Усакова и Зарубина не были арестованы лишь потому, что накануне поменяли свою келью на комнату в коммунальной квартире. Семья Варапаевых, занявшая монастырскую келью, впоследствии была арестована вместе с монахинями, но через несколько дней освобождена. Переехавшие в их комнату монахини стали жить рядом с семьей некоего Ефима Милова на проспекте Энгельса, 68, кв. 4. Эта семья была связана с верующими: сестра Миловой — монахиня Агафия (в миру Пелагея Николаевна), к 1932 году уже высланная из города, была инокиней подворья. На их квартиру постоянно приходили верующие, собирались монахини.

17 мая 1931 года на Кашинском подворье первой была арестована монахиня Валерия (Букварева) 52 лет. Она была родом из деревни Уголки Тверской губернии, Кимрского уезда. Родилась 14 октября 1879 году, малограмотная, имела братьев Михаила, которому на время ее ареста было 62 года, и Андрея —

65 лет. Оба они крестьянствовали в родной деревне. Когда Параскеве (ее имя в миру) исполнилось 20 лет, она ушла в Кашинский монастырь, где была пострижена в монашество с именем Валерии. В 1913 году она получила благословение жить на подворье в Петербурге. 17 мая 1931 года монахиня отправилась в Озерки, на Поклонную гору, где обычно собирались на молитву иосифляне. После печально известной декларации митр. Сергия Валерия сразу примкнула к ним.

Здесь надо сказать, что после закрытия Иоанновского монастыря несколько его монахинь, примкнувшие к иосифлянам, поселились на Поклонной горе. К ним часто приезжала игуменья Иоанновского монастыря Вероника (Романенко). Была она там и в этот день, но успела уехать до ареста. Монахиня Валерия и монахиня Пюхтицкого монастыря мон. Мария (Майорова) зашли напиться воды к монахине Иоанновского монастыря Евдокии (Рыковой), где сразу все они и были арестованы.¹²

Свои политические убеждения на допросе мон. Валерия выразила просто: «Верую в Бога». Показания дала весьма краткие. Вскоре после допроса она, согласно ст. 58–10,11, была сослана на три года в северный край. Ее сестра во Христе, иосифлянка Матрена (Гусева) посылала мон. Валерии посылки, которые помогали собрать знакомые.

Постепенно все меньше становилось верующих, а людей, одержимых идеей «построения социализма», все больше. 5 февраля 1932 года на заседании президиума Выборгского райсовета зав. административным надзором тов. Церцен делает сообщение о закрытии шести церквей в районе¹³, а уже 7 февраля этого же года партком завода «Красная заря» направляет следующую выписку из протокола: «В отдел культа при Президиуме Выборгского райсовета. Партком, завком и заводоуправление завода «Красная заря» просит ходатайствовать перед ВЦИКом о закрытии церкви Анны Кашинской по пр. Карла Маркса (переименованный Сампсониевский проспект) для переоборудования ее под культурно-просветительные цели (клуб завода) согласно решений общих цеховых собраний рабочих завода с ориентировочной затратой на капитальный ремонт 400 тыс. руб.»¹⁴ При этом отдел технического учета Выборгского района сообщил, что при разборке церкви можно получить 46 тыс. кирпичей.

На первом этаже монастырского дома теперь поселились жильцы, снимающие комнаты у ЖАКТа. Здесь же жили монахини, работавшие в монастырском курятнике и коровнике, а также дворник с семьей. На втором этаже находилось три квартиры, в которых проживали монахини-певчие, вышивальщицы и рисовальщицы. Половину третьего этажа занимала семья Поляковых и Челяковых, а вторую половину — священник о. Михаил с семьей.

17 февраля 1932 года называют Страстной пятницей русского монашества, когда большинство монашествующих было арестовано. Со всех монастырей и подворий города на Литейный к «Большому дому» привозили арестованных, среди них 18 монахинь Кашинского подворья.

При аресте и обыске присутствовал дворник. «Взяли» всех, не пощадили даже старую монахиню Анастасию (Лебедеву), которой было 87 лет. Следователю Иттенбергу на ее деле пришлось начертать такую резолюцию: «Снять подробный допрос с гражданки Лебедевой не представляется возможным, так как она нечего не слышит». Ее освободили, она собиралась жить у знакомых, если не будет возможности вернуться в монастырь. Больше об этой старице нет никаких сведений.

При обыске у нее было изъято 9 акафистов, молитвы, Псалтирь. Все сестры монастыря давали показания краткие, от веры и Господа никто не отрекся. «Я согласна терпеть какие угодно наказания, но все же всю жизнь буду сохранять церковно-монашескую жизнь и с кем бы не пришлось говорить об этом, я всегда буду защищать и говорить, что люди должны верить в Бога и терпеть все мучения от преследующей нас власти, так как ликование и радость будут впоследствии», — сказала мон. Зеленова.¹⁵ Монахини подтвердили, что имели связь со ссыльным епископом Николаем, помогали сосланному, сохраняли монашеский образ жизни и верность обетам, несмотря на закрытие монастыря. Вместе с другими монашествующими по этому делу проходило 53 человека. В их обвинительном заключении говорилось: «создали нелегальные монашеские общества и превратили их в очаги сосредоточения контрреволюционных элементов, беглых из мест заключения и ссылки, вели систематическую агитацию, распространяли церковно-монархические сочинения черносотенцев Нилуса, Мироносицкого, Дм. Ростовского и др.»¹⁶

Пятнадцать сестер Кашинского подворья были приговорены к ссылке в Казахстан и Среднюю Азию сроком на три года. Две же послушницы, Варвара Жеба и Татьяна Банаква, получили приговор: три года концлагеря только за то, что при обыске у них были обнаружены книги С. Нилуса.

В докладной записке в президиум Горсовета о церкви Анны Кашинской говорилось, что «посещаемость богослужений очень маленькая, например, в воскресный день не более 10–15 человек, служба бывает 4 раза в семидневку, причем не каждый вечер и из этих четырех раз. Объясняется это тем, что по проспекту К. Маркса, 39 расположен Сампсониевский собор, более привлекательный, чем первая, а потому молящиеся в большинстве своем ходят в собор. В связи с перепланировкой восточной стороны проспекта на красную линию выходит здание культа Анны Кашинской, следовательно, так или иначе, последнюю

нужно будет сносить. От сноса этого здания ущерба молящимся никакого не будет, т.к. их можно прикрепить к Сампсониевскому собору, вмещающему 1500 человек той же ориентации (сергеевцы)».¹⁷

По многочисленным ходатайствам от предприятий церковь Анны Кашинской в конце 1932 года была закрыта, некоторые иконы переданы в Сампсониевский собор, в том числе храмовая икона св. Анны Кашинской и чудотворная икона Черниговской Божией Матери. Передача была осуществлена 24 июля 1932 года.¹⁸ Немного раньше, 1 июня этого же года, президиум Леноблисполкома принял решение о сносе церкви св. Анны Кашинской. Серебряные ризы от икон Выборгский райфинотдел сдал Леноблконторе Госбанка. Специальным актом была зафиксирована передача 3640 граммов серебра. Туда же отдали колокола, снятые с колокольни.

Церковь св. Анны Кашинской не снесли, как собирались, но частично перестроили, приспособив под мастерскую скульптора Н.А. Томского. Затем ее использовали как мастерскую скульптурного цеха Комбината декоративно-прикладного искусства Худфонда. Напротив храма устроили приют, дети которого распевали на всю улицу:

«Не надо нам монахинь,
Не надо нам попов,
Мы на небо залезем, —
Прогоним всех богов.»

Ребята, жившие в бывшем монастырском доме, им отвечали:

«Пионеры юные —
Головы чугунные,
Сами оловянные,
Черти окаянные.»

Отец Михаил служил в храме до его закрытия. 2 октября 1934 года его уволили за штат. 22 сентября 1934 года его и еще одного священника вызвали к настоятелю Владимирского собора о. Льву Муллеру, который объявил батюшке, что его увольняют за то, что он участвует в незаконных группировках против советской власти, не исполняет предписаний как церковной, так и гражданской властей. В своем письме по этому поводу, обращаясь к митрополиту, о. Михаил писал: «Лично я знаю Преосв. Сергия со школьной скамьи, когда он был моим инспектором и сохранил навсегда глубокое уважение к нему... Прошу Вас взять меня под свою архипастырскую защиту».¹⁹ В обвинительном заключении органов НКВД читаем: «уволен за штат в 1934 году за активное противодействие политике митрополита Сергия. Выступает за сколачивание блока духовенства и верующих, направленного на объединение Церкви с призывом к единой борьбе с наступающим безбожием».

Ночью 7 марта 1935 года вся семья отца Михаила была арестована. При обыске у него была изъята переписка и один серебряный рубль.

Храм св. блгв. Анны Кашинской. Проект. Западный фасад

На следующий день священник Дубенский подвергся допросу. Ему тогда было 59 лет, он был нездоров и, как отмечало медицинское свидетельство, пригоден только к легкому физическому труду. Матушка его страдала параличом. К этому времени брат о. Михаила, священник Виктор 57 лет, был также арестован и находился под стражей. Отец Михаил был выслан из Ленинграда и лишен права проживания в 15 пунктах СССР и Уральской области, причем семья была разлучена: он вместе с матушкой, сыном Александром и дочерью Валентиной сосланы в Вологду, куда они прибыли 16 марта 1936 года, а сыновья Сергей и Михаил — в Саратов. Ольга осталась, видимо, в Ленинграде. Отвечал за высылку этой семьи помощник начальника оперотдела некий Гольштейн. Дальнейшая судьба этой семьи неизвестна.

Подворье Сретенского Кашинского монастыря перестало существовать. Кресты с храма Анны Кашинской сняли, снесли перегородку между храмом и жилым домом, надстроив его двумя этажами и превратив в коммунальное жилище.

Словно черные тучи пронесли над храмом годы воинствующего атеизма, искалечив и изуродовав русскую душу, но убить веру человеку невозможно, покуда стоит Православная Церковь на нашей земле. Великая русская святая блгв. кн. Анна Кашинская не оставила свою обитель в предстательстве перед Всевышним.

В 1993 году трудами и молитвами приснопамятного митрополита Иоанна (Снычева) и монахини Феклы (Коняшовой) С.-Петербургской епархии был возвращен Введено-Оятский (б. Введено-Островский) монастырь, обращенный в женскую обитель, а в 1994 году церковь св. Анны Кашинской была передана этому монастырю в качестве подворья. В

том же году здесь поселились первые насельники. В настоящее время подворье восстанавливается трудами и молитвами настоятельницы Введено-Оятского монастыря монахини Михайлы (Орешко) и управляющей подворьем инокини Ангелины (Васильевой). Главный проект реставрации принадлежит известному православному архитектору А.Г. Леонтьеву, труждающемуся здесь, как и многие другие, во славу Божию. Понятно, как трудно в настоящее время при отсутствии средств восстанавливать храм, но, тем не менее, службы в церкви св. Анны Кашинской уже совершаются. Торжественно служат здесь в храмовые праздники с водосвятным молебном и крестным ходом.

20 августа 1998 года, по ходатайству заведующей подворьем, реабилитирован отец Михаил Дубенский со всей своей семьей. Родственники батюшки могут теперь получить документ, свидетельствующий о невинности доброго пастыря. Это касается также и репрессированных монахинь подворья, имена которых стали известны только теперь (см. приложение).

Молитвами великой русской святой княгини-инокини Анны Кашинской приоткрывается нам история храма, и у престола Всевышнего возносит она свои молитвы и за нас грешных, за великую Святую Русь.

Примечания:

¹ Святая благоверная княгиня Анна Кашинская. Свято-Троицкая Лавра. 1996 г.

² Дневник священника. ИПЕ, 1904. № 3. С. 2.

³ ИПЕ, 1906. № 24. С. 5.

⁴ ИПЕ, 1908. № 8. С. 10.

⁵ В.В. Антонов, А.В. Кобак. Святые Санкт-Петербурга. СПб. 1996. Т. 3. С.111.

⁶ ИПЕ, 1909. № 17. С. 1.

⁷ ИПЕ, 1909. № 5–6. С. 2.

⁸ ИПЕ, 1911. № 6. С. 1.

⁹ ИПЕ, 1909. № 23. С. 5.

^{9а} Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С.111.

¹⁰ ИПЕ, 1912. № 16.

¹¹ АФСБ СПб, П-84993, л. 7.

¹² АФСБ СПб, П-75764, т. 1.

¹³ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 116, л. 39.

¹⁴ Там же, л. 38.

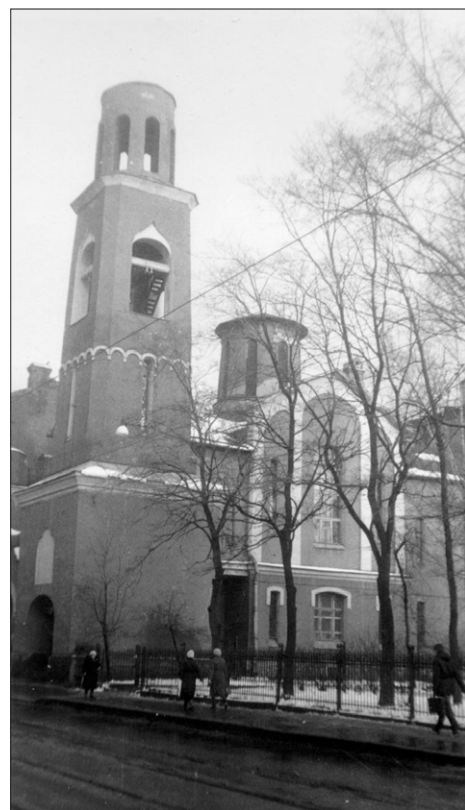
¹⁵ АФСБ СПб П-84993, л. 118.

¹⁶ АФСБ СПб, П-84993, л. 450–455.

¹⁷ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 116, л. 42.

¹⁸ Там же, л. 54.

¹⁹ АФСБ СПб, П-46796, л. 9 об.

Кашинское
подворье.
Фото 1980-х гг.

Монахини Кашинского подворья
стегают одеяла в артели «Красная
Заря». 1930-е гг.

Кашинское подворье. Современный вид

СПИСОК РЕПРЕССИРОВАННЫХ МОНАХИНЬ КАШИНСКОГО ПОДВОРЬЯ

1. Гусева Матрена Осиповна.

Родилась 27.03.1871 году, уроженка деревни Михалево Радоховской волости Бежецкого уезда Тверской губернии, из крестьянской семьи, русская, малограмотная, ушла в Кашинский монастырь в 23 года, а в 1920 году приехала в Петроград, на подворье, где и была арестована 17.11.1932 г. Монашествовала 38 лет. Имела сестру Анастасию 27 лет, которая жила в Ленинграде, и племянницу Александру Бугрову, которая работала кондуктором в трамвайном парке им. Блохина. 22.03.1932 года сослана в Казахстан на три года.

2. Чернова Мария Ефимовна, монахиня Магдалина.

Родилась в 1882 году, уроженка деревни Салово Яковлевской вол. Корчевского уезда Тверской губернии. Родилась в крестьянской семье, русская, малограмотная. В Кашинский монастырь пришла в 15 лет и до 1916 года несла там послушания. В 1917–1919 гг. приехала на подворье и несла здесь послушание дворника, затем попала под сокращение и стала работать на фабрике «Девера» ткачихой. Арестована 17.02.1932 г. Монашествовала 35 лет. Имела брата Григория 38 лет, работавшего на заводе «Русский дизель» и проживавшего на пр. К. Маркса, 60–14. Брат Василий 65 лет, работал в колхозе. Постановлением ВС КОГПУ от 22.03.1932 г. сослана в Казахстан на 3 года.

3. Жеба Варвара Платоновна.

Родилась в 1899 году в крестьянской семье в селе Ястребичено Глуховского уезда Черниговской губернии. Когда ей исполнилось 13 лет, ушла в Никольский монастырь Калужской губернии (близ д. Муковнино Медынского уезда), где и находилась до 1917 года, когда вынуждена была приехать в Ленинград в 1919 году. Постриг не могла принять из-за возраста, имела мать Ефросию Анатольевну, которая работала в прачечной на Выборгской стороне, и сестру Анну Платоновну Степаненко. Арестована 17.02.1932 г. Приговорена к 3 годам концлагеря.

4. Кулакова Татьяна Васильевна.

Родилась в 1886 году в селе Костино Медынского уезда Калужской губернии, в крестьянской семье; русская, малограмотная, окончила 2 класса сельской школы, монашествовала 30 лет. Мать Дарья Поликарповна, сестра Ирина работала в больнице и жила в одном доме с Татьяной Васильевной, другая сестра, также жившая здесь, Мария Казакова работала в артели одеяльщицей. Арестована 17.02.1932 г. Приговор: 3 года концлагеря. Дальнейшая судьба неизвестна.

5. Агеева Евдокия Ивановна.

Родилась в 1890 г. в селе Аутово Тульской области, в крестьянской семье. Окончила 3 класса сельской школы, а когда ей исполнилось 8 лет, была уже в монастыре. Монашествовала 34 года. На подворье жила с 1923 по 1924 гг. Сестра — Камаликова Параскева.
Сослана в Казахстан на три года.

6. Ронженева Мария Ивановна, монахиня Анна.

Родилась в 1870 году в селе Медвединское Кашинского уезда Тверской губернии, русская, окончила 2 класса сельской школы. Ушла в возрасте 20 лет в Кашинский монастырь. 14 лет жила в Кашине, затем переехала в С.-Петербург. Постриг приняла в 1927 году. Монашествовала 42 года. Постриг в мантию с именем Анны приняла на подворье. Племянник — Пунин Павел Иванович, племянница Мария Яковлевна работала на заводе «Прогресс».
Сослана в Казахстан на три года. Дальнейшая судьба неизвестна.

7. Андрианова Наталья Михайловна.

Родилась 26 августа 1878 года, из крестьян села Сукромное Бежецкого уезда Тверской губернии. Окончила сельскую школу, в 19 лет ушла в Кашинский монастырь и находилась в нем до 1917 года, когда и попала на подворье. Монашествовала 35 лет, в последние годы работала в артели «Труд». Имела брата Ивана и сестру, племянницу Серафиму.
Сослана на три года в Казахстан.

8. Яковлева Евдокия Семеновна, инокия Елена.

Родилась 17.02.1883 года, уроженка деревни Ключино Ивановской волости Бежецкого уезда Тверской губернии. Из крестьян, русская, малограмотная. Когда девочке было 12 лет, ее отдали в Кашинский монастырь, где она и была послушницей до 1914 года. В 1915 году переехала на подворье. Монашествовала 36 лет. (17 лет в Кашине, 19 лет на подворье). В 1916 году при игумении Нине пострижена в рясофор. В 1927 году поступила на работу в артель «Девера», затем в «Трудовое содействие». Арестована 17.02.1932 г.
Сослана в Казахстан на три года.

9. Филиппова Пелагея Кузьминична.

Родилась 3.05.1878 года в крестьянской семье, уроженка села Медное Козьмо-Демьянскй слободы Тверской губени. Русская, окончила 3 класса сельской школы. Монашествовала 35 лет. Постриг в рясофор приняла при игумении Нине. Брат Алексей 40 лет, жил в деревне; брат Александр работал на заводе Энгельса; сестра Анистья жила у брата Александра.
Сослана на три года в Казахстан.

10. Щедрина Мария Лукинична.

1878 года рождения, из крестьян деревни Ременница Кашинского уезда Тверской губернии. Русская, неграмотная, монашествовала 41 год. В последние годы работала уборщицей на фабрике. Брат Василий работал в совхозе, сестра Ольга жила в деревне.
Сослана на три года в Казахстан.

11. Петрова Таисия Петровна, монахиня Сергия.

Родилась в 1872 году, уроженка деревни Левково Тверской губернии. Русская, грамотная, окончила сельскую школу, на подворье приехала в 1930 году, поскольку от Череповецкого ОПГУ получила предупреждение в течение 24 часов уехать из Сретенского монастыря. Постриг приняла в 1912 году. Монашествовала 47 лет, из них 25 в Леушинском монастыре и 20 в Череповце.
Сослана в Казахстан на три года.

12. Жохова Пелагея Матвеевна.

Родилась в октябре 1877 года в деревне Чаново Ярославской губ. семье крестьян, русская. В 25 лет ушла в Леушинский монастырь, где была до 1925 года. В том же году приехала в Ленинград и поселилась у своей замужней сестры Анны Широковой, но жить мирской жизнью не смогла. Вскоре встретила знакомых монахинь и переехала на Кашинское подворье. Имела брата, который крестьянствовал в Ярославской губернии, и сестру Феодосию, также живущую в деревне. Монашествовала 35 лет.
Сослана в Казахстан на три года.

13. Зеленова Наталия Михайловна.

Родилась в 1871 году, уроженка деревни Ничково Суцевской вол. Тверской губернии, из крестьян. Окончила 2 класса сельской школы. В Кашинский монастырь пришла в 12 лет и была послушницей до 1917 года, а с этого года послана игуменьей Анфисой в Ленинград на Кашинское подворье в качестве рясофорной послушницы. Была певчей. В последние годы работала в больнице Эрисмана. Монаше-

ствовала 48 лет.

Сослана на три года в Казахстан.

14. Тулицынова Мария Степановна.

Родилась 28 февраля 1901 г., уроженка С.-Петербурга, русская, грамотная, монашествовала 19 лет, из них первые пять лет — в Кашинском монастыре, а затем 14 — на подворье.

Выслана в Среднюю Азию на три года.

15. Самушкина Елена Семеновна.

Родилась 21 мая 1884 года в деревне Пальцево Бежецкого уезда Тверской губернии. Из крестьян, русская, малограмотная. В 18 лет решила посвятить себя Богу и ушла в ближайший монастырь. В 1908 году приехала в С.-Петербург вместе со Смирновой Екатериной и поселилась на подворье. Выслана в Среднюю Азию на три года.

16. Смирнова Елизавета Степановна, инокиня Калерия.

Родилась в сентябре 1886 года, уроженка дер. Поддубье Тверской губернии и уезда. Русская, монашествовала 35 лет, родных нет. В Кашинский монастырь была отдана в 10 лет, постриг приняла через 9 лет. В 1908 году поселилась на подворье.

Выслана в Среднюю Азию на три года.

17. Букварева Параскева Никитична, монахиня Валерия.

1873 года рождения, из крестьянской семьи, уроженка дер. Уголки Кимрского уезда Тверской губернии. Русская, малограмотная. Ушла в Кашинский монастырь, когда ей исполнилось 20 лет. В 1913 году приехала на подворье. Монашествовала 38 лет. Была арестована 16 мая 1931 года в Озерках. Выслана в Северный край на три года.

Церковь св. блгв. кн. Анны Кашинской (подворье Введено-Оятского женского монастыря). Интерьер. Современный вид

Крестный ход в праздник св. Анны Кашинской на подворье. Современный снимок

НЕ ТРОГАЙТЕ СВЯТЫНИ

Свергая идолов, не трогайте святыни
Пшеницы с сорною не вырвете травой
И не ищите призрачной твердыни
Для блага родины, измученной грозой!

Один оплот ее — святая вера в Бога,
Его святой закон — один светильник ей,
К свободе истинной одна ведет дорога —
Через победу трудную страстей.

О, если б в этот час отчизны пробужденья
Соединились все под знаменем креста!
Как глубоко бы было возрожденье,
Какая в жизнь вошла бы красота!

А без Христа о счастье народа,
Как прах, как дым, рассеются мечты,
И без Него не вырастет свобода,
Как на камнях не вырастут цветы.

Александра Платонова

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

В.Н. Лялин

МОЙ ПУТЬ КО ХРИСТУ

Возвращаясь мысленно в прошлое, я вижу себя юным, но больным и изнуренным тяжелыми годами военного лихолетия.

Была поздняя пора 1947 года. С моря дули холодные штормовые ветры, срывавшие с тополей последнюю золотую листву. Моросящий дождь и туманная дымка говорили о том, что теплые солнечные денечки уже отошли надолго. Походив по мокрому прибрежному песку и устав от тяжелых глухих ударов морского прибоя, я направился в город, центр которого находился на высоком холме. Чтобы сократить путь, я пошел через старое заброшенное кладбище, где в основном хоронили приезжих чахоточных страдалцев, искавших у моря исцеления. Одна черная надгробная плита привлекла мое внимание странной надписью. Начиналась она таким обращением: «Комья земли!..» После этого изливалась тоскующая душа матери, похоронившей здесь своего сына.

С тех пор прошло более полувека, но в моей памяти все еще стоит этот вопль: «Комья земли!..» Кладбище, моросящий дождь и крикливое кружение чаек.

В городе было как-то пустынно, почти совсем не попадались встречные прохожие, в воздухе пахло дымком и яблоками. Я свернул на маленький базарчик, на котором кроме яблок продавалась всякая домашняя рухлядь, старая одежда, кучки дров и грустная тощая коза. У старухи в армейском ватнике, кулившей махорку и сидевшей на перевернутом ведре, я купил приглянувшуюся мне ложку со штампом на черенке: нержавеющая электросталь. Обходя лужи, я подошел к булочной, перед которой стояла промокшая и озябшая очередь. Хлеб еще не привезли, но дюжина местных голодных собак уже сидела поодаль, мордами ко входу, в надежде хоть на маленький кусочек. Но хлеб в те времена давали мало, только по карточкам, и люди были так же голодны, как и собаки.

Проходя мимо небольшой белой церкви за черной железной оградой, я обратил внимание на человека, сидевшего под зеленым козырьком церковного крыльца на каменных ступеньках. Церковные двери были закрыты на большой висячий замок. Вероятно, служба уже отошла, но этот человек не был похож на церковного сторожа. Он был плохо одет, без пальто, холодный ветер шевелил на его непокрытой голове волосы, короткие выцветшие брюки внизу были украшены бахромой, обнажая худые лодыжки ног в старых опорках. На коленях он держал большую старинную книгу в кожаном переплете с медными застежками. Человек читал и улыбался. Он улыбался и читал, не обращая внимания на холодный промозглый ветер, на ожившую толпу, почуявшую запах только что привезенного хлеба, на визгливые крики чаек, круживших над толпой, на просительный собачий лай.

Я стоял, прислонившись лбом к холодной оgrade, и думал: вот, неделю я уже в этом голодном полуразрушенном войной городе и вижу вокруг только сумрачные хмурые лица, а этот плохо одетый худой и, вероятно, голодный человек читает какую-то старинную книгу и улыбается. Он без пальто, в старом пиджачке, не чувствуя холода, читает эту странную книгу и, по-видимому, счастлив, и что-то согревает его. Неужели его согревает то, о чем он читает? Что же это за книга, и что в ней написано такого, что он и не замечает никого кругом?

Я хотел подойти к нему и спросить, но какая-то непонятная робость одолела меня. Я понял, что не могу вторгнуться и разбить этот волшебный мир, те чудные сказания, что заставляют этого человека улыбаться. Я отошел от него и встал в очередь, и пока стоял там, все размышлял об этом истощенном человеке, читающем странную книгу.

Получив теплый вкусно пахнущий хлеб, я, движимый каким-то смешанным чувством благодарности и сострадания, опять направился к этому человеку. Я подошел к нему вплотную и заглянул через плечо в книгу: она была напечатана церковно-славянской вязью с красными киншварными заглавными буквами. Я стоял и смотрел на него и на книгу, но он меня не замечал. Тогда я кашлянул. Он оторвался от книги и поднял на меня усталые глаза. Взгляд был добрый и отстраненный, как будто он только проснулся. Я отломил половину от своего дневного пайка и протянул ему. Он не стал отказываться, а бережно взял ломоть и спрятал его за пазуху.

— Спаси тебя Бог, — сказал он, — Христос смотрит на нас, и Он воздаст тебе за доброту твою.

Оглянувшись кругом, я в недоумении спросил:

— Откуда смотрит?

— Смотрит с небес, — ответил он с улыбкой, — это Он сказал тебе: «Пойди и поделись с этим бедняком хлебом».

— А о чем у вас в этой старой книге?

Он грустно посмотрел на меня, потер себе лоб рукой и сказал:

— В этой книге все: и небо, и море, и земля, и жизнь, и смерть.

Я ушел от него. В моей душе что-то стронулось, возникли какие-то вопросы. Я потом искал его, но больше никогда не встречал. Он остался в моей памяти на всю жизнь, хотя в этой встрече не было ничего особенного, если не считать того, что это был, по-моему, единственный счастливый человек в городке в те далекие, глухие времена, которые за давностью лет представляются мне неправдоподобными.

Я жил в маленькой чисто побеленной комнате в одноэтажном домике, сложенном из желтых блоков ракушечника — столь широко распространенного строительного материала по всему крымскому побережью.

Моя хозяйка Агнесса Петровна — старая полька, бежавшая сюда из Галиции еще в первую мировую войну, доживала свой век здесь вместе со своим мужем, местным школьным учителем, и дюжиной тощих шкодливых коз.

Каждое утро она приносила мне в выщербленной фаянсовой кружке теплое козье молоко. И, стоя на пороге, поправляя сухой коричневой рукой выбившиеся из-под платка сухие лохмы волос, она долго и основательно рассказывала про того козла. Этот козел был необычайно шкодлив и, изощряясь, ежедневно устраивал какие-либо проказы, что служило пищей для нескончаемых рассказов Агнессы Петровны.

Она была очень набожна и по вечерам долго молилась перед изображением Ченстоховской Божией Матери, которую она называла: Матка Боска Ченстоховска, полагая на себя крестное знамение слева направо раскрытой ладонью. А небо хмурилось, посылая на землю то мокрый снег, то холодный дождь. Иногда ветер разгонял тучи и на синем небе появлялось яркое южное солнце, с крыши текло, темно-зеленые кипарисы рельефно выделялись на синем фоне неба, покачивая острыми верхушками. Во дворе озабоченно кудахтали куры, и истерично вскрикивали индюшки. В конце зимы я немного разболелся. Агнесса Петровна послала своего мужа за доктором. После обеда пришел старенький сухощавый с седой бородкой врач. Он приложил к моей спине холодный черный стетоскоп и долго выслушивал хрипы, заставляя меня покашливать.

— Я думаю, — сказал доктор, — через неделю все пройдет. Чай с медом, молоко с содой, сухую горчицу в носки. Ну, поправляйся, не скучай, я пришлю тебе что-нибудь почитать.

Действительно к вечеру старухин муж принес мне две книги. Одна была из серии золотой библиотеки: «80 тысяч лье под водой» Жюль Верна, другая называлась так: «Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа».

Поскольку всю жизнь мне говорили и в школе, и дома, что Бога в природе не существует, я отложил в сторону Евангелие и принялся за Жюль Верна. Два дня я путешествовал с капитаном Немо и его друзьями в подводном царстве Атлантики и Индийского океана. Но все кончается, Наутилус с его капитаном остался в пещере, и я с сожалением закрыл книгу.

Несколько дней я не прикасался к Евангелию, но однажды вечером, когда скука и одиночество одолели меня, а за окном уже наступила вечерняя темнота, я зажег керосиновую лампу и взял в руки Евангелие.

Раскрыв обложку, я обнаружил там необычную дарственную надпись: «Во имя Господа Иисуса Христа, ради Его святого имени на русской земле благословляю сие святое Евангелие командиру восьмой роты, капитану Сергею Михайлову на спасение жизнь, крепость и победу над врагами видимыми и невидимыми.

Игумен Серафим.

Лета от рождества Бога-Слова 1904, октября 21 дня». Позже я узнал от доктора, что это Евангелие досталось ему от белогвардейского офицера, расстрелянного большевиками в Феодосии.

Впоследствии, живя в Крыму, я почувствовал, что это — земля крови, земля Каина и Авеля, полуостров всего в 25 тысяч квадратных километров, место массовых смертей, массовых захоронений, земля величайших страданий человеческих.

Ченстоховская икона
Божией Матери

И я потом понял, почему, как нигде в другом месте, в Крыму на меня навалилась такая неизбывная тоска, что все темнело перед глазами, хотя был яркий солнечный день, кругом все цвело, благоухало и пело. Но какой ценой заплачено за эту землю, об этом знает только один Бог.

Итак, был вечер зимой 1946 года, и я, раскрыв наугад Евангелие, стал читать следующее: «В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидевши Его, идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это — Я, не бойтесь. Петр сказал ему в ответ:

Господи! Если это — Ты, повели мне...

Тут у меня стала гаснуть лампа. Кончался керосин. Вдруг гулкий мощный взрыв потряс дом, задребезжала ложка в стакане. Я вздрогнул от неожиданности. Это морской прибой грохнул о берег круглую рогатую мину, сорванную штормом с якоря. Такое здесь случалось часто, но я не мог к этому привыкнуть. В сарае закричали встревоженные куры, залаяли собаки. Я долил из бутылки в лампу керосина и принялся читать дальше:

«Петр сказал ему в ответ: Господи! Если это — Ты, повели мне придти к тебе по воде. Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу; но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! Спаси меня! Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: Маловерный! Зачем ты усомнился?»

Это впервые прочитанное слово Божие не прошло для меня бесследно, хотя тогда я принял его за красивую легенду. К приятию христианства я шел очень тяжело и долго. Я прорастал к нему через пласты сомнений, атеизма и всеобщего отрицания Бога. Я прорастал к нему, как прорастает к свету былинка через слои асфальта. Ничего на меня не нисходило, не озаряло, не бросало вдруг в объятия христианства. Вера росла постепенно. Это был очень медленный и холодный рост, наподобие роста кристалла.

Приятию Христа мне особенно мешало огромное сомнение в божественном происхождении человеческой природы.

За время войны я был свидетелем ужасающего насилия человека над человеком, аналогов которого никогда не встретишь ни у каких видов в животном мире. Кажется, в нашей стране было поругано все, что может быть поругано. И у варваров, разрушивших мир, и у татаро-монголов, вторгнувшихся на Русь, и даже у африканских каннибалов было что-то святое, что-то хранимое и почитаемое, нечто такое, что не могло быть осквернено; у современного же человека не было ничего святого. Но и сам я был не лучше, за что Бог и не давал мне благодати веры. Но все же совесть, вложенная Богом в меня, просыпалась временами и отвращала от злых дел, более того, она подвигла меня посвятить себя служению больным, и я поступил учиться в медицинский институт.

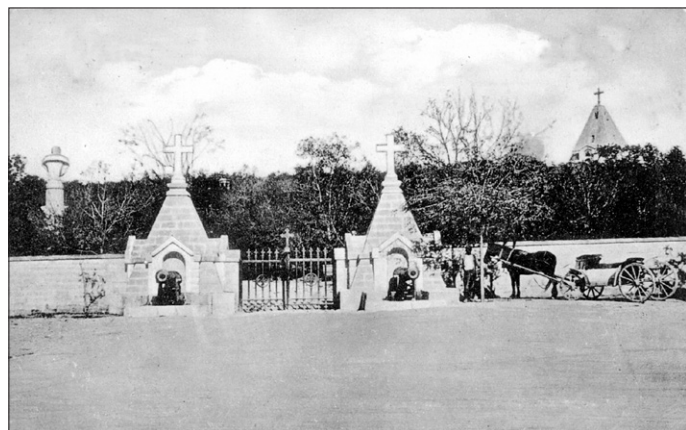
Летом через несколько лет я опять приехал в этот маленький приморский городок, но Агнессы Петровны и ее мужа я в живых уже не застал. Они оба направились в тот лучший мир, где нет ни печали, ни болезни, ни воздыхания. В их домике жили другие люди, которые за небольшую плату уступили мне на лето комнату.

Утром я проснулся от солнечных лучей, падавших из окна прямо мне в глаза. О погоде здесь летом заботиться не приходилось: она в те годы в Крыму всегда была превосходная. Прямо под окном расцвел пышным цветом куст казанкльской розы. Чудный аромат наполнял всю комнату. Я вышел во двор. Все кругом сияло, зеленело и радовалось свежему утру. Издалека слышался слабый колокольный звон. Такие нежные единичные удары, называемые благовест, несущие добрую весть, о том что существует храм Божий, в котором должно состояться богослужение. Я решил сходить в церковь и посмотреть, что там делается, но пока собирался, пока не спешил, поспел только к окончанию службы. Я увидел там людей, собравшихся на середине храма. Они внимательно слушали старого, убеленного сединами человека, стоявшего среди них и возвышающегося над ними на целую голову. Его очки отражали горящие огоньки церковных свечей, белоснежная борода ниспадала на золотое парчовое облачение.

— Кто это, — спросил я свещницу.

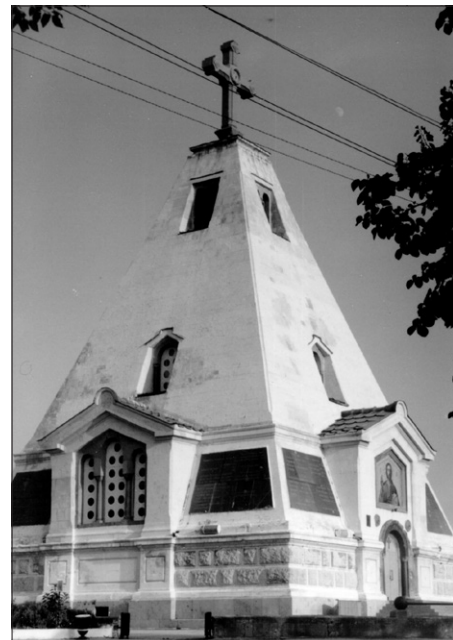
— Это архиепископ Симферопольский Лука, — ответила она тихо, подавая мне свечку.

Архиепископ говорил негромким проникновенным голосом. Я прислушался:

Братское кладбище в Севастополе

*Храм
на Братском
кладбище
в Севастополе*

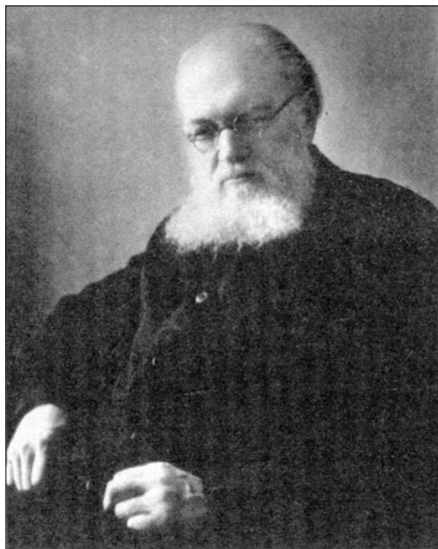
— В четвертую же стражу пришел к ним Иисус, идя по морю.

Я узнал: это было Евангелие от Матфея, читанное мною в первый послевоенный год.

— Итак, братья и сестры, — продолжал проповедник, — в четвертую стражу, по Римскому исчислению, означало — после трех часов ночи, на рассвете. Он подошел к лодке учеников, идя по морю. Пусть вас это не смущает. Господь наш — владыка всего им созданного, он побеждает законы природы. Но не только он сам мог ходить по морю, как по суше, но дозволил и апостолу Петру идти по воде, потому что вера Петра во Христа не давала ему утонуть. Но как только Апостол усомнился в том, что его поддерживает сила Божия, как только поколебалась его вера, так сразу он начал тонуть. «Маловерный, зачем ты усомнился?» — сказал ему Христос.

Вот, поэтому, дорогие мои братья и сестры, бесполезно быть близ Христа тому, кто не близок к нему верою.

Вот, думал я, польза хождения во храм. Кто бы мне это растолковал? Об архиепископе Луке я многое слышал в медицинских кругах, но видеть его мне до сих пор не приходилось. Про него рассказывали, что это был блестящий хирург, талантливый ученый, профессор. Безвременная смерть горячо любимой жены привела его к вере в спасительную силу христианства. Впоследствии он принял сан священника, затем пострижение в монашество, а в 1923 году стал епископом. И это в то страшное время, когда гонение в советской России на Церковь встало на уровень государственной политики. В эти годы были расстреляны: митрополит Киевский Владимир, митрополит Петроградский Вениамин и десятки других епископов, и тысячи священников. И профессор Валентин Феликсович Войно-Ясинецкий, он же архиепископ Лука, будучи священнослужителем, никогда не оставлял своей врачебной и научной деятельности. Он был ведущим специалистом в области гнойной хирургии, ученым мирового значения. Но это не спасло его от репрессий; он разделил судьбу служителей церкви России, пройдя через тюрьмы, лагеря и ссылки вплоть до начала войны Германии с СССР, когда у нас в госпиталях оказалась большая смертность раненых от гнойных осложнений.

Архиепископ Лука
(Войно-Ясенецкий)

Об этом было доложено И. Сталину, который с удивлением спросил: «Неужели у нас нет крупных специалистов в области гнойной хирургии?» Ему ответили, что есть такой, но он в ссылке в деревне Большая Мурта под Красноярском.

Немедленно последовало решение: «Из ссылки возвратить, ученые труды опубликовать, предоставить все условия для работы».

В 1946 году в центральных газетах было опубликовано, что профессору В.Ф. Войно-Ясенецкому за его научные труды, способствующие успешному лечению раненых, присуждена Сталинская премия первой степени. Архиепископ Лука пожертвовал ее детям-сиротам войны.

Я стоял в церкви и смотрел, как народ подходил к архиепископу под благословение. Люди тихо с благоговением целовали крест и руку, руку архиепископа и хирурга.

Я думал: вот человек просто легендарной судьбы, человек, который без сомнений идет по бурному морю жизни и не тонет в его пучине, как тонул усомнившийся апостол Петр.

Вечером того же дня я лежал у себя в комнате на топчане и решал: пойти мне к Владыке Луке, или не идти? Мне необходим был совет: как жить дальше? Потому что жизнь зашла в тупик, я уже не видел в ней смысла, хотя мне не было еще и тридцати лет. Рутинная обыденщина удушливого советского бытия окрасила мир в серые тусклые краски, породила безотчетную тоску, а выходить из этого состояния при помощи водки и наркотиков я не хотел, да и как врач понимал, что после будет еще хуже.

Я слышал, что Владыка доступен и принимает всех, кто к нему ни обратится. В конце своих раздумий я решил для начала обратиться к нему со своей больной ногой, которая была у меня повреждена со времен войны.

Свое посещение Владыки я смог осуществить только в начале осени в Симферополе. Предварительно у сведущих церковных людей я узнал, как подходить к Владыке под благословение, как вести себя у него в покоях, чтобы не попасть впросак. Впоследствии это оказалось совсем ненужным. Выбрав подходящий, по моему разумению, день, я направился на прием к архиепископу. Двери мне

открыла келейница, которая попросила подождать в приемной, а сама пошла доложить о моем приходе.

Вскоре она вышла со словами: «Пожалуйста, Владыка вас ждет». Она ввела меня в большую светлую комнату. Что в ней было, я совершенно не помню, потому что все мое внимание было направлено на Владыку. Он сидел в большом старинном кресле спиной к окну, облаченный в светлый кремовый подрясник, подпоясанный поясом, на котором были вышиты золотистые колосья ржи и голубые васильки. Ноги его, обутые в мягкие домашние туфли, покоились на низенькой скамеечке. Я стоял в дверях в каком-то замешательстве.

— Подойдите ко мне, — мягко сказал Владыка. Я подошел и поздоровался. Потом, наклонив голову, попросил благословения.

— Как ваше святое имя? — спросил он. Я сказал.

Он, положив мне на голову руку, благословил меня. Я поцеловал ему руку, лежащую на подлокотнике кресла.

— Что привело вас ко мне? — спросил Владыка.

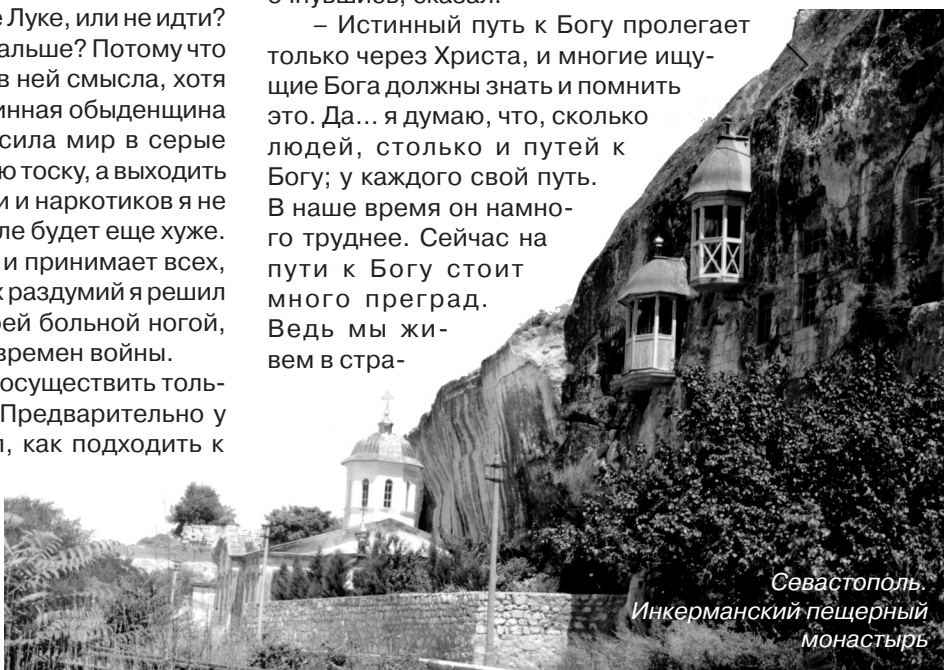
Я начал жаловаться на больную ногу, но он перебил меня и попросил рассказать о себе, о своей жизни. Вначале робко, а потом смелее, все до самой подноготной, я рассказал о своей нескладной жизни, о работе патологоанатомом в больнице, о своем маловерии. Он внимательно выслушал мою исповедь, перебирая гибкими длинными пальцами черные узелки монашеских четок.

— Я вас понимаю, — сказал он, вздохнув. — Все это знакомо и мне. И я когда-то чувствовал себя сбившимся с пути и оставленным Богом. И меня, было время, терзали сомнения. Иногда я принимал просто бестолковые решения. И вера в спасительность христианства не далась легко. Мне пришлось выслуживать ее у Бога многолетним трудом, ценою собственных страданий. Одним вера дается, как дар Божий — легко. Такая вера пришла к любимому ученику Христа Иоанну Богослову. Другим вера дается трудно, через сомнения и испытания, как, например, апостолу Фоме. Не знаю, что лучше? Хотя в ответ на сомнения Фомы Христос сказал ему:

«Блаженны не видевшие и уверовавшие.»

Владыка задумался и закрыл глаза. Потом, как бы очнувшись, сказал:

— Истинный путь к Богу пролегает только через Христа, и многие ищущие Бога должны знать и помнить это. Да... я думаю, что, сколько людей, столько и путей к Богу; у каждого свой путь. В наше время он намного труднее. Сейчас на пути к Богу стоит много преград. Ведь мы живем в стра-

Севастополь.
Инкерманский пещерный
монастырь

не, где Бог пишется с маленькой буквы, а КГБ с большой. Современному человеку пройти по водам невозможно. Уж если сам апостол Петр тонул в море, то мы все в этом житейском море барахтаемся, как котят. Не стремитесь совершать великие подвиги, великие дела. Не всякий на это способен, а от неудач возникают разочарование и апатия. Прежде всего, будьте добросовестны в малом, и Бог, видя ваше старание в малом, подведет вас и к большому делу. Уезжайте из города. В городе больше соблазнов, больше греха. Город — место противления Христу. Помните, кто основал первый в мире город? Не помните... Так вот, в книге Бытия говорится: «И построил Каин город и назвал его именем сына своего Енох». Поезжайте в деревню и займитесь там практической медициной. Лечите простых тружеников, но не забывайте об их душах. Вы же не сомневаетесь, что у человека есть душа? У нас в стране многие в этом сомневаются. Даже те, которые учились и недоучились в семинарии. Я вот был у одного такого на приеме в Москве, когда мне была присуждена Сталинская премия. В конце приема он у меня спрашивает: «Неужели вы всерьез верите, что у человека есть душа?» «А вы верите, что у человека есть совесть?» — спросил я в свою очередь. «Да, верю», — сказал он. «Но я ее не видел, — сказал я, — хотя оперировал живых и вскрывал мертвых». «А вы — неплохой диалектик, — сказал он и улыбнулся в свои усы». Когда я уже выезжал из Кремля, то подумал: «Как бы эта диалектика не привела меня опять в Большую Мурту». Но, слава Богу, все обошлось.

Владыка огладил рукой бороду, посмотрел на меня и продолжал:

– Вот потрудитесь в деревне. Почаще читайте Новый Завет, особенно Послание к Коринфянам, каждый день читайте Псалтырь, и вера Ваша будет возрастать изо дня в день. А Библия у Вас есть?

— Нет, Владыка, — ответил я. — Где же ее сейчас достанешь, если только у священника попросить почитать.

Он позвонил в колокольчик. На звук его пришел благообразный пожилой секретарь в рясе и с наперсным крестом.

— Будьте добры, — обратился к нему Владыка, — запишите адрес моего гостя, мы пришлем ему Библию, как только получим из Москвы.

Действительно, через месяц я получил посылку из Симферополя. Это была Библия от архиепископа Луки.

Вскоре я уволился с работы и уехал навсегда из города, где жил. Устроился я на работу сельским врачом в небогатом горном районе Южной Осетии. Это был довольно глухой и далекий от современной цивилизации уголок, где я долгие годы выслуживал у Бога себе веру, как когда-то это делал архиепископ Лука.

Кстати, он не забыл осмотреть тогда мою раненую ногу, дал хороший совет и на прощанье сказал, что Платон был прав, когда говорил, что это — величайшая ошибка при лечении болезни, что имеются врачи для тела и врачи для души.

В Южной Осетии население было смешанное. Я жил среди осетин и грузин. Это были добрые мирные люди, которые роднились между собой, и какой-либо национальной вражды между ними не было. Все они были православные христиане, но по всей области все церкви были закрыты, и не было ни одного священника. Поэтому народ за время советской власти христианство забыл и склонился к языческим верованиям предков. Я думаю, что это обстоятельство послужило одной из основ вспыхнувшей жестокой национальной междоусобицы между грузинами и осетинами.

Ведь известно, что если народ забывает Христа, то приходит дьявол и ожесточает сердца, и разжигает в народе пламя раздора и войны.

Бедные мои, бедные больные люди, которых я лечил в те годы! Через ваши тихие и мирные селения прокатилась нелепая жестокая война. Где вы? И много ли из вас осталось в живых?! Мне писали, что все селение сожжено, все лежит в руинах, а люди рассеялись по лицу всей земли.

Как и во времена Великого Октября, опять как будто пришли времена Каина и Авеля, и стал восстанавливать народ на народ, возжелавши крови друг друга; из-за грома пушек и автоматных очередей они не слышат голос кроткого Христа, говорящего им: «МИР ВАМ, ЛЮДИ! А взявшие меч, от меча и погибнут».

О МОЛИТВЕ

Еще в Ветхом Завете есть указания на совершение молитв. Позже, еще до воплощения Спасителя, во время первого изгнания евреев, были установлены специальные правила для совершения молитв. Молитвы евреев и язычников отличались пространностью и туманным смыслом. Христос осудил такие молитвы и дал им ясную, краткую и глубокую по содержанию молитву Господню — «Отче наш».

Что есть молитва?

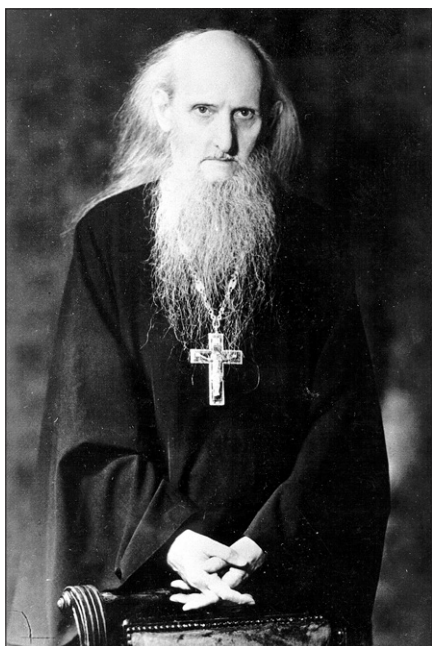
Молить — значит что-то усиленно просить. Умолить — значит упросить, вымолить — значит выпросить, замолить — получить прощение. Но часто под словом молиться понимают общение человека с Богом. Наш Бог — творец всего сущего, не какой-то недоступный заоблачный Бог, а Бог живой, всегда отвечающий нам помышлением или озарением нашего сознания, или каким-то малым, едва заметным знаком, резкой или

плавной переменой нашей судьбы, каким-то действием или пробуждением совести. Если мы с Богом, то и он всегда пребывает с нами во всей жизни нашей, если мы не с Богом, то около нас всегда будут обитать темные демоны, навлекающие беды и неприятности.

Мы сами, состоящие из двойной сущности — тела и души, имеем Божественное происхождение. Тело мы получили от родителей, а душу от Бога.

Душа наша проста и однородна. По своей однородности она не может распасться, но вечно существует. Тело наше устроено очень мудро и составлено из всех элементов, имеющих в природе. Инженерное решение в конструировании нашего тела — само совершенство. Такое гениальное творение, каким является человек, по плечу только Богу, но материал — плоть.

Материал, рассчитанный, при бережном с ним обращении, на 70–80 лет. Нам это кажется мало, но что делать,

*Иеросхимонах
Сампсон (Сиверс)*

если Господь положил такой предел. Вероятно, потому, что согрешивший в Адаме человек в своем эгоистическом себялюбии не очень-то укоренялся в этом мире, желая, подобно Богу, быть вечным, а совершив свой путь в благочестии, без сожаления отходил к вечной жизни уже в другом измерении, уступив свое место в этом мире для других поколений.

Конечно, не всем это понятно и даже неприятно, и не только неприятно, но даже страшно, иногда страшно до ужаса.

Как?! Уходить отсюда навсегда, навсегда покинуть этот любезный нам мир со всей его земной красотой?!

Вопрос останется без ответа. Все окружающее нас будет молчать, пока мы не возьмем в руки Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа, где найдем и ответ, и утешение.

Когда мы молимся, мы разговариваем с Богом, когда читаем Библию — Бог разговаривает с нами. Получается диалог человека с Богом. Если мы будем молиться вдумчиво, с благоговением, полностью предавшись всей душой Богу, то вскоре почувствуем, что мы не одни, мы почувствуем его незримое присутствие около нас. Если мы на какое-то время оставим свои житейские заботы, почитаем Библию, поразмыслим, подумаем о Боге, о себе, то поймем, что мы полностью зависим от Бога. Зависим во всем от самого рождения и до последнего вздоха. Поэтому постоянная молитва необходима нам на всем протяжении жизни. Она необходима особенно для души. Как маленький ребенок нуждается в том, чтобы его кормили каждые четыре часа, так и душа наша нуждается в постоянной молитве, а если нет, то душа начнет умирать. Она не умирает физически, не распадается, как наше тело, потому что душа наша однородна и бессмертна. Здесь происходит особое духовное отмирание. Душа перестает животворить наше тело, и начинаются страдания и болезни. Нет необходимости утруждать себя длительной и празднословной молитвой. Спаситель предупреждал нас: “А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны” (Мф. 6,7).

Христианская религия связывает нас с Богом. Эта связь осуществляется через Богослужения, церковные таинства и, особенно, молитву.

По свидетельству знаменитого христианского богослова Квинта Септимия Тертуллиана, жившего в III веке, не только человек, но даже вся тварь Божия молится. Молятся светлые Ангелы небесные, молятся стада скота, и звери лесные преклоняют колена, исходя из своих убежищ, они поднимают чело свое к небу и приветствуют Творца своим мычанием. Птицы с наступлением утра направляют полет свой к небу, простирают крылья свои в виде креста и щебечут нечто такое, что походит на молитву. “Всякое дыхание, да хвалит Господа”. (Пс. 150,6).

Птицам небесным никто не запрещал хвалить Господа, но у нас в России были такие гонения на церковь, какие не приснятся и в диком сне. В те страшные, мрачные времена, когда преследование за веру в Бога было государственной политикой, когда расстреливали кротких деревенских батюшек, дьяконов, бывших монахинь, когда стойких в вере мирян бросали в лагеря за колючей проволокой, когда взрывали храмы, сжигали иконы и церковные книги, тогда закону Божию ходили мы учиться к потаенным старцам. Были такие потаенные старцы и старицы в прошлом: священники, монахи или просто очень крепко верующие Божие люди. Все они бежали из своей местности и скрывались от преследования. Их было мало, но все же они были. Иногда они принадлежали к подпольной катакомбной церкви, но чаще были сами по себе. Они жили скрытно и незаметно в частных домиках городских предместий у бедных людей или в городе в рабочих заводских районах. Почему-то часто их принимали пожилые дворничихи, жившие в полуподвальных помещениях. Эти потаенные старцы обычно выдавались за немощных больных деревенских родственников. Для них в комнате ситцевой занавеской отгораживали угол, ставили там деревянный топчан или узкую железную кровать, тумбочку с кружкой, на стене вешали небольшую иконку с лампадкой. Старец принимал, сидя на кровати в накинутом на плечи ватнике, опустив на пол ноги в старых подшитых валенках, на голове черная бархатная скуфья, по груди струится длинная седая борода, в худых старческих руках потертые монашеские четки. Над кроватью висела потемневшая иконка и теплилась лампадка.

Чаще всего книг священного писания не было. Их заменяла пухлая стопка засаленных ученических тетрадок, исписанных от руки.

Добраться до старца в те времена было не легко при тотальной слежке и сыске в стране. Приводили к нему верные люди после длительных переговоров и испытаний. Старцев в народе очень берегли и жалели, как страдальцев и мучеников за веру. Хожение к старцам было опасно. Риск был велик, так как за это грозила статья по обвинению в религиозной и антисоветской пропаганде. И вот, эти старцы и старицы сидели по своим углам за выцветшими ситцевыми занавесками, делая святое дело, просвещая нас темных, советских, светом Христова учения, и молились Богу за весь народ, за то, чтобы быстрее кончилось время слуг антихристовых. Старцы никогда не унывали, всегда весело, с шуткой встречали приходивших к ним.

Одним из таких старцев был отец Сампсоний. Жил среди нас батюшка Сампсоний — иеромонах, схимник. Дожил он до сравнительно хороших времен и умер в Мо-

ске в 1979 году. Он родился в Петербурге в семье графа Сиверса. Будучи англичанином, он с юности возлюбил православие и ушел в дальний северный монастырь. В 1919 году красногвардейцами ЧК он без суда и следствия был расстрелян и брошен под стеной, но остался жив, получив тяжелое ранение. Он был настоящий мученик за веру, прошедший впоследствии через застенки НКВД, тюрьмы и лагеря и освободившийся только после смерти Сталина.

К нему приходили ученики и записывали его наставления. Вот его подлинные слова о молитве, записанные в семидесятых годах на магнитофон: “Что есть молитва? Молитва есть молиться сердцем через ум. Только от духа сокрушенна и смиренна через ум прикованность Богом. Резкость всякая отменяется. Не теряя внимания и Богопредстояния. Это надо начинать каждый день с утра. Не надо долго молиться, длинно молиться, много молиться. Одну молитву Спасителя — ее можно читать шесть раз одно и то же. Быстро молиться, невнимательно — бес с тобою молится. А когда молитва идет от ума и сердца, Ангел-хранитель молится! Бес подталкивает молиться: скорей, скорей, скорей! Когда мешают помыслы или не в мирности, то читать молитвы надо в полголоса и четверть голоса. Только не шепотом. Бес молится шепотом. Надо молиться медленно, вдумываясь в каждое слово. Можно молиться лежа.

Бесы любят усыплять богомольца-ночника. Значит, кто собирается в церковь, вот он заблаговременно позаботится о том, чтобы быть мирным и наладить свое молитвенное предстояние Богу. И, идя уже в церковь, быть молитвенно в себе, чтобы потом переключиться, входя в церковь, к чтению и пению. Тогда мы получим огромную силу и энергию, благодатную для того, чтобы вернуться домой с большим запасом духовных сил, противостоять всякому греху и настроению. Необходима большая молитвенная работа над молитвой, чего, обычно, миряне лишены. Самое лучшее время для молитвы — это ночь. От потребности сердца Богу предстоять”.

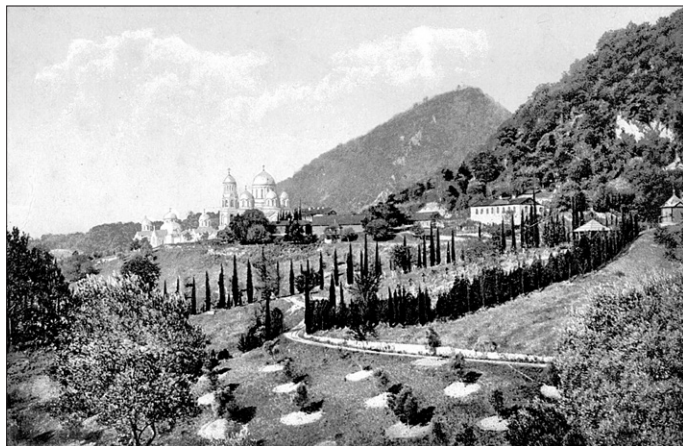
Очень жаль, что батюшка Сампсоний не дожил до наших удивительных времен, когда прекратился советский террор за религиозные убеждения. К великому сожалению, я вырос в безбожной семье. В школе было еще хуже. В институте была такая идеологическая свистопляска, что и вспоминать противно. Библия считалась запрещенной книгой. Священники и епископы почти все расстреляны, остальные томились в лагерях. В единичных церквях были единичные батюшки. Не знаю, для чего они были оставлены. Они молчали. Проповедовать было страшно. В церкви постоянно толпились агенты КГБ. Знания о христианской религии, о вере приходилось собирать по крупицам. Например, читая атеистический словарь — настольную книгу безбожника, отбрасывая безбожную скверну, можно было кое-что узнать о Христе, о Пасхе, Рождестве, о церковном богослужении. До многого приходилось додумываться самому, но особенно много помогли беседы с потаенными старцами.

У меня сохранились записи после бесед со старцами в те страшные годы, когда за веру во Христа можно было угодить в лагерь.

Вот они.

Раздумье о молитве.

Прежде чем начать молитву, надо полностью освободить свой ум от всего суетного, чтобы на его поверхности и в глубине не было никаких образов и представлений,

Ново-Афонский монастырь

слов, чувствований, тревоги, ожидания, забот и разных помыслов. Ум закрыт от мира, он спокоен, как водная гладь, он чист, как лист бумаги. Это выдержка, подготовка поля для возникновения и разгона молитвы, для последующего ее взлета. Ничто не должно мешать на ее пути или неожиданно возникать. Лучше всего быть наедине, в замкнутом пространстве, в полумраке. Двери закрыты на ключ, окна занавешены. Перед молитвой не наедаться. Сытая молитва — бескрылая. Но и чувство голода тоже не должно томить. Грудь дышит свободно, голова — ясная. Если испытываешь боль или неприятные ощущения в теле, то на сегодня следует ограничиться только Иисусовой молитвой: “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного...”

Итак, после полного успокоения зажечь свечу или лампадку. Много икон не надо, не более трех. (Все это время храни ум свой и не пускай в него ничего).

Не спеша, широко твори крестное знамение, но так, чтобы тело чувствовало пальцы. Сокрушенный вздох... и начинаешь свое моление ночное. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

1. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного!

Благодари Господа за то, что ты есть и живешь, созерцающая красоту творения Его, за благодать здоровья, или за посланную в назидание болезнь. За хлеб, за все блага, которые ты с Его помощью получаешь. (Все время храни ум от постороннего!)

2. Теперь начинаешь покаянную молитву, где исповедуешься Господу в своей неправде и лукавстве, осквернении тела и души, соблазнах и искушениях от лукавого и от людей. (Все время храни ум свой и не допускай помыслы!)

3. Начинаешь просительную молитву, где просишь у Господа только духовных благ, понимания священного писания и хранения от свершения грехов, помощи и защиты от нападения бесовского.

Слишком не докучая, можно просить здоровья духовного и телесного для возможности приготовления души для Царствия Небесного. (Храни свой ум от пустых помыслов!)

4. Еще молишься за живых, чтобы они встали на праведный путь. С любовью и скорбью молишь за души усопших христиан, чтобы Господь помиловал их и избавил от вечных мук. Слава Богу за все.

Далее старец говорил мне, что перед лицом Бога стоящий на молитве становится самим собой, он знает,

что Бог видит его насквозь, поэтому человек чистосердечно кается, кается перед Богом во всех своих злых делах. Старец, на мой вопрос, высказал свое мнение о пользовании молитвенником:

“Молитвенник — дело полезное и нужное. Молитвы составлены святыми Божиими угодниками, и если пока ты своих слов не находишь, чтобы взывать к Господу, тогда пользуйся молитвословом.

Молитвенник адресован, в основном, первоначальным, то есть недавно пришедшим ко Христу, которым молитвенник служит подобно посоху для слепца. Еще им пользуются люди, имеющие своеобразную робкую веру или так называемую бытовую веру, когда веруют по привычке, без всякого чувства в душе. Эти люди, подобно солдатской службе, могут ревностно исполнять повинность религии. Они старательно, по привычке, механически вычитывают утренние и вечерние молитвы.

Но ничего не сравнится с собственной сердечной молитвой, обращенной в своих словах к Богу. Своя молитва трудна, но она оживляет душу и дает почувствовать присутствие Бога живого. И блажен тот человек, который придет к собственной сердечной молитве. Пусть первые его собственные молитвы его будут несовершенны, косноязычны и корявы, но затем он получит от Бога дар собственной горячей молитвы, которая сама польется из его сердца”.

Потаенный старец, которого я посещал, поучаясь в законе Божиим, говорил о том, что молитвословие — есть частное Богослужение. Вот, если ты назначен на прием к большому начальнику, то ты стараешься привести себя в порядок, чтобы лицо и костюм были чистые. Так и в молитве, человек должен быть достоин общения с Богом. Он должен иметь благочестивый, мирный и спокойный настрой души, он не должен стараться использовать свою молитву во зло другим.

Если у человека нет мирного душевного настроя, или он молится во зло другим, то такая молитва Богом не приемлется. Старец рассказал, какие бывают неугодные Богу молитвы.

“Сытая молитва” — понятие ядовитое, скверное, точное, но правдивое. Название это придумано французским безбожником Вольтером. Я не читал, не знаком, что и где он злословил по этому поводу, но это сочетание — сытость и молитва — невозможное, ханжеское и обманное. Я эту сытую молитву представляю в виде жирного, обожравшегося домашнего гуся, который пытается взлететь, но не может оторваться от земли. Так и бегают он по навозу, распутив крылья, а кругом свиные рыла.

А вот еще одна неугодная Богу молитва. Очень часто миряне ленятся сами молиться, а другие думают, что если за их нужды помолются священники или монахи, то это

будет крепче. Думают, что Бог священников или монахов скорее услышит. И вот они платят деньги, чтобы церковнослужители вместо них постоянно молились, а сами в это время ложатся и преспокойно спят. Это называется “купленная молитва”, которая небо не прошибает. Еще есть “окраденная молитва”. Окрадывается она от нас, если после церковного Богослужения мы садимся за обеденный стол и пустословим с друзьями. Напрасно мы молотили духовную пшеницу. Умолот провалился сквозь решетку и похищен бесами.

Еще бесы скрадывают молитву, тогда, когда губы шевелятся, а ум плавает по мирским лужам и канавам. Надо сказать, что жадные черствые люди молятся холодной молитвой, произнося ее скаредным голосом. Такая молитва обращена к ветру. Есть еще привычная механически заученная молитва — это бездумный патефон, который языком молотит, а сердце далеко отстоит от Бога. Очень плохая ленивая молитва: это зевками разорванная, ржавая цепь, которая болтается на колу в пустой степи неизвестно для чего.

Корыстная молитва — тщится получить от хозяина воздаяние, несоразмерное работе, она подобна бьющейся курице, накрытой ядром. Очень гадкая, ханжеская молитва. Совсем мертвая. Дальше гнилого гроба не идет.

Бывает и так, что молятся на погибель другого — это злая молитва. Она доходит до небес, но рикошетом возвращается и ударяет по тому, кто ее придумал.

Все эти приведенные выше молитвы есть неугодные Богу молитвы, потому что все они связаны с гибельным состоянием духа нашего — гордостью. В священном писании сказано: “Бог гордым противится, а смиренным дает свою благодать” (Иак.4,6 и 1 Пет. 5,5).

Святые отцы и учителя Церкви завещали нам, что прежде чем молиться, надо навести в душе порядок. Например, про утренние молитвы они говорили так: “Воспрянув от лености, и истрезвившись, восстав от сна, говори так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь».

Посем постой мало молча, пока утихнут все страсти твои, и тогда сотвори три поклона, говоря: “Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного”.

На этом мои записи бесед со старцами кончаются.

Вспоминаю этих Божиих людей, которые тогда были вне закона. Как они были унижены! За ними охотились, как за дикими зверями. Вся их вина заключалась в том, что они были носителями Христовой истины. А стоящие у власти коммунисты ненавидели и боялись Христа, как огня. Они хотели стереть память о нем в народе, полагая, что утвердились над страной на века.

Но где они теперь?! Их нет. И весь их аппарат подавления и насилия разрушен.

А Христос всегда был, есть и будет во веки веков. Аминь.

На 1-й и 2-й сторонах обложки: Александро-Невская лавра (современный снимок). Икона св. блгв. кн. Александра Невского из храма Воскресения Христова (Спас-на-Крови). Художник М.В. Нестеров.

На 3-й и 4-й сторонах обложки: рака св. блгв. кн. Александра Невского в Свято-Троицком соборе Лавры (снимок начала века). Крестный ход с мощами св. блгв. кн. Александра Невского в день праздника в Александро-Невской лавре.

Оформление обложки М.В. Иванов.

